

Река Пур

Голубика

Виктор Агичев
и Пяк Пинику

Здесь другие настоящие люди построили поселок, ставший затем городом. Шаманские камлания и вызванные ими «духи углеводородов» создали в итоге то, что и определяет сегодня центр Пуровского района ЯНАО, в котором зарегистрированы представительства нескольких десятков известных брэндов нефте- и газодобывающих компаний.

Углеводороды. Нефть. Газ. Стратегический ресурс державы, беда аборигенных этносов, средство шантажа разных прокладочных государств, бельмо на глазу у всяких там Shell, Chevron и прочих, процветание одних и гибель других...

С горизонта пришедшие.
Стела в Тарко-Сале

Лесотундра у пос. Ханымей

Карликовая береза

Шикша

Морошка

ния с ней Айваседа-пур и образования реки Пур. Стоит ли говорить, что реки носят «фамилии» основных ненецких кланов: Пяк (Пяко) и Айваседа.

Когда-то, согласно преданиям ненцев, древний народ сиртя (ситря/сихитря) ушел под землю, в сопки, оставив о себе память в виде легенд и железных орудий, которыми (как верят ненцы) одаривают их вышедшие из-под земли сиртя. «До ненцев здесь жили маленькие люди сихитря. Когда пришли ненэй неннэче – настоящие люди, сихитря ушли в землю».

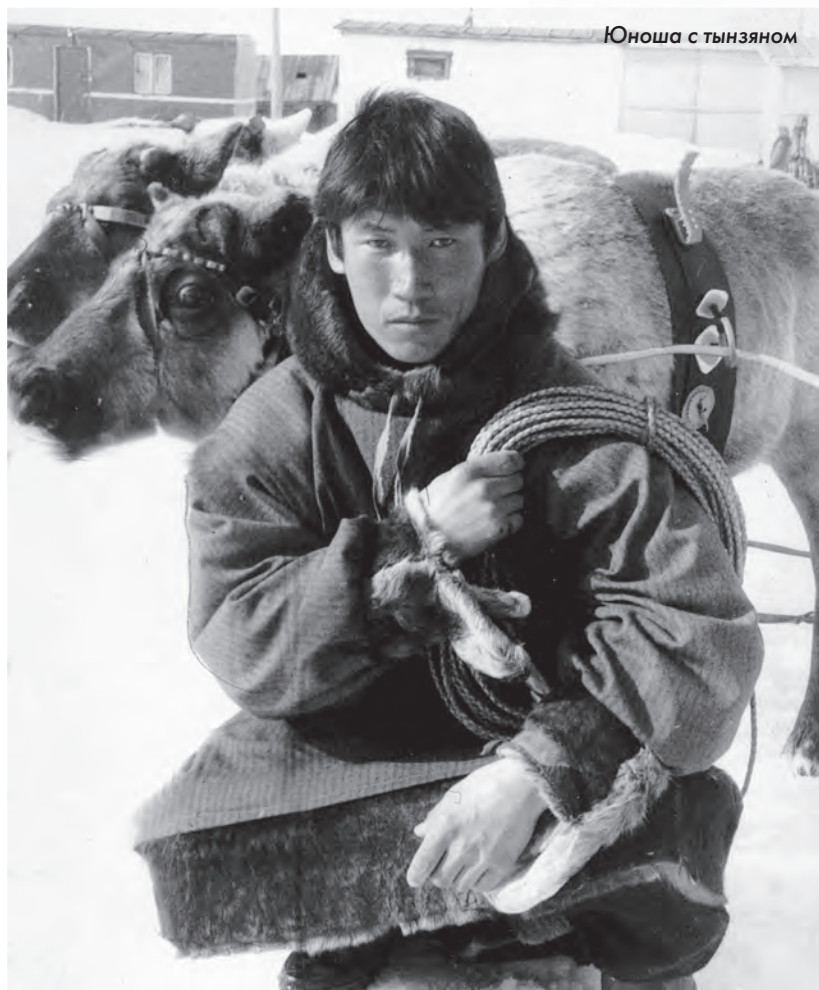
Углеводороды. Если так и пишется слово «счастье» на каком-нибудь языке, то явно не на языках самодийской группы.

Вот «Пур» другое дело. По названию бурной (русское «бур» – почти ненецкое «пур») большой реки, прорезающей весь Пуровский район с юга на север до Тазовской губы. Каждый живущий здесь знает, что на языке лесных ненцев «Тарко-Сале» – это «мыс на развилке». Точнее место на берегу реки Пяку-пур недалеко от слия-

Историческая реальность легендарных сихитря – «людей, живущих в сопках», косвенно подтверждается многочисленной топонимикой ХМАО и ЯНАО, где указывается нечто, связанное с сопками – естественного происхождения холмами-курганами, резко выделяющимися на фоне монотонного ландшафта. Например, название озера Ярте переводится как «Сопкастое», а на берегу озера расположено городище.

Ледоход на р.Пур

Юноша с тынзяном

Есть на карте ЯНАО: Сихитря седа – Сопка сихитря, Ситря яха – река Ситря, Ситря мя – Жилище сиртя и др.

Отдельная тема – «песенный народ» Ар-ях (где с языка ханты «ях» – народ, люди), что согласуется с фонемами «арья» (санскр.) и «ария» (иран.-авест.), но имеет свою семантику: «песенные люди» или «народ, о котором поется в песнях». Этнографы, работая на севере Западной Сибири, указывали на устойчивость сказаний и преданий обских угров и самодийцев о некоем древнем белом народе, который, придя с севера, населял эту территорию до них, а затем ушел... на юг? В Вечность?

Она бывает разная. Кто-то уходит, оставляя добрую память, кто-то – развалины...

Что оставим мы?

«Урал Промышленный – Урал Полярный»? Еще одно мегазаблуждение века. Или мегаафера, прикрытая красивыми лозунгами

и хвалебной писаниной заказных журналистов и умственно ограниченных руководителей разного уровня. Не потому, что среди них есть дураки. Есть. Сам видел. Главное – семантические фильтры «не заточены» у них для восприятия тех граней и уровней Реальности, о которых они даже и не подозревают.

Их бы энергию и рвение в другие проекты. Урал экологический. Урал ноосферный. Сибирь священная и Сибирь грядущего Золотого века... Вот это я понимаю... Ради этого стоит рубиться. Заодно и американцам насолить – с их уолтер-мидовским проектом новых американских штатов Сибири.

Что мы делаем? (Мы – люди). Раскачиваем маятник. Когда его амплитуда достигнет максимума, мир «схлопнется». Вдруг тысячи кубических километров пустоты, созданной в результате многолетней добычи нефти и газа из-под морских отложений Западной

Сибири, проявят себя? Вздогнет земная кора... или какие-нибудь идиоты взорвут бомбу на Новой земле?

Ведь мало того, что закачиваемая в эти пустоты вода изымается навсегда (!) из круговорота биосферы – потому реки Западной Сибири и мелеют... Её объемов просто недостаточно, чтобы заполнить все лакуны.

Есть, правда, слабое утешение, что Мать-Земля сама продуцирует углеводороды и заполняет ими «раны». Надеяться лишь на это?

Когда живущие здесь ненцы, селькупы, ханты, зыряне, а вместе с ними потомки геологов, нефтяники и газовики тоже «уйдут под землю», подобно сиртя, тогда будущее сольется с прошлым, как оно не раз и бывало в метаистории. Цикл закончится, уступая то, что останется, новым этносам, культурам, цивилизациям... инопланетянам?

Начиналось всё в далеком «советском» 1968-м, когда неизвестные герои N-ского газового месторождения встречали Председателя Совмина СССР товарища А.Н. Косыгина, прибывшего срочно из Москвы. Обут он был в туфельки, кутался в пальтишко, на голове, «ясен день», шапочка-пирожок. Второй человек в СССР (или третий?!). Героев только что открытого крупнейшего месторождения он застал в балке с печкой, смастыренной из железной бочки. Богатыри были одеты в ватные «телагы» без пуговиц (на морозе с ветром они бесполезны). По причине чего один из них встречал Председателя Совета Министров подвязанным алюминиевой проволокой, а у второго фуфайка застегивалась на загнутые гвозди, пришитые вместо пуговиц... И после этого какие-то масоны из Бильдербергского клуба или Трехсторонней комиссии резонно рассчитывают на победу над нами? Да трусы только одного из этих богатырей им всем по колено будут...

Такие люди. Такова и природа. Минималистская, но яркая; бы-

Семья ненцев

страя в вегетации и неподвижная во сне. Тундра-лесотундра... почвы глеевые и что-то еще из подзабытого курса физгеографии.

Для командировочных Север начинается с фирменного «Ямала»... Полтора суток, как до Москвы, и ты на станции Пуровск по колено в снегу, который как раз и выпал этой ночью, поджидая тебя и твои легкие осенние туфли. А на дворе еще октябрь, конец октября... возможно, он, снег, еще растает, а может, и нет. Страшные рассказы уренгойских попутчиков по купе о том, что вот прошлой зимой было и минус шестьдесят четыре – и ничего, вызывают произвольные ассоциации про замороженных-отмороженных из второсортных фильмов. Но при сухом воздухе, говорят, терпимо, и даже пиво пьется. Ясно, не на улице...

Правда, для меня ямальский север начинался еще в сентябре – с обилия рыбы, отсутствия мошки и погодной возможностью для фотосъемки. Тем более что этот «отход на Север» был на самом деле автопробегом. Две тысячи км.

И через день-два начинаешь понимать разницу между «пур», «яха» и «еган», хотя все это обозначения реки лесными и тундровыми ненцами. Хотя мне-то, мне – чему удивляться? Еще, помнится, в одна тысяча девятьсот восемьдесят

третьем четыре месяца бороздил тундру на Урале, на Полярном: курумники, мошка, рваные гусьянки ГТТ, речки, чьи имена с окончанием на «ю»: Танию, Елбыню... спирт по субботам после брезентовой бани... романтика...

Так что, проезжая по мосту через речку с названием Харучейтанганьяха, легко переключаешься с хантыйской гидронимии на ненецкую: Хыльмингьяха, Пяку-Пур, Тыде-Тарка-Яха...

Вновь, после первой полярной эпопеи, «дали дальние видны» – картины осенней разноцветной тундры, ползая по которой с целью фотосъемки, объедаешься перезрелой голубикой и водяникой-шикшой, потому как её некому собирать!

«Pentax», словно «шмайссер», бьется о тело, когда прыгаешь с кочки на кочку, ломишься по мшарам, забыв, что просто проезжал мимо из Тарко-Сале в Уренгой и на тебе германский пиджак, вражеская – американская рубашка, ладно – джинсы, не брюки... светит солнце, но ветер с Арктики такой, какого не бывает в средней полосе. Ветер Льда, ветер потерянной Гипербореи, – суровый и светлый миф, в своей дрёме раскачивающий континент. Ветер как выдох Снежной Фрейи, зовущий

бросить эту дуру Герду и выложить наконец-то главное слово Бытия из кусочков льда... Дуновение Вечности.

Сегодня тундра – это симбиоз хайтека и девственных ландшафтов, чья картинка отсылает к неким картинам колоний землян на других планетах. Знаковый объект – Пуровский ЗПК, сияющий своим никелем в багряной полосе осенней листвы карликовой березы и голубики, переходящей в желтизну редящих лиственниц. Синее-синее небо на контрасте. Глубоко синее. И ты, в измазанном и теперь пятнистом от раздавленных ягод пиджаке, счастливый и пронзительный, на какие-то мгновения выпадаешь из этой долбанной консенсусной реальности. Уже даже пахнет холодом. Хотя еще вьется слабеющий аромат багульника, пряной морошки и кислой лиственничной хвои. Скоро зима. И только газ, чьи голубые невидимые всполохи дают энергию жилам страны сопротивляться тотальной энтропии. Попутный – уходит на факелы, создавая диалектическую, по сути, картину, – особенно зимой: гудящие огненные саламандры в белом тоталитаризме зимы. Забытый даже немцами Ганс Горбикер был бы счастлив: Огонь и Лёд действительно основа Бытия, начало начал...

Здесь, понятное дело, зимой холоднее, чем в Екатеринбурге, например, но и рыба жирнее: нельма, пыжьян, муксун... Волшебные слова. Сиговые как смысл жизни.

Так что надежда есть – пока жив Север, живы и мы, – и не просто трепыханием лягушек в молоке, но полноценно, по полной – с вечной мерзлотой и базальтовой каменной в бане. Ибо душа наша вмещает всё (и даже немецкое *das All*): с широтами и меридианами, тундрами, березовыми колками и текиловыми кактусами. Так что пусть Демиург со своим глобальным потеплением-отуплением отдыхает, закукливая какой-нибудь другой мир, – нашим точно подается.

УРАЛЬСКИЙ следопыт

uralstalker.com

август 2009

Лидер
Уральского
Турбизнеса

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Заповедные земли

С. НОВОПАШИН

Хрупкая вечность 2 пол. обл.

Интервью номера

С. МЕХАНОШИН

Екатеринбург — столица экстремалов 6

Заповедные земли

Б. ПОПОВ

Записки факторщика 1 4

С места событий

В. ЮКЧУБАЕВ

Усть-Манья 17

Классный журнал

Л. БАБАНИН

Литературный фестиваль «Крылья Севера» 19

Портреты

И. БОНДАРЬ

Среда обитания 24

Человек и природа

А. ЛИТВИНОВ

Там ее и оставят гнить 25

На страже Родины

Е. ПАХОМОВА

Выставка вооружений Russian Expo Arms 2009 .. 26

В объективе—Урал

С. СМОЛКИН

Праздник Купалы 29

АЭЛИТА

Координаты чудес

А. РАДОВ

Идикуда 35

Повод для улыбки

А. ЛОГИНОВ

Бред 40

Законы Вселенной

Е. ЧЕТКИНА

Счастье человеческое 42

Ю. ФУРЗИКОВА

Счастливы остров 46

РЕКА ВРЕМЕНИ

Музей одной фотографии

Е. БИРЮКОВ

Столичный гость Саввы Морозова 54

Краеведческая копилка

О. РЕНЕВА

Город на чайном пути 55

Литературное краеведение

П. СЕВЕРНЫЙ

Топтыгин с Косьвы (окончание) 57

Проглуки в прошлое

Ю. ГОРБУНОВ

Мощнэ и Порнэ 63

Мемуары

В. ЧЕКАН

Фрагменты биографии (начало) 68

Камни Урала

В. АВДОНИН

Топазы 76

Человек и природа

М. ФОНОТОВ,

В. САДЫРИН

Дни и ночи смолевки 3 пол. обл.

На обложке:

Выставка вооружений Russian Expo Arms 2009
Фотограф В. Осипов

«Уральский следопыт», № 8 (626), 2009. Издаётся с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Главный редактор — М. Ю. Фирсов.
Редакторы разделов — Ю. А. Горбунов, Б. А. Долинго
Ответственный секретарь — Е. Пахомова
Худ. редактор, верстка — М. Рогов
Художники — А. Митрофанова, Я. Ахметшина.
Набор — В. М. Кадочникова.
Корректор — Т. В. Сергеевко.
Фото 1 полосы обложки — М. Ю. Фирсов

Учредитель — ООО «Уральский следопыт».
Редакция, издатель — ООО «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».

Редационный совет —
Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич,
Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.
Наблюдательный совет —
• Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»,
• Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России,
• Семен Спектор, заслуженный врач России,
• Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».
Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Почтовый адрес редакции, издателя:
620014, г. Екатеринбург, а/я 479
тел. (343)295-61-27, (343) 295-61-28
E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 018.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 шт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» и отмеченные знаком публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646
- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕРПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

- Розничная продажа в магазинах «ЖИВОЕ СЛОВО»

- ул. Гагарина, 1-В, тел. 374-76-37
- ул. Пехотинцев, 6, тел. 324-24-40
- ул. Волгоградская, 190, тел. 234-47-73
- ул. Родонитова, 9, тел. 381-35-43
- ул. Блюхера, 12, тел. 374-53-81
- ул. Победы, 38, тел. 330-16-82
- пр. Космонавтов, 72, тел. 216-38-21
- ул. Крауля, 44, тел. 278-40-46
- ул. Кр. командиров, 23, тел. 367-71-23

«Уральский следопыт. uralstalker.com», №8 подписан к печати 25.08.2009 года. Печать офсетная. Тираж 4500. Отпечатано в типографии «Форт Диалог-Исеть», 620085, г. Екатеринбург, ул. Монтерская, 3. Заказ №

ДОСЬЕ. Людмила Фитина.
Образование – высшее, УрГПУ.
Мастер спорта международного класса.
Замужем, сыну 6 лет.

Сергей МЕХАНОШИН,
фото из архива «Уральского следопыта»

Екатеринбург - столица экстремалов

Модная причёска, красивая улыбка. Людмила Фитина – стройная, привлекательная женщина и одновременно большой начальник. Уже 2 года она успешно руководит коллективом Управления по развитию физической культуры, спорта и туризма Администрации города Екатеринбурга. Что, в принципе, неудивительно. Людмила Николаевна – отличный педагог, профессор УГТУ-УПИ, плюс великолепная спортсменка, в своё время была чемпионкой мира по гандболу. Играла в сборной СССР и России на самой ответственной в команде позиции разыгрывающего, где нужно в кратчайшие сроки принимать мгновенное решение о развитии атаки... Неудивительным оказался и образцовый порядок в кабинете у Людмилы Фитиной. В шкафу мы заметили множество спортивных наград и призов, на столе – небольшую коллекцию мягких игрушек—олимпийских символов, подарки из Пекина. Как только мы зашли в кабинет, прозвучал звонок. Поговорив, Людмила Николаевна пригласила звонившего на соревнования по аквабайку. Как говорится, «звонок в руку». Ведь темой нашего интервью было «Развитие экстремальных видов спорта в Екатеринбурге».

—Здравствуйте, Людмила Николаевна. Давайте начнём наше интервью с короткого знакомства. Извините за любопытство, но раз вы работаете главным спортивным и туристическим начальником Екатеринбургa, то, наверное, дружите со спортом и туризмом? Интересно, как вы любите проводить своё свободное время?

Людмила Фитина: Сейчас я практически ежедневно совершаю велосипедные прогулки. Как только наступает хорошая погода, вместе с сыном по вечерам катаемся иногда 40 минут, иногда час. Так что меня можно увидеть за рулём велосипеда в Академическом районе.

—А как насчёт активного участия в соревнованиях? Вы же, как руководитель, должны показывать пример своим подчинённым. Если не секрет, в каких последних состязаниях вы участвовали?

Людмила Фитина: Последний раз я принимала участие в легкоатлетическом Кроссе Наций в 2008 году, который был посвящён предстоящей Олимпиаде в Сочи. Тогда пробежала, как и все участницы забегa—2014 метров.

—Вы себя относите к любителям экстрима?

Людмила Фитина: Пожалуй, нет. Предпочитаю классические виды спорта. Но с большим уважением отношусь ко всем представителям многочисленных экстремальных видов спорта. Могу сказать, что все экстремальщики — это удивительные люди, которые поражают своей самоотверженностью.

—Можете ли вы сказать, сколько примерно в нашем городе любителей экстрима?

Людмила Фитина: Я думаю, не менее 20 тысяч человек. Это именно активные «экстремальщики». Надо отметить, что времена меняются. Растёт материальная база, появляется всё больше условий для занятий экстремальными видами спорта. Поэтому если раньше массовыми видами спорта были футбол, хоккей, бег на лыжах, то теперь всё популярнее становятся горный велосипед, сноуборд, горные лыжи и т.д. И число любителей экстрима в Екатеринбурге растёт с каждым годом.

—На ваш взгляд, экстремальный спорт — это молодёжное движение, субкультура или просто новый современный спорт?

Людмила Фитина: Спорт—это составная часть физической культуры. А культура вообще состоит из духовных и материальных ценностей. Поэтому когда мы говорим о спортивных объектах, это материальные ценности, а когда о желании заниматься здоровым образом жизни, о мотивации, тогда это духов-

ные ценности. Почему мы сегодня очень активно обсуждаем развитие экстремальных видов спорта с общественностью? Потому что понимаем значимость наших решений в этой области. Недостаточно построить спортивную площадку для экстремалов. Сегодня эта площадка ещё должна быть и востребована. «Загнать» экстремальщиков во дворы, где они будут заниматься спортом, неправильно и невозможно. Им нужна публичность, общественность. Это особая субкультура, у которой есть специфические атрибуты: форма, сленг и общение. Ещё надо отметить, что в этой субкультуре очень важная и отличительная составляющая – совмещение природного и спортивного факторов (солнца, свежего воздуха, открытых пространств и физических упражнений) – чего нет в других видах спорта.

—Какова роль вашего Управления в развитии молодёжного направления экстремальных видов спорта?

Людмила Фитина: Основная задача нашего Управления—это создание условий горожанам для занятий физической культурой и спортом. И самое важное – точное и правильное ориентирование на потребности екатеринбуржцев. Нужно строить и развивать то, что будет пользоваться спросом. У нас есть специальный учебно-спортивный отдел, который занимается, в том числе, экстремальными видами спорта. Скажу вам честно и откровенно, ранее мы недостаточно уделяли внимания развитию экстремальных видов спорта. Ведь в России эти виды спорта находятся еще только в начале своего пути, хотя в мире уже давно существуют регулярные экстремальные олимпийские игры «X-Games», со своими традициями, медалями и историей. Но именно сейчас и настал тот момент, когда мы приступаем к подготовке концепции развития экстремальных видов спорта в Екатеринбурге.

—На ваш взгляд, Екатеринбург относится к числу российских городов—законодателей экстремального спорта?

Людмила Фитина: Всё в мире относительно, как сказал Эйнштейн. Поэтому, какой город в нашей стране «экстремальнее», как вы говорите, не имеет значения. А вот амбиции, чтобы стать наиболее развитым и современным «экстремальным» городом, быть одним из лучших в этом спортивном направлении, безусловно, у нас есть. Такова вообще стратегия развития

спорта, ведь кто не ставит перед собой высоких целей, ничего не добивается. Могу с уверенностью сказать, что в последнее время в Екатеринбурге экстремальные виды спорта развиваются очень активно. Причём благодаря активному участию именно горожан молодёжи в Екатеринбурге сейчас проводится несколько значительных спортивных мероприятий как российского, так и международного уровня: это и «Майский экстрим», и зимнее скалолазание, и аквабайк и т.д.

—Чтобы стать столицей экстремального спорта, нужна в первую очередь программа развития этого направления. Есть ли такая программа, и каковы сроки её реализации?

Людмила Фитина: Недавно у нас состоялось совещание с представителями ассоциации экстремальных видов спорта уральского региона. И стоит отметить, что подобный диалог исполнительной власти и любителей экстрима состоялся впервые. Мы договорились о разработке концепции развития экстремальных видов спорта. Это будет программа, в рамках которой будут проводиться различные мероприятия: как строительство в Екатеринбурге парка экстремальных видов спорта и Сноу-парка, так и создание соответствующей федерации, пропаганда активного образа жизни, увеличение количества занимающихся и т.д. Те к развитию занятий экстремальными видами спорта в Екатеринбурге мы хотим подойти системно. Для начала же планируем построить первую в городе «экстремальную» площадку. Ориентировочный срок—к 2010 году. Это будет открытое сооружение. Больше пока ничего конкретного сказать не могу.

—Если не секрет, какой бюджет заложен вашим Управлением на развитие экстремальных видов спорта?

Людмила Фитина: Отдельного бюджета на развитие экстремальных видов спорта не предусмотрено. Пока. Но к слову, в бюджете 2008го года уже была предусмотрена статья на создание проекта строительства стадиона технических видов спорта.

—Можно чуть подробнее о проекте строительства стадиона технических видов спорта? В какой стадии он сейчас находится и на какие виды спорта будет ориентирован данный спорткомплекс?

Людмила Фитина: Проектная смета стадиона технических видов спорта разрабатывается, уже готовы эскизы. В будущем году проект должен быть закончен, и мы займёмся поиском инвесторов. Могу сказать, что земельный участок под строительство определён. Это район Уктуса, рядом с кирпичным заводом. Когда стадион построят, то там можно будет проводить соревнования по картингу, мотокроссу, автоспор-

ту. Также на этом стадионе запланирована отдельная площадка для занятий экстремальными видами спорта: велосипедами, роликами, скейтами. Будем надеяться, что к Олимпиаде в Сочи у нас в городе появится новый специализированный стадион технических видов спорта.

— Не секрет, что экстремальные виды спорта достаточно травмоопасны. «Экстремальный» — значит на грани. Как вы обеспечиваете безопасность проведения соревнований по экстремальным видам?

Людмила Фитина: Безопасность — это всегда для нас самый важный вопрос. Есть т.н. «333-е» постановление Правительства Свердловской области, в котором чётко прописаны правила проведения массовых мероприятий. Эти правила мы и обязаны соблюдать во время проведения всех соревнований под нашей эгидой. Если конкретно, то вопросами контроля по обеспечению безопасности занимается мой заместитель, Игорь Венедиктович Климанов. Его отдел занимается как проверкой актов подготовки трасс,

так и наличием медиков, пожарных и т.д. Приведу пример. Чтобы провести Кубок России по аквабайку, мы получили разрешение санэпиднадзора, природнадзора, инспекции по маломерным судам. Накануне соревнований водолазы исследовали дно акватории городского пруда и выяснили, что на глубине 3 метров нет никаких травмоопасных предметов. Мы заключили договор именно с теми спасателями, обслуживавшими данное мероприятие, которые имеют на это разрешение.

Вообще, о проведении любых экстремальных соревнований мы должны поставить в известность милицию ещё за месяц до начала. Особо можно отметить, что наличие врача и машины скорой помощи, пожарной машины является обязательным на соревнованиях. И все спортсмены-участники должны быть застрахованы от несчастных случаев. Также у любого экстремального мероприятия есть технический директор, с которым накануне соревнований обязательно подписывается акт принятия трассы (например, скалолазной) как представителями милиции, так и медицины. А главный судья соревнований в случае отсутствия врачей должен остановить мероприятие. В этом тщательном соблюдении правил безопасности и есть не только главное отличие проведения официального мероприятия от неофициального, но и гарант безопасности проведения соревнований.

— Что касается вашей работы, есть ли у вас какая-то «голубая мечта»?

Людмила Фитина: Какой-то особой мечтательности за мной никогда не наблюдалось. Сегодня Екатеринбург развивается на основании чёткого и утверждённого стратегического плана развития города. И в рамках этой стратегии определен ряд мероприятий. И, конечно, очень хотелось бы, чтобы этот стратегический план, как некий воображаемый перспективный план столицы Урала в будущем, реализовался. Потому что стратегия как раз и позволяет немного пофантазировать и пометать. И выполнение этого стратегического плана — наша главная цель и задача любого руководителя Администрации Екатеринбурга. Именно в этом случае работу на посту начальника управления по развитию физической культуры, спорта и туризма я буду считать эффективной.

—В каком направлении сегодня движется развитие внутреннего туризма в Екатеринбурге?

Людмила Фитина: В последние годы внутренний туризм в Екатеринбурге развивается очень интенсивно. Мы становимся не только популярным в этом плане городом, но и одним из самых удобных и красивых городов России. У нас появляются такие неповторимые объекты культурного туризма, как, например, Храм на Крови, Исторический сквер, улица Вайнера, сеть интереснейших музеев и памятников. Наш город находится на таком уникальном месте, как, граница Европы и Азии. Быстрыми темпами растёт и соответствующая инфраструктура: гостиницы, культурно-развлекательные центры, транспортно-логистический узел. Мы интересны и в плане образовательного туризма. На сегодняшний день в столице Урала проводится огромное количество научных конференций, форумов. Ещё один яркий пример – проведённый в июне саммит ШОС. От гостей саммита наш город получил высочайшую оценку. Активно развивается в городе и спортивный туризм. Маленькая цифра. Если в 2004 году в Екатеринбурге было проведено около 40 международных и всероссийских соревнований, то сегодня мы их уже проводим около 180. Я думаю, во многом этому поспособствовало открытие Дворца игровых видов спорта. А всего в нашем городе проводится порядка 1,5 тысяч спортивных состязаний. Из них более 300 – это открытые соревнования, которые посещают туристы, они же и спортсмены. Развитие спортивного туризма – это и есть основная задача нашего Управления. Для успешного развития внутреннего туризма, я считаю, надо активно развивать информационные технологии, пиар-технологии. Мы должны рассказывать о Екатеринбурге на всех уровнях и продолжать развивать и строить разнообразные объекты туризма.

—27 сентября в России традиционно отмечается День туриста. Что бы вы хотели пожелать всем, кто увлекается туризмом?

Людмила Фитина: Я поздравляю всех жителей Екатеринбурга. Хотелось бы, прежде всего, пожелать всем здоровья, хорошего настроения, удачи, интересных маршрутов и новых побед над собой!

Записки факторщика

Семейная драма

Спромыслом связан один случай хорошо характеризующий полярных лётчиков, про которых я не могу умолчать. Ведь на севере на вертолётках, а зимой и на самолётках осуществляется вся оперативная связь между посёлками, разделёнными бездорожьем. В тундре авиация так же необходима и привычна, как в городе общественный транспорт. Известно, что работа авиации регламентируется строгими инструкциями и наставлениями, которые, как говорится, «писаны кровью», так как учитывают богатый аварийный опыт эксплуатации воздушного транспорта. По определению все лётчики это смелые и решительные люди. Однако полярная авиация действует в сложных условиях больших безлюдных пространств и резко переменчивой погоды. Полярным лётчикам часто приходится рисковать, самостоятельно принимая и осуществляя нестандартные и рискованные решения. Это развило у них особую лихость, которую осуждают, если случай заканчивается трагически, и восторгаются, если всё проходит благополучно. Естественно, всё это по возможности тщательно скрывается от начальства и диспетчеров. И тогда, и сейчас на севере постоянно бьются самолёты и вертолётки. Но только сейчас об этом сразу начинают трубить на всю Россию, а тогда всё проходило тихо, в рабочем режиме, и исковерканные остовы вертолётков долго валялись в тундре и около посёлков, потому что тогда до цветмета никому не было никакого дела.

Итак, в один зимний день залетел ко мне, не помню по какой

Продолжение. Начало в №5-7, 2009

надобности, самолёт – работяга, «АН-2». Экипаж, как сейчас помню, был прикомандирован из Ульяновского авиаотряда и мне не знаком. Лётчики поторговали, и я пригласил их к себе на обед. Следуя законам северного гостеприимства, я выставил на стол бутылку водки. Лётчики, тоже уважали эти законы и не отказались выпить. Самолёт прилетел с соседней фактории, где также читли законы гостеприимства. Поэтому скоро у пожилого командира предпенсионного возраста полное лицо налилось багровым румянцем. Я ему обмолвился, что у меня в районе Ходаты лежат три туши разделанных лосей, которые требуют вывозки, и попросил командира, как–нибудь потом слетать за ними. «А почему потом?» - спросил командир. - Сейчас сгоняем! Я ему стал возражать, что сейчас это опасно, так как мела сильная низовая позёмка, которая грозила перейти в мощный снежный буран, потому что приближались тёмные снежные тучи и стал перепархивать снежок. К тому же вечерело, и я опасался, что они не успеют вернуться в Салехард. «Ничего – успеем!» – отмахнулся командир. Выйдя на улицу, он оценил погоду и предложил свой вариант взлёта. Взлетать надо было на встречный ветер, поперёк узкой косы, которая ограничивалась крутыми обрывами. Взлётная полоса была недостаточной длиной, не больше ста метров. Поэтому он приказал четырём досужим ненцам встать по два человека у каждого крыла самолёта и упираться в них что есть мочи, не давая самолёту трогаться с места, пока двигатель не наберёт обороты. Мы залезли в самолёт, командир как следует прогрел

двигатель и стал наращивать обороты. Ненцы внаклон упёрлись в концы нижних крыльев и смотрели на командира. Двигатель ревел всё сильнее, мужиков вот-вот уже должно было опрокинуть, и тут командир махнул рукой вниз и дал полный газ. По команде люди упали под крылья, и самолёт сорвался с места. Быстро проскочив взлётную полосу, он чуть просел над обрывом, но тут же опёрся на тугой встречный ветер и круто взмыл в воздух. У меня на доли секунды замерло сердце, и тут же нахлынул восторг. Всё это сразу напомнило мне не раз виденный по телевизору взлёт истребителя с палубы авианосца.

Конечно, это был авантюризм, хотя и основанный на точном расчёте. Ошибка могла стоить разбитого самолёта и загубленных человеческих жизней. Риск был абсолютно не оправдан с точки зрения практической целесообразности и был следствием своеобразного гусарства и русского «пофигизма». А всё равно – лихо! Через несколько минут полёта мы нашли выбранную мною поляну. В центре поляны росла одинокая лиственница, к вершине которой я привязал старый рюкзак. Командир прошёл на бреющем полёте над поляной и, оценив состояние поверхности, на крутом вираже посадил самолёт, который жёстко прогромыхал на плотных застругах снега. Мы быстро закидали в самолёт мясо, взлетели и взяли обратный курс. После приземления на факторию мы так же быстро разгрузились, самолёт взлетел и тут же скрылся в сумеречных тучах. Больше я его не видел, но знаю, что всё обошлось благополучно.

Как тут было не гордиться нашими красными соколами.

А жизнь шла дальше. После Нового года день стал стремительно прибывать. Начиналась, как писал Паустовский, весна света. Преимущественные цвета в тундре стали ослепительно белый – снега, и светло голубой – неба. При заходе и восходе солнца всё это сочеталось с различными оттенками красного. Прозрачный воздух не замутнял цвета, и они были насыщенными и контрастными, как на картинах Рокуозелла Кента и Рериха.

Охота закончилась, и нахлынули неотложные хозяйственные дела. В первую очередь заготовка дров. На пекарню, магазин и свой дом мне требовалось около семидесяти кубометров дров в год. Лесосеку отводили в предгорьях, в зоне лиственничных лесов, километрах в тридцати от посёлка. Предварительно нанятые местные жители пилили лес и складывали его в штабеля. Задача была вывезти его из леса. Требовался тягач или трактор с санями. В этом мне помог мой друг – механизатор Петя из механизированной передвижной колонны, тянущей железную дорогу по Ямалу недалеко от посёлка. Петя часто заезжал к нам в магазин, привозя дефицитный для нас товар, например свежие фрукты, которыми строителей снабжал их отдел рабочего снабжения, и закупал товар, которого было у нас в избытке и не было у них. Петя ездил на всех видах техники, был симпатичный и весёлый парень, всегда готовый помочь, и быстро стал у нас своим. Когда представилась возможность, он приехал ко мне на большом дизельном тягаче с железными санями, и мы поехали за дровами. Лесосека находилась в глубоком распадке с довольно крутыми, но всё-таки подъёмными склонами. Проторив дорогу в самом пологом месте, мы спустились вниз и загрузили полные сани сырых лиственничных дров. Однако когда мы попробовали выехать наверх, обнаружилось, что мощности тягача не хватает на то, чтобы преодолеть уклон. Тягач ревел,

гусеницы скребли мёрзлую землю, но всё было бесполезно. Когда мы попробовали сдать назад, прицеп и тягач сложились и заклинились. Пришлось почти полностью разгружать сани и вывозить дрова наверх малыми порциями, и потом уже наверху снова нагружать полные сани. Что и говорить – намучились мы «вусмерть». Тронулись в обратный путь глубокой ночью. Начавшаяся ещё днём сильная позёмка замела наш дневной след, и мы шли в посёлок, ориентируясь на дальний свет одинокой лампочки, которая висела на столбе около нашего магазина. Я нет-нет, да и клевал носом, да и у Пети, я замечал, смыкались глаза. Вдруг вездеход резко встал на месте. Я взглянул на Петю, он головой кивнул мне вперёд. Я посмотрел вперёд и с удивлением обнаружил, что сильный свет наших фар ничего не освещает, кроме черноты ночи и потока несущихся снежинок. Что это значит, мы поняли, когда вышли из тягача. Тягач стоял на высоком берегу реки буквально в паре метров от обрыва. Еще мгновение, и мы бы загремели вниз вместе со своим тягачом, и что бы с нами было, трудно представить. Удержали бы нас сани с дровами или рухнули бы на нас сверху – трудно сказать. Очевидно лишь, что мы избежали крупной неприятности. Слава Богу, ... и Пете!

С Петей связан также случай уже, так сказать, романтического свойства. Ездил я к нам на фабрику одна молоденькая девочка – сирота Марта. Ей было лет шестнадцать, восьмилетку она уже закончила и жила в семье тётки в чуме недалеко от посёлка. Стройная, черноволосяя и черноглазая, с красивыми чертами юного, свежего лица, она была обворожительна. Всегда улыбка и открытая в общении, она быстро подружилась с моей женой и по несколько дней иногда гостила у нас, с удовольствием помогая жене по работе в магазине. Там она однажды и познакомилась с Петей, также приехавшим к нам в гости. Пете было около тридцати лет, он был разведённый холостяк, плативший алименты жене в Вор-

куте. Вполне естественно, Марта понравилась Пете, и он стал за ней ухаживать. То прокатит её на своём тягаче, совсем как в песне «...прокати нас, Петруша, на тракторе», то свозит её в кино на железную дорогу. Парень он был хороший, напроць лишённый хамства, поэтому ухаживание было вполне целомудренным. Они были очень приятной парой, оба молодые и улыбкивые. И не мудрено, что они быстро полюбили друг друга и со временем решили пожениться. Жить они стали в строительном городке на железной дороге, где Петя нашёл Марте работу в столовой. Им выделили для жилья полвагончика, и они зажили вместе, уже вдвоём приезжая к нам иногда в гости. Мы с женой искренне радовались за них, наблюдая, с какой любовью они обращаются друг с другом. Не помню, расписывались ли они официально, но свадьбу они праздновали точно в столовой своего посёлка. Попервости, как и водится, между ними царил мир и любовь. Но со временем они всё чаще стали появляться по отдельности: то Марта ехала в гости к тётке, то Петя невесёлый заезжал к нам. Если Марта ничего не говорила нам, то Петя иногда жаловался на Марту. Говорил, что она не захотела нигде работать, стала скучать и капризничать, часто уезжать к своим сородичам в тундру. Она так ни с кем не подружилась, жила замкнуто, проводя время в вагончике и смотря телевизор. Между ними всё чаще стали возникать ссоры, после которых она уезжала в Салехард или в тундру. Конечно, Петю это сильно печалило. Он понимал, что так долго продолжаться не может. В конце концов, Марта ушла от него. В общей сложности они прожили вместе не больше полугода. Трудно сказать, что произошло между ними. Я думаю, что Марта была слишком молода для серьёзного чувства, и её первая детская влюблённость быстро прошла, столкнувшись с реалиями жизни. Или, возможно, опять разыгралась классическая драма любящей, но свободолюбивой души, отвергающей условности чуждого

образа жизни. Наверное, было то, и другое. Но драма была налицо, и она заставила страдать обоих. Пётр уже не так часто улыбался, и «скрытая боль таилась в его глазах», как написали бы в романе. Марта же долго не показывалась.

пьяными. А через несколько дней мы узнали, что при переезде у них, из плохо увязанных нарт, выпала люлька с ребёнком. Пьяные, они не заметили потери и хватились только тогда, когда приехали в чум. Нашли они ребёнка на сле-

праздновать «день оленевода». В этот день оленеводы собирались в посёлках и обсуждали свои дела на проводимых районными и совхозными администрациями собраниях. Потом начинали гулять, соревноваться в национальных

видах спорта и торговать, запасаясь товарами на кочёвку. Естественно, к этому дню на факториях заготавливалось максимальное количество разного товара, и наиболее дефицитный товар придерживался, чтобы в праздник иметь широкий ассортимент, доступный всем. Это была обычная практика, поддерживаемая и окружным партийным руководством, и нашим непосредственным начальством. К этому дню нам специально выделили дефицит тундрового ассортимента, в первую очередь сети, снегоходы, резиновые лодки, моторы, боеприпасы и тому подобное. Однако для нас это изобилие оберну-

Фото В. Якименко

Были слухи, что она живёт между Салехардом и тундрой, в тундре у неё появился жених – сожитель, и она стала выпивать. Потом она появилась в магазине уже со своим новым мужем ненцем и грудным дитём в люльке. Муж был молодой оленевод, оба они были в национальной одежде и приехали на нескольких оленьих упряжках за продуктами и водкой для свадьбы. Марта выглядела резко повзрослевшей и похудевшей молодой женщиной. Держалась она с нами уже отчуждённо и сдержанно, при разговоре отводя глаза. Водки они получили много: и полагающийся ящик за регистрацию брака, и за сданных оленей. Пировать начали сразу же после торговли, щедро угощая всех водкой. Потом молодой муж опять приходил в магазин покуражиться на обществе и показал себя недалёким человеком и мелким скандалистом. Уехали они в тундру глубокой ночью сильно

дующий день уже замёрзшим. Так любовная драма Марты получила свой апофеоз и логическое завершение. Не знаю, привлекались ли молодожёны к официальной ответственности, однако у нашего поселкового населения Марта хотя и вызывала сочувствие, но значительно больше она удостоилась сурового осуждения. Что с ней стало дальше и как у неё сложилась жизнь, я не знаю, так как потерял её из виду.

Весна в тундре начинается с первого апреля. Этот день называется ненцами «днём вороны» и является национальным праздником. Ворона в тундре не зимует, и она прилетает на лето приблизительно в этот день. Прилёт её, значительно раньше появления всех остальных перелётных птиц, означает приход весны и приближение весенней кочёвки оленьих стад на север. В советские времена на севере первого апреля стали официально

предреформенное время всё острее ощущалась нехватка буквально всех товаров, начиная с самых необходимых продуктов питания. Естественно, система райпотребсоюзов, как обладатель основной массы товаров, централизованно выделяемых для снабжения местного населения, испытывала в этих условиях всё повышающийся корыстный интерес всякого рода и ранга чиновников из различных властных структур. Решение любых производственных вопросов могло быть успешным только в обмен на какой-нибудь дефицит. Целенаправленно проводились разнообразные проверки санитарными, пожарными, налоговыми и другими органами, чтобы, шантажируя выявленными, зачастую мнимыми недостатками, получить какой-либо товар. В этих условиях напряженные отношения сложились у моей начальницы Галины Георги-

Фото В. Якименко

евны Казанцевой с милицейским начальством. Обладая сильным характером, она резко реагировала на притязания, основанные на шантаже и запугивании, хотя великолепно взаимодействовала со всеми другими деловыми партнёрами, способными оказать реальную помощь в работе. Масла в огонь подлил случай, который произошёл у меня в посёлке, когда директриса залетела к нам на вертолёт, возвращаясь с какой-то северной фактории. Совпало так, что в Лаборовой в то время был милиционер из Аксарки, приехавший из районного центра на расследование какого-то дела в нашу тундру. Когда мы сидели с Казанцевой у нас дома и обедали, по-северному, с обильными возлияниями, закусывая деликатесной запеченной лосиной губой,

она, увидев в окно направлявшегося к нам милиционера, сказала: «Только ментов у нас не хватало, ну его на хрен, не пускай его, опять чего-нибудь просить будет!» Пришлось мне встречать милиционера на улице и узнавать, что привело его ко мне. Причина была банальна — он узнал, что у меня гостит Казанцева, широко известная в то время личность на севере, и возжелал разделить с ней застолье. Мне пришлось как можно вежливее, используя все свои дипломатические способности, объяснить ему, что это невозможно, потому что директриса «ну очень-очень плохо себя чувствует», красноречиво щёлкая себя по горлу, и она стесняется предстать в таком виде перед офицером милиции. Но мои слова не убедили его, он счёл такое целомудрие оскорбительным для

себя, однако не стал настаивать и с суровым лицом покинул меня. Чуть позже улетела в Салехард и директриса.

А через несколько дней из районного центра прибыл участковый с двумя милиционерами, из отдела «борьбы с хищениями социальной собственности». У них было предписание на проведение проверки магазина, и они сразу начали выборочную инвентаризацию того товара, который был подготовлен для праздника и поэтому не выкладывался на прилавок. Смысл этой операции заключался в том что в то время только вступил в действие закон, направленный против злоупотреблений в торговле, по которому все товары в магазине должны быть выложены на прилавке для свободной продажи. Если же на складах магазина находилось скрытого товара, которого не было на прилавке, на сумму более десяти тысяч рублей, то за это полагалось до пяти лет тюрьмы. Милиционеры быстро описали праздничный товар, которого было значительно больше, составили акт и, ехидно подначивая нас о необходимости сушить сухари, потому что оснований для возбуждения уголовного дела, мол, вполне хватает, ушли к совхозникам ждать вертолёт. Участковый же зашёл ко мне, попросил карабин и документы на него для проверки. Потом сказал, что разрешение на карабин, выданное в Свердловске, здесь не действительно, поэтому он должен забрать карабин, пока я не оформлю разрешение у них. Это был явный произвол, но оказывать сопротивление я не стал, потому что была очевидна провокационная заданность действий милиционеров. Конечно, это была месть милиции, причём, конечно не нам, а Казанцевой, которой хотели показать свою значимость и подчинить её своему влиянию. Всё происходило в точности по поговорке: «паны дерутся, а у холопов чубы трещат». Конечно, я сразу сообщил об этом директрисе, она возбудила своё окружное начальство, партийные и исполнительные органы о подрыве праздничных

Фото В. Якименко

мероприятий действиями милиции. Активно включился в нашу защиту директор совхоза «Байдарский» Николай Бабин. Все соглашались, что это не тот случай злоупотреблений в торговле, против которого направлен закон, однако формально нарушения были налицо. Коммунисты в то время были уже не так всемогущи, как в прежние времена, ведь всюду шла перестройка, время демократизации и гласности. Поэтому милиционеры долго не унимались, слали повестки, грозили арестом, но я так и не поехал в Аксарку для дачи показаний. Конечно, мы с женой очень переживали. Ведь в памяти были свежи советские времена с постоянными репрессиями силовых органов, и не было гарантии, что из нас не сделают «мальчиков для битья» для показательной порки и не доведут дело до суда. Однако компромисс, видимо, состоялся, похоже, начальники наверху договорились, и месяца через три нас оставили в покое. Хотя карабин отдали только тогда, когда я уже уезжал из Лаборовой.

Сам день оленевода прошёл нормально. Погода не подвела, был солнечный, безветренный и тёплый день. Из тундры приехало

больше ста человек, на одном вертолёте прилетели директор совхоза Бабин и наша директриса. Они провели собрание, обсудили насущные дела, ответили на вопросы людей. Потом культмассовик—организатор стал проводить соревнования по национальным видам спорта. Были гонки на оленьих упряжках, стрельба по мишеням из мелкокалиберной винтовки, бросание тынзянов. Одновременно шла широкая торговля, весь дефицит был на прилавках. Громко играла праздничная музыка, люди были радостно возбуждены. Вся территория посёлка была заставлена упряжками оленей и красочно расцвечена праздничной одеждой людей. Конечно, скоро появились пьяные, и чем дальше, тем больше и сильнее. Кое—где начались стычки и конфликты. Особенно были разгорячены ребята и молодые мужики. И это понятно, ведь за ними наблюдали молодые тундровички.

Повздоровившие мужики сначала хватили друг друга «за грудки», потом быстро скидывали малицы и, раздетые по пояс, начинали драться. Но эти драки были больше похожи на вольную борьбу, ударов наносилось мало и в основном

по телу. Соперники яростно волтузили друг друга и, сцепившись, самозабвенно катались по снегу. Но редко когда показывалась кровь, разве что из разбитого носа. У всех драчунов на поясах были ножи в ножнах, но их ни разу никто не применял, потому что остервенения не было, да и окружающие не позволили бы. Так что эти драки были, по сути, неформальным видом спорта и проявлением молодецкой удалости, по аналогии с русскими праздничными драками «стенка на стенку», или «на кулачках». Один раз со своего крыльца я наблюдал сразу три такие драки, которые скоро благополучно окончились, и соперники, в кругу своих друзей, продолжали выпивку. Часть оленеводов, напивавшись, уезжали, им на смену приезжали другие, которые тут же включались в веселье и торговлю. Мы же с женой в этот день от усталости валились с ног, потому что работа закончилась глубоко за полночь.

(Окончание следует)

Владимир ЮКЧУБАЕВ

Усть-Манья

Давно это было или нет, кто знает, но что было, это точно. Была весна, месяц май. Только-только отшумел ледоход, и по берегам кругом громоздились подтаявшие льдины, ноздреватые и какие-то угрюмо—грязно—серые. Своенравная Северная Сосьва, взбугрившись от талых вод, почти под самое утро приподняла сдерживающие оковы, взломала взопревший лед и со страшной силой понесла его вниз навстречу Оби, по дороге расталкивая здоровущие льдины по берегам, а на крутых поворотах создавая немислимые заторы. Вода в таких

местах поднималась, затапливая всю широченную пойму, и беда, если в таких местах попадали поселки или деревушки, тут спасенья никакого не было, только на крышах домов. Или просто надо было убежать на ближние горушки, куда вода не доберется. Обычно в таких опасных местах, где могут быть заторы, взрывники закладывали взрывчатку и рвали протаявший лед, а в этом году то ли не было взрывчатки, то ли просто не было взрывников, но лед оставался не тронутым до самого ледохода. Все, как всегда, надеялись на авось, но нет, не получилось,

взыграло весеннее солнце, снег прямо на глазах осел по оврагам и ложбинам, оставаясь лишь в темных густых ельниках да в затененных склонах ближних горушек. На дальних вершинах древнего Урала снег, отливая первозданной синевой, лежит не долго, через день-два поплывет и с гор. Реки вмиг переполнятся талой водой, взбунтуются, уровень воды накатит на четыре, пять метров, тут-то и держись.

Усть-Манья махонький поселочек, домов на пятнадцать: обитают здесь в основном геологи, топографы да геофизики, другого

люда просто нет. Располагается поселок в аккурат на месте впадения речки Манья в Северную Сосьву. Места здесь просто чудесные, ягоды всякой —разной великое множество. По сухим местам в сосновых и кедровых борах брусника, черника и голубика, а по окраине поселка вдоль самолетной полосы сплошные заросли кислющей с горчинкой жимолости. Чуть дальше по болотам сплошь тетеревиные тока, где тетерева собираются сотнями (косачи по-местному), глухариних токов здесь тоже достаточно, но они глубоко в тайге. Паводков великих тут отродясь не видали, так что особо и не волновались.

Беда пришла, когда еще все спали, где-то в четыре утра вода не торопясь подкрадывалась к домам, заливала погреба с запасами картошки и прочей снедь, заливала полы квартир, поднимаясь все выше и выше бесшумно, но неумолимо.

Кто первым поднял тревогу, так и не ясно, но поселок сразу всколыхнулся. На улице уже воды по колено! Куда бежать и что делать? Вода уже подкрадывается к складам, магазину. Все подумали и разошлись по домам, как—никак, а вещички-то свои спасать надо, и потянули на чердаки мебель, одежду, провиант.

Лодок-то в поселке раньше и не было, да и зачем они, река вот она, а тайменя и хариуса было вдоволь. Бывало, жена попросит, мол, к обеду рыбки бы свежей, по дороге спустился к реке, пару раз бросил спиннинг, вот он и таймешонок килограмма на три. Никуда и ходить не было нужно, так и жили. А вот пришла беда и надо бы лодки, да нет их. Но на всю Усть-Манью одна лодка все же нашлась, кузнец Лалыко держал зачем-то деревянную лодчонку, хотя на ней и никогда не рыбачил. Вот тут-то она и пригодилась, плавал на ней меж домиков Лалыко, подбирал и вывозил людей на сухое

место на бугор, куда воде было не добраться.

Простояла высокая вода дня три, на холме соорудили палатки, натаскали продуктов, так и пережили потоп. Благо, погода простояла теплая и солнечная, никто не заболел и не простудился, ни взрослые, ни дети. Однако нашлись и смекалистые людишки, раз все ушло под воду и склады тоже, то догадались, смастерили удочки с петелькой на конце лески. Так вот, удилице просовывали в махонькое окон-

читали мораль, попужали строгостью законов да отпустили восвосяи, а больше ничего и не воровали никогда.

Так вот, через три дня ушла большая талая вода, оставив после себя горы нанесенного мусора, палок, пообломанные стволы деревьев меж домов и на дорогах, огромные рытвины и канавы пропахали льдины, где попало, а так обошлось довольно терпимо. Выскоблили полы, выгребли ил и песок, намывтый рекой, обсушили избы, жизнь и

Фото И. Пашнина

це склада, накидывали петельку на бутылочку коньяка или водки, что уж попадет, и тянули наверх, три дня прожили припеваючи, а раньше воришек в поселке никогда не водилось, замков на дверях отродясь не вешали. Правда, однажды ограбили магазин, унесли пять бутылок водки, самый ценный продукт в поселке, так вот, водку умыкнули, зато денежку за нее оставили на прилавке, на самом видном месте. Воришек особенно и искать не пришлось, вот они, веселые да пьяненькие. Кого судить? Заводить уголовное дело, убытку нет, так, хулиганство одно. Про-

пошла дальше.

Нынче уже нет и поселка этого на карте, геологи перебрались подальше на Север, обустроились жить в Саранпауле. Оставленный поселок долго не простоял, нет людей - вмиг и крыши порушились, высыпались стекла из окон, а потом попадали и стены. Прошел еще один паводок и сровнял, почти стер с берега Северной Сосьвы воспоминание о геологическом поселочке Усть-Манья, одиноком, затерянном в глухомани бесконечной тайги.

Литературный фестиваль «КРЫЛЬЯ СЕВЕРА»

С любовью к слову юных

*Пренебрегая словесами
Жизнь убеждает нас опять:
Талантам надо помогать,
Бездарности пробьются сами*
Лев Озеров

В Берёзовском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры прошёл конкурс детского литературного творчества «Крылья Севера», организованный членом Союза писателей России, писателем-романистом Леонидом БАБАНИНЫМ

Сам писатель БАБАНИН – коренной житель посёлка Берёзово, болеющий всей душой за родной край, за подрастающее поколение. «Сегодня мы должны принять самое непосредственное участие в формировании здоровых нравственных ориентиров и ценностей подрастающего поколения жителей Берёзовского района. Думаю, что воспитать в человеке человека – это наш гражданский долг. Достижение этой цели возможно с помощью литературы. Дети должны не только изучать её как школьный предмет, но и стремиться к самовыражению через слово, создавать собственные литературные произведения», – поделился писатель Леонид БАБАНИН.

49 прозаических произведений детей в возрасте от одиннадцати до семнадцати лет из 7 северных сёл и посёлков приняли участие в литературном конкурсе. Основопологающий принцип судейства – анонимность и справедливость, а потому имена авторов работ до последнего момента держались в строжайшей секретности. Премию в 10000 рублей и Диплом I степени получила Елена Попова из п. Приполярный за рассказ «По страницам семейного альбома». Премией в 5000 рублей и Диплом II степени получила Анна Георгиева из п. Игрим за очерк «Встреча, перевернувшая жизнь». Дипломы III степени и премии по 1 тысяче рублей получили участники: Анна Хатанзеева «Ты, моя деревня, и нет тебя роднее!»; Рузиля Башарова из п. Игрим за эссе «Я расскажу вам о любви»; Софья Томилова из п. Игрим за эссе «Почему мы такие?»; Сызарова Анастасия из п. Берёзово за рас-

сказ «Моя семья – моё богатство», «Любимец»; Галина Юхименко из п. Берёзово за рассказ «Благодарю за всё тебя...».

«Чистота и первозданность сказочно-хрустального мира детской души нашла своё воплощение в написанных с лёгкой руки и с открытым сердцем строках. Поэтому оценивать работы было очень и очень трудно, – рассказывает один из членов жюри, Инна Айбатова. – Поразило сочетание детской непосредственности и глубокого, взрослого взгляда на жизнь. Порадовал очень высокий литературный и публицистический уровень некоторых работ. «Крылья Севера» показал, насколько умны и талантливы наши дети, и отрадно отметить, что нам, пишущей братии, растёт более чем достойная смена».

Да, рассказы были очень разными: от высокохудожественных до незамысловатых, по-детски непосредственных. Юные литераторы рассуждают о смысле жизни, почему они такие, почему окружающий их мир часто бывает жесток и несправедлив. Пытаются найти ответы на все эти вопросы. В этих рассказах и юношеская любовь – счастливая и трагическая, но-стальгия о детстве и родном доме, любовь к природе, родным людям, к своей малой Родине. Взрослые много рассуждают о патриотическом воспитании молодого поколения, о конфликте поколений, о жестокости молодых, ищут причины и рецепты. А дети в своих рассказах отвечают на эти вопросы.

Елена ПОПОВА, 17 лет
пгт. Приполярный, ХМАО – Югра
1-е место

По страницам семейного альбома

Еремеич... Еремеич, очень часто я слышала это совсем непонятное для меня, в мои детские годы, слово. Я слышала его каждый день. И мне казалось, совсем ещё малютке, что так называют какое-нибудь растение, а может быть, и животное. На самом деле оказалось, что это мой папа, зовут его Анатолий Еремеевич. Еремеичем его по-свойски называют друзья, а иногда и мама.

На эти воспоминания навёл меня наш старый семейный альбом, случайно попавший ко мне в руки во время уборки. По этим фотографиям, как по кадрам, можно создать кинофильм про жизнь нашей семьи, семьи Поповых.

Вот обычное будничное утро, солнце только просыпается, его сонные, ещё не окрепшие лучики сначала, словно боязливо и аккуратно, дотрагиваются до гор, а потом в сладкой неге разливаются по ним, окутывая нежным заревом. Папа неторопливо пьёт крепкий чай на веранде, глаза его задумчиво смотрят куда-то вдаль. Он обдумывает предстоящий день. Мой папа – обходчик по газопроводу Уральского ЛПУ МГ. Его опорный пункт последний по Уральской нитке газопровода, он находится на 275 километре. А от посёлка совсем недалеко – всего в тридцати километрах.

И хоть находимся мы вдалеке от поселений,
Но навещают нас всегда друзья,
За чашкой чая льются разговоры,
В горах, куда меня забросила судьба.

А на этой фотографии мы с папой на рыбалке, стоим с только что пойманым хариусом. Вот уже вечером сидим у костра и беседуем о чём-то. Большую часть своей жизни отец посвятил геологии и поэтому очень многое знает о природе нашего края, к тому же он прекрасный рыбак и охотник. В тайге чувствует себя, как в родном доме. Папа пишет стихи и прекрасно играет на гитаре. Он очень интересный собеседник, всегда может поддержать и выручить в трудную минуту.

А мой хозяин в прошлом был геолог,
И этот край истоптан им сполна,
И порыбачить он любитель, охотник спорый,
В горах, куда меня забросила судьба.

Папу без мамы я и представить себе не могу. Они как единое целое, так прекрасно дополняют друг друга. Но самое главное, что мамочка наполняет смыслом всю нашу жизнь. Благодаря ей всегда такой уют и порядок в доме. Никто, кроме неё, не сумел бы так внимательно и трепетно следить за нашим многочисленным хозяйством: курами, утками, кроликами и огромным количеством цветов на веранде. Вот она с крольчонком на руках, а вот выгуливает нашу важную

даму – дикую гусыню. Мама – очень живой и оптимистичный человек, поэтому на всех фотографиях у неё не сходит улыбка с лица.

Приехала сюда я ранним летом,
В горах во всю была весна,
Влюбилась в этот край цветущий,
В горах, куда меня забросила судьба.
В хозяйстве маленьком есть всё,
В теплице зреют овощи, и зелень есть всегда,
И банька с ключевой водой, с горячим паром,
В горах, куда меня забросила судьба.

Вот фотографии с видами природы. Она великолепна. Неподалёку течёт горная речка Щугор, а рядом с домом переливается водной гладью небольшое озеро. Как прекрасны горы, они укутаны вековой мудростью и силой, от них исходит нечто вечное, непостижимое, но будоражащее душу. Здесь прекрасно в любое время года, особенно мне нравится ранним летним утром, когда солнце недавно встало. Лес просыпается, он дышит лазурной свежестью и влагой, посвистывают первые пташки, река искрится и переливается в утренних лучах, повсюду царит пробуждение, возникает ощущение, что вместе с природой просыпается что-то важное в твоей душе. Думаю, нужно самому увидеть и почувствовать эту красоту, чтобы действительно понять её.

Мне дорогими стали эти горы
И трасса, убегающая в облака,
И синий лес, и голубые дали,
И рядом сильная твоя рука.

Такая природа гармонирует с духовным состоянием человека. Может поэтому в зимние сумерки мама пишет стихи обо мне, папе, о нашей природе и вообще о жизни в целом. Строчки из её стихотворений я использовала в своём сочинении.

Для меня очень дороги все эти фотографии-воспоминания, тем более, что папы сейчас уже нет с нами. И хотя мы теперь редко приезжаем в этот дом, он всегда будет жить в моём сердце. В нашей жизни постоянно происходят перемены, она неумолимо идёт вперёд, но я считаю, у каждого человека должен быть такой «дом в горах», с живущими в нём воспоминаниями, как нечто постоянное, как стержень, на который можно опереться. Это место, в которое можно возвратиться, в котором можно посмотреть на всё со стороны, подвести итоги, поразмышлять о будущем, просто поразмышлять. Пусть даже этот «дом» будет жить глубоко в душе, а воспоминания в старом фотоальбоме.

Анна ГЕОРГИЕВА, 16 лет
п. Приполярный, ХМАО – Югра
2-е место

Встреча, перевернувшая жизнь

Не каждый любит рассказывать о себе, но я отнюдь не к той группе людей, которые любят, а главное – хотя о себе говорить...

Мой рассказ начнется очень банально. Меня зовут Паша, и я учусь в одиннадцатом классе. У любого парня в моём возрасте есть интерес к машинам, к футболу, к любви и другим «сладостям жизни». Вы, наверно, думаете, а что же я подразумеваю под словосочетанием «сладости жизни»? Так я называю сигареты, алкоголь и наркотики. Признаюсь честно, все это я пробовал, и не раз, но потом появилась «Она»... О «Ней» я пока говорить не буду, начну всё по порядку.

И начну я с десятого класса. Сидим мы на уроке истории и всей нашей баскетбольной командой мечтаем выиграть районные соревнования.

– Ты правда думаешь, что мы сможем победить? – спрашиваю у соседа за партой.

– Да, а ты что, сомневаешься? – задает он встречный вопрос мне.

– Есть немного, ведь мы в прошлом году проиграли, – ответил я.

– Лично я уверен, что мы выиграем, – оптимистично заявил он.

– А я на это только надеюсь, – вздыхая, робко проговорил я.

Все игроки нашей команды учатся со мной в одном классе, все победы, которых мы добились, были скорее не из-за того, что мы умеем играть, а из-за того, что хотим выиграть. После нашего разговора с Серёжей, так зовут моего соседа по парте, прошло три недели. До районных соревнований оставалось пять дней, и мы решительно настроились на победу.

Двадцать шестое января – суббота, день, который у многих из нас был выделен красным кружком. Утро началось обычно, как будто и не будет никаких переживаний, разочарований, радостей. Здание, где проходят соревнования, находится не так далеко от моего дома, поэтому мне можно было позже всех выйти из дома. Но дома сидеть просто невозможно. И вот, представьте: стоим мы на середине поля, выстроившись в линеечку, напротив нас – команда соперников... Хочу заметить, что в этот момент ты ни о чем не думаешь, лишь одно в твоей голове – ПОБЕДА. Мы приветствуем друг друга, на поле остается пятерка от всей команды, звучит начальный свисток, и – все...

Тогда районные соревнования среди девяти-одиннадцатых классов мы выиграли, сейчас, уже год спустя, я не могу сказать, была ли наша победа удачей или мы действительно играли лучше, чем наши соперники. Если бы вы только знали, как мы были рады,

как мы были горды, как мы были дружны! Но я не рассказал о самом главном, о «Ней». «Её» я встретил на этих самых соревнованиях. «Она» сидела на трибунах, на самом верхнем ряду. Когда мы играли, «Она» болела за нас, а я наблюдал за ней и очень часто ловил «Её» взгляд на себе. «Её» зовут, как я позже узнал, Даша. Эта девушка особой красотой не отличалась, у нее были темные прямые волосы, длинные и густые, небольшой лоб и тонкие губы. Что в ней было до безобразия прекрасно, так это глаза – очень живые, яркие, радостные. Вроде обычная девчонка, но мне она показалась Богиней. Богиней моей мечты!

Соревнования закончились, Даша, не дождавшись награждения, ушла. Я думал, что больше никогда её не увижу, и представьте мое удивление, когда встретил «свою Богиню» вечером этого же дня на дискотеке одного из местных клубов. Я стоял и смотрел на Дашу, и в моей голове мелькали мысли, что грациозней её девушки я не видел. В конце вечера начался медленный танец, я решил её пригласить, подошел к ней, молча протянул руку. Она робко положила свои холодные пальцы мне на ладонь, и мы начали танцевать. Почти весь танец смотрели друг другу в глаза и молчали. Когда песня закончилась, мы еще продолжали танцевать секунд пять, все никак не могли оторваться друг от друга. Потом я взял её за руку и предложил проводить домой. Конечно, я не надеялся на положительный ответ, но Даша согласилась. Мы шли, разговаривали, я не помню, о чем именно, помню лишь то, что я так хотел, чтобы этот вечер не заканчивался.

Через неделю мы опять встретились, начали общаться, каждый вечер ходили гулять. Я был точно уверен, что влюбился, но, думаю, вы понимаете, почему я не мог ей об этом сказать. Тогда я ещё не понимал, есть ли у неё какие-то чувства ко мне.

С каждым днем мы становились ближе друг к другу, но ни Даша, ни я не осмеливались рассказать о своих чувствах. Все бы было так и дальше, если бы не случай, который повернул наши отношения, как сейчас говорят, на сто восемьдесят градусов. Произошло это четырнадцатого февраля. У моей Дашки был в школе концерт, посвященный дню святого Валентина, а она была ведущей. Поскольку концерт заканчивался поздно, я решил проводить её и заодно прогуляться, так как в этот день мы больше никак не смогли бы увидеться. Я забрал её после концерта, и мы пошли домой. Подходя к дому, я спросил, что за парни были рядом с ней весь вечер. «А что, ревнуешь?» – с улыбкой на лице спросила она меня. Я сказал: «Да,

ревную». Даша спросила о причине ревности. Я, не ожидая такого компрометирующего вопроса, разозлился и сгоряча выкрикнул на всю улицу: «Дурочка, я же люблю тебя!». Даша сделалась серьезной, остановившись, прижалась ко мне, подняла голову, и в её очаровательных больших глазах я увидел то, что она после произнесла. Это были слова, которые выше нашей земной жизни: «Я ТОЖЕ ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!»

Я думал, что после этого признания мы никогда не будем ссориться, нас никто не сможет разлучить, но как я ошибался! Наши знакомые и даже друзья пошли против нашей любви, то мне рассказывали всякие небылицы о Даше, то Даше обо мне. Мы друг другу ничего не рассказывали. Конечно, слухам, что говорили о нас, мы не верили, но на душе как будто кошки скребли, и все это накапливалось в душе.

Подходил конец года. Мы должны были расстаться, уехать на лето. И перед отъездом у нас состоялся тяжелый разговор, в котором были крики и слезы. Не могу сказать, что после этого разговора я не боялся, что она найдет другого, но точно могу сказать, что на моей душе стало легче. Я понимал тогда, что ей тоже тяжело, ведь наверняка Даша придумала в своей голове, что у меня может появиться другая.

Она уехала раньше меня, и если я скажу, что скучал, то совру, я не просто скучал, я жить без неё не мог. Потом уехал и я. Полтора месяца мы были в разных государствах. Как я бесился тогда, когда она не отвечала на звонок, когда я не знал, что с ней, где она и с кем. Как ужасно было это лето, и как прекрасен был вечер нашей встречи...

Так как «моя любовь» уехала раньше, чем я, она и приехала быстрее. Я должен был вернуться лишь че-

рез четырнадцать дней после Дашиного приезда, но пошел наперекор своим родителям и поменял билеты.

Был вечер, на улице ливень, пронизывающий нас сквозь ветер... Она не знала, что я приеду, а я хотел сделать ей сюрприз. Дверь открыла мама. Даша сидела в своей комнате, когда я, весь промокший, зашел к ней. Увидев меня, она удивленно улыбнулась, соскочила с дивана, на котором сидела, и крепко обняла меня так, что я почувствовал теплоту её тела, теплоту её любви. Она поцеловала меня и шепотом дрожащими от волнения губами произнесла: «Я люблю тебя!». В тот вечер мы не отходили друг от друга ни на шаг, много разговаривали и все не могли наговориться, так много надо было сказать друг другу...

Прошел год с тех соревнований, которые решили нашу судьбу. Теперь мы в одиннадцатом классе. До районных соревнований в этом учебном году чуть больше двух месяцев. Мы повзрослели, стали старше, но так же, как и год назад, верим, что выиграем. Я многое понял за это время. Понял, что такое любовь, понял, как хорошо, когда ты любишь и тебя любят. Но я так и не понял, где та самая ниточка, которая связала наши судьбы, мою судьбу с судьбой моей «Богини». А может, это вовсе и не ниточка? Тогда что? Что помогает людям за сотни тысяч километров найти свою судьбу? Конечно, со всеми этими вопросами я мог бы обратиться к историкам или литераторам, но зачем? Зачем искать того, чего нет?

Главное, я нашел свою любовь и точно знаю: как бы мир ни поменялся, как бы люди ни изменились, мы с Дашей всегда будем вместе.

Анастасия СЫЗАРОВА, 12 лет
пгт. Берёзово, ХМАО – Югра
3-е место

Моя семья – моё богатство!

(Семейная история)

Меня зовут Сызарова Анастасия Сергеевна. С самого раннего детства я живу у своих родственников. Мама Гутя меня привозила к ним, и они очень меня полюбили. Папой я называла Александра Николаевича, главу семьи.

Дальше моя судьба сложилась очень печально для меня. Моя мама Гутя пропала без вести. До сих пор о ней я ничего не знаю. Прошло уже семь лет, но ничего о ней неизвестно. Папа Серёжа после пропажи мамы мне не звонит, не приезжает, как будто меня нет на свете.

Поэтому моим названным отцом стал Александр Николаевич, которого я очень люблю и помню. Его сейчас нет в живых. Маму мне заменила Вера Ива-

новна, его жена, которая тоже недавно ушла из этой жизни. Был у меня родной брат Алёша, которого, к сожалению, тоже недавно не стало.

Так я оказалась в детском доме «Берёзка». Там хорошие воспитатели. Люди, которые работают там, делают всё, чтобы детям было хорошо. Мне всегда хотелось, чтобы меня кто-то родной приласкал.

У меня остались двоюродные сестры Наташа, Таня, Надя и их брат Серёжа! Сейчас меня забирает к себе сестра Надя. Мне нравится жить у неё. Я каждый день вижу своих сестёр, которые меня поддерживают, и я им помогаю, чем могу. Хотя моя нынешняя семья не большая, я с гордостью говорю: «Семья, в которой я расту и в которой меня любят, – моё богатство!»

Софья ТОМИЛОВА, 16 лет
пгт. Игрим, ХМАО – Югра
3-е место

Почему мы такие?

О моем поколении часто говорят, что мы слишком жестокие, нам все дозволено, мы не думаем о будущем. Но это не так! Большинство подростков, как я считаю, думает о будущем, о своих поступках, о других людях. Оценивают ситуации, рассуждают. Эти дети ищут мирные решения проблем.

Конечно, есть исключения. Таких, как эти подростки, тоже очень много! Отстаивая свое мнение, они причиняют человеку боль. Мало кто из них об этом задумывается. Защищают только свои интересы. Защищают любыми способами. И чаще вспоминают о своих правах, чем об обязанностях.

Так почему же мы делимся на такие группы? Почему нас считают жестокими? Почему мы такие?

Можно очень долго говорить о жестокости, боли, морали, обидах, зле... Рассуждений, мнений будет масса! Но каковы бы ни были ответы, вопрос все равно остается.

Почему?.. Почему нынешняя молодежь так жестока, опасна? На что мы озлоблены? Мы часто резки, неадекватны. Большинство редко без физической силы, насилия может решить свои проблемы.

Мы крушим, ломаем, терзаем... А если разрушить все, из чего же будем создавать! Не понимаю...

Младшее поколение берет пример с нас! Мы «воспитываем» их. Редко какой старшеклассник будет различать двух дерущихся пятиклашек (к примеру). Зачем? Весело, есть на что посмотреть, и ладно! Похочем, видео снимаем и то хорошо!

НЕНАВИЖУ, когда так делают!

НЕНАВИЖУ РАВНОДУШИЕ!

НЕНАВИЖУ, когда просто так над человеком издеваются!

«А он лох!» – так обычно говорят. Да какая вам разница! Он человек, как и вы! Имеет и права, и обязанности. Может, чем-то хуже вас, чем-то лучше. Разве это причина?! Это уже, как говорят сейчас мои сверстники, тупость какая-то! Вы относитесь к нему ужасно, жестоко; делаете жестоким его самого. Включишь телевизор, и... аж в глазах рябит от убийств, изнасилований, самоубийств (кстати, очень часто объекты насмешек заканчивают свою жизнь именно самоубийством).

Человеку хочется вырваться из этих оков, сбежать, раствориться. Мало когда это к хорошему приводит (знаю не понаслышке).

Морально ребенка должны воспитывать в семье. С раннего детства ребенок, как губка, впитывает действия, поступки тех, кто всегда у него на глазах. Он копирует своих родных. А если оба родителя алкого-

лики, которые «забросили» ребенка, как ненужную вещь, какое. Воспитание в семье он получит? Очень трудно подняться на ноги, когда фундамента, опоры НЕТ!

Из-за угнетений родителями, сверстниками человек «теряется» в мире каменных джунглей. Рушится его мир. Он может стать либо зверем, либо живым трупом.

В семьях благополучных (или наиболее организованных) не всегда все гладко, как кажется на первый взгляд. Именно в таких семьях иногда вырастают такие МОНСТРЫ, что нам и в самом страшном сне не приснится.

Причиной может быть и угнетение... А может быть и слепая родительская любовь,... а может, и наоборот, нехватка этой любви.

Очень больно видеть, когда ребенок может, но принципиально упирается и не хочет понимать своих родителей.

Если ребенок лишен духовной любви, то это ужасно! Это ведет (очень часто) к замкнутости и одиночеству. Но нельзя все время внушать, твердить ребенку, что ты особенный, лучший, самый-самый и т.п. Конечно, это подбадривает, но мы все индивидуальны, необычны, интересны. Мы рождены такими разными, чтобы находить друг в друге что-то общее.

Как часто забываем мы нашу человеческую сущность!

Хм, интересно получается: мы развивались от низкой ступени к высшей – от животного к человеку, а сейчас наоборот – от человека к животному! Осталось только встать на четвереньки и на «луну выть»!

Сам МИР по сути своей прекрасен. Он таким был, есть и, я уверена, будет таким еще долго!

Просто человек не должен втапывать себя в грязь порока, зла, равнодушия, ненависти, войны... Ведь мы разумные существа и за свои поступки, действия будем отвечать тоже мы! А если не ответим мы, то обречем идущее за нами поколение (наших детей) расплачиваться за нашу «бурную деятельность». Нельзя забывать, что равнодушие одно из худших преступлений.

P.S. Я не стремлюсь заставить вас думать, как я. Просто это мое мнение (неполное). Но, как я сказала вначале, вопрос все равно всегда остается. Возможно, когда-нибудь мы все-таки найдем на него ответ.

Фото М. Фирсова

Среда обитания

Сегодня Свердловская область остается зоной повышенного внимания для экологов. Большая концентрация промышленных и добывающих предприятий, развитая энергетическая и транспортная сеть – все это оказывает негативное влияние на окружающую среду и наше здоровье. Однако в Министерстве природных ресурсов Свердловской области разработан план, как решить экологические проблемы уже через 12 лет. И сейчас, в соответствии с планом по реабилитации здоровья населения, большая часть освоенных средств направлена на выполнение мероприятий по предотвращению чрезвычайных ситуаций при обращении с отходами производства и потребления, охрану и восстановление природных объектов и обеспечение населения питьевой водой стандартного качества.

Указом губернатора Свердловской области № 659 - УГ 10 июля 2009 года на должность первого заместителя министра природных ресурсов Свердловской области назначен Илья Эдуардович Бондарев. До этого момента с 2003 года он успешно возглавлял Уральский НИИ водных биоресурсов и аквакультуры (Уральский филиал ФГУП «Госрыбцентр»). Илья Эдуардович является действительным членом

«Кадрового резерва – профессиональной команды страны» по итогам 2008 года, имеет два высших образования: в 1997 году окончил Уральскую государственную юридическую академию по специальности «юриспруденция», в 2005 году – Тюменский государственный университет по специальности «биология». На данный момент является доцентом Уральской государственной сельскохозяйственной академии и аспирантом Тюменской государственной сельскохозяйственной академии, соискателем ученой степени кандидата биологических наук по специальности «Экология и природные ресурсы». Илья Эдуардович прошел дополнительное обучение по Президентской программе подготовки управленческих кадров (стратегический менеджмент), а также по программе «Стратегия управления предприятием» в Уральском государственном техническом университете. Неоднократно стажировался за рубежом.

Редакция журнала «Уральский следопыт» планирует совместно с Министерством природных ресурсов Свердловской области открыть Школу экологического воспитания и начать публиковать цикл

статей, создаваемых при активном участии Ильи Эдуардовича.

Сегодня в целях экологического просвещения и образования Министерство природных ресурсов Свердловской области постоянно проводит массовые экологические акции для студентов и школьников:

- «Марш парков»;
- Экологические форумы;
- экологические Олимпиады;
- областной конкурс «Юные исследователи природы»;
- экологические акции по обследованию и обустройству зеленых зон городов и природных парков Свердловской области («Зеленая волна», Российский экологический семинар-лагерь «РСЭС», экологические школы, лагеря и экспедиции);
- областные научно-практические конференции и семинары;
- курсы повышения квалификации специалистов-экологов;
- областной конкурс «Образовательное учреждение высокой экологической культуры»;
- выставка «Экология. Техноген»;
- организация стенда Правительства Свердловской области на Международной выставке «Экватэк» в Москве.

На «Областном телевидении» в прошлом году вышло в эфир 47 выпусков телевизионной программы «Среда обитания», в которых освещались вопросы экологической безопасности, рационального природопользования. Изданы 4 номера журнала «Экономика и экология», «Красная книга Свердловской области», книга-альбом «Нам здесь жить», сборник учебных программ по экологии. Изготовлены и могут быть представлены для трансляции всем желающим видеоролики «Чистота начинается с тебя!».

На сегодняшний день в мероприятиях по экологическому просвещению Министерства природных ресурсов Свердловской области принимают участие более 180 тысяч человек.

Фото А. Литвинова

Фото А. Литвинова

Алексей ЛИТВИНОВ

Там ее и оставят гнить

Всего в 93 километрах от Екатеринбурга недалеко от Каменска-Уральского «простушка» Исеть выкидывает такое колечко, которому позавидовали бы многие горные красавицы—реки. Место это называется - порог Ревун, который уже давно стал Меккой уральских туристов. Именно здесь Исеть прорывает порфириновые и диабазовые породы, а сам порог находится в каньоне из скал, местами отвесных, пригодных для занятий скалолазанием. Поэтому здесь проводятся соревнования по пешему и водному туризму, скалолазанию и велотуризму. И каждый раз спортсмены, ценители активного отдыха и просто любители природы, приезжая сюда, начинают обустройство лагеря с генеральной уборки Ревуна. Сколько уже сказано и написано о необходимости поддерживать порядок, организовать вывоз образующихся отходов, но до сих пор ничего не меняется, порог Ревун - памятник природы, однако охраняется он, похоже, только на бумаге.

Приехал я в выходные покататься на каяке, народа на пороге особо не было. Машину оставил у

обрыва, чтобы с воды было видно. Вода в этот день была хорошая.

Собрался уезжать, стою, переодеваюсь. Подъехала компания из двух «Волгах», оставили машины, и пошли к скалам. Вдруг одна машина мимо меня потихоньку начинает подъезжать к обрыву. Я хотел предупредить водителя, что обратно по сырой траве будет тяжело выезжать... Но через секунду понял, что в его планы возвращение и не входило. С ускорением автомобиль покотился под обрыв. Подбежав к краю, я увидел, как машина «хряпнулась» вниз. У пострадавшей компании спросил, был ли кто внутри. Людей не было, поэтому обошлось без жертв. Похоже, неисправный ручной тормоз, или водитель забыл на него поставить. Скорее всего, там, внизу на камнях, ее и оставят гнить: достать-то проблематично...

Насколько я слышал, есть законы, которые регламентируют подобное общение с природой (костры, машины и т.д.). Нет хозяина, некому следить.

Я могу сказать больше, когда я поехал с Ревуна, я встретил наряд ГИБДД, остановился и все рассказал о сложившейся ситуации. В ответ я услышал, что это не их район и их это не касается. Хотя порог Ревун - памятник природы, а значит, могут наказать, если найдут по номерам. По ним очень просто вычисляется владелец, со всеми вытекающими последствиями. Другое дело, кому это все надо? Столько железа из нее высыпалось!!! И масла вылилось!!! Так и останется валяться.

Фото А. Литвинова

Елизавета ПАХОМОВА

Выставка вооружений Russian Expo Arms-2009

В «Российской выставке вооружения. Нижний Тагил-2009», которая проходила в Свердловской области с 8 по 11 июля, участвовали более 400 предприятий, в том числе 16 зарубежных. Смотр оружия посетили около 400 иностранных делегаций.

VII международную выставку вооружений в Нижнем Тагиле Russian Expo Arms-2009 открыли губернатор Свердловской области Эдуард Россель и полномочный представитель Президента России в Уральском федеральном округе Николай Винниченко. Открытие экспозиции началось с выстрела из 122-миллиметровой гаубицы образца 1938 года и выступления авиационной группы Липецкого центра боевой подготовки ВВС РФ «Соколы России» на шести истребителях Су-27.

Гостями выставки были представители 37 иностранных государств: Германии, Индии, Китая,

Чехии, прибыли и специалисты из Катара, Бахрейна, Кувейта, Мексики, Сенегала, Таиланда. Международный статус «RUSSIAN EXPO ARMS» подтвердился ещё и участием в ее работе ряда иностранных компаний в качестве экспонентов. Например, Франция делегировала в Нижний Тагил ряд машиностроительных компаний. Среди участников можно было видеть Петропавловский завод тяжелого машиностроения из Казахстана, шесть предприятий из Белоруссии и два – из Украины.

В рамках экспозиции участники и гости выставки смогли увидеть продукцию ряда российских

предприятий - Уралвагонзавода, Завода имени В.А. Дегтярева, Челябинского тракторного завода, Уралтрансмаша, Ульяновского механического завода и других. Посетителям Russian Expo Arms-2009 продемонстрировали возможности бронированной машины разминирования БМП-МММ, танка Т-90С, зенитного пушечно-ракетного комплекса «Тунгуска М1», боевой машины с установкой «Смерч», ЗРК «Бук». Кроме этого в рамках выставки предусмотрено бомбометание с самолетов Су-24 и полеты вертолетов Ми-24. Особой частью программы стало авиашоу на истребителях и фронтовых

САЛЮТ

база отдыха

- Два комфортабельных жилых корпуса в сосновом лесу
- VIP коттеджи семейного типа
- Современные конференц-залы
- Кафе, диско-бар
- Игровая комната для детей с воспитателем
- Детская площадка среди сосен
- Русская баня, сауна с бассейном
- Беседки с мангалом
- пляж, лодки, катамараны
- Бильярд, теннис и другие развлечения.

Верхняя Сысерть

Тел.: (34374) 25-420, 25-634,

(343) 359-93-89. www.salutpz.ru

бомбардировщика, показанное военными летчиками липецкого авиацентра.

Председатель правительства Свердловской области Виктор Кокшаров назвал выставку вооружения крупнейшим брендом Свердловской области, отметив, что если саммит ШОС, который прошел в июне в Екатеринбурге - разовое мероприятие, то «выставка - это навсегда».

Фото Олега Осипова

УРАЛЬСКИЙ ВЕТЕРАН

Фото Вадима Осипова

Фото Олега Осипова

Фото Олега Осипова

УРАЛЬСКИЙ
спецопыт

uralstalker.com

ВСЯ МОЩЬ РОССИИ

**ТУРИСТСКАЯ
СТОЛИЦА**

**«ФАМИЛИИ»
НЕНЕЦКИХ КЛАНОВ**

ВЫСОКАЯ ВОДА

**август
2009**

Исцеляет душу и тело!

Санаторий специализируется на лечении:

- сердечно-сосудистой системы,
- нервной системы,
- опорно-двигательного аппарата,
- гинекологических заболеваний,
- органов дыхания,
- заболеваний кожи,
- аллергических заболеваний.

Санаторий Изумрудный берег предлагает для своих гостей следующие туры:

- Оздоровление будущей мамы «Из пыльного города в чистый оазис»,
- Мать и дитя,
- Детский загородный клуб «Изумрудинка» для малышей от 3 до 6 лет,
- Детский санаторно-оздоровительный лагерь для детей от 6 до 15 лет.

Для выпускников:

- «Твой последний звонок»,
- «Незабываемый выпускной бал»,
- «Сдал ЕГЭ – отдохни».

Для студентов:

- «Отдых после сессии» и туры выходного дня,
- Корпоративные заезды – конференции, семинары, тренинги, корпоративные праздники,
- «Веселый уикенд» с развлекательными программами.

Туры выходного дня со SPA процедурами:

- «Антистресс-релакс»,
- «Коррекция веса»,
- «Омолаживающий комплекс».

Санаторий «Изумрудный берег» построен в 1978 г., в 2008 г. произведена полная реконструкция, в 2009 г. стал победителем конкурса

«ЛАУРЕАТЫ БИЗНЕСА — ЗВЁЗДЫ УРАЛА»

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ УСЛУГИ

Санаторий «Изумрудный берег» завоевал репутацию надежного партнера в сфере оказания услуг по оздоровлению, отдыху и организации проведения выездных корпоративных, образовательных и спортивных мероприятий.

В санатории 3 современных конференц-зала на 180, 70 и 30 мест. Для отдыхающих — бар, караоке, бильярд, теннис, прокат лодок, велосипедов, квадроциклов, сауна в стиле «Сафари», русская баня, чайная комната с камином.

Проводятся экскурсии, вечерние музыкальные программы, праздничные банкеты, дискотеки.

Гордость санатория — два бассейна длиной 10 и 25 метров.

Для любителей активного отдыха оборудованы спортивные и детские площадки на открытом воздухе.

ООО «Триумф» Санаторий «Изумрудный берег»:

г. Реж, ул. Ленина, 118 тел. (34364) 2-24-34, 8-912-60-22-046; г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 8
Тел.: (343) 371-98-12; 359-84-79, 371-28-06. 8-912-26-25310, 8-912-66-000-16

E-mail: izumrud-bereg@ru66.ru сайт www.izumrud-bereg.ru

Сергей СМОЛКИН

Фото Д. Хлопунова

Праздник Купалы...

Мне неведом больше ни один такой день, вернее, такая ночь, с которой связано было бы столько легенд, тайн, поверий, который обладал бы такой важностью для Белого Человека, шёл бы из глубины десятков тысячелетий, сохранялся, несмотря на жесточайшие гонения и преследования участников празднества, а в недоброй памяти времена правления Алексей Михалыча «Тишайшего», Петрушкина родителя, за справление «нечестивых бесовских Купальских обрядов» можно было и на костер угодить на раз-два. Тогда даже своих единоверцев-христиан за не те персты при крестном знамении запросто в огненный сруб засовывали, что же о нехристях-то говорить...

Мне неведом также ни один праздник, суть и смысл, да даже время проведения которого так старались бы перевернуть, подменить, извратить, опошлить, перенести на другие даты. Даже в наше время, когда любая памятная дата, по большому счету, превращается в пьянку и блядку, стремление опошлить Купалу превосходит все мыслимые пределы. Хватит, однако, о грустном. Речь-то ведь о празднике, то есть о Празднике, важнее которого для славянина сейчас, пожалуй, и нет вовсе.

Итак, перенесёмся во времена за-былинные, давние...

Хотя происходили там события весьма привычные. Отчаявшись завоевать да в рабство силой обра-

*Пращурь-Родь, Родь Небесный,
Укрепи моё Сердце в Святой Вере,
Даруй мне Мудрость Предков моих
Сынов и Внуков Твоих...*

Из Обращения к Роду

титель Земли, пошли супостаты из мира пекельного на обман. Нацепили они личины светлые да красивые и пошли зазывать Добрых Людей свой мир посмотреть, а для этого даже Врата Междумирья построили. То есть разрешили им построить. Мы же вам покажем, как у нас хорошо да ладно.

Что говоришь? Не бывает Врат Междумирья? Так времена-то давние, что там было, а что нет, нам в точности неведомо. Кое у кого предки, может, ещё по деревьям скакали, так что хочешь доверяй, а хочешь проверяй. Если сможешь, конечно.

Много народу зазвали. Народ-то был к обману не привычен, не смог распознать. Да и то сказать,

сейчас-то тоже сколько лапши на уши люди принимают, подумать страшно, а ведь сколько уже времени эта болезнь вокруг, а иммунитета всё нет... Но я отвлекся. Прошли люди сквозь врата, а их цоп и в кандалы, вот вам туризм, вот вам эмиграция. И если в явные кандалы, то их хоть видно, да и Душа на Воле, а кого чарами в кабалу затагнули, у того кандалы внутри, да и думает он, что эта кабала — счастье великое. Загляденье просто, не правдали, господа топы и собственники бизнеса?

А среди прочих попали в плен в пекле безмерном сёстры Бога Перуна Леля, Жива и Марена Свароговны. Обратным потоком из Врат, ясно-понятно, вражьи войска, армия вторжения. Ну да это тоже дело обычное. А главарем у них злобный зверь Скипер. Скорпион по-современному. Жуть полная. Полная, да не полная, не всех схватить получилось, доставили Весть Перуну о том, что беда случилась. Разгневался Перун и пошёл войной на Мрак. Долго ли, коротко ли, но, как и всегда, в открытом бою струсили вражьи рати и, поджав хвосты, кому ещё не оторвали, побежали в своё пекло, и главарь их, Скипер, впереди своих ратей побежал. Но не помогло. Прошёл Перун с войском своим через Врата в пекло, врагов уничтожил, и Скипера тоже, пусть уж вместе со своим воинством будет. А людей освободил и обратно на Землю вернул, и сестёр своих тоже. Врата же Междумирья, ведшие в мир пекельный, разрушил и завалил горами Кавказскими, чтоб больше не лезло зло на Землю-Матушку. Говорят, правда, что излучение тех врат до сих пор фонит, и нет из-за этого на Кавказе покою, но мало ли, что люди нарасказывают, язык-от без костей, как проверишь?

Вернуть-то Перун вернул сестёр, да чародеи пекельные над ними потрудились, даже облик исказили, где были косы русые — стали волосы как пакля чёрная, торчат во все стороны, где была кожа белая — от жара да от немытости (бани-от в

пекельном мире отродясь не было, да и сейчас нет) стала кожа как кора еловая.

Чего? Говоришь, видел таких на улицах, да ещё железяк в щёки, в губы да ещё куда ни попадая навтыкали? Да, это как раз настоящий пекельный обычай.

Поглядел Перун на сестёр и говорит, не беда это, беда позади. Искупайтесь, сестрицы любезные, в водах Ирия Тишайшего, Молочной реки, Иртыша по-нынешнему, да в Сметанном озере, и вернётся к вам былая баса-краса. Омылись сёстры, а с ними и ещё множество бывших пленников, и стало по Слову Перуну.

Вот этому очищению от скверны чужеродной и посвящен праздник, полное и настоящее название которого День Бога Купалы. И нам всем этот праздник сейчас важен, потому что скверны чужеродной в каждом полным-полно. И то, что едим, и то, чем дышим, и то, что независимо от нашего желания лезет в ум и в душу с рекламных плакатов, из теле-, радиоэфира, из интернета. Необходимо всю эту мразь вычистить, если, конечно, хотим вспомнить, кто мы, зачем здесь, людьми стать, а потом и Человеками, а не оставаться быдлом, населением, которое режут да стригут, а оно мычит, да терпит.

А то, как из этого Праздника ночь всеобщего блуда пытаются

Фото Д. Хлопунова

Фото Д. Хлопунова

сделать, под разными красивостями, показывает, как ненавидят этот праздник все слуги мира пекельного, в какие бы личины они ни рядились.

Да, на этом Празднике парни да девушки спутников-суженых себе искали, а создавшие Семейные Союзы чад зачинали после купальских обрядов, чтобы творить новую Жизнь по Божественному Подобию, с чистыми Телами, Душами, Помыслами. А вот «секас», будь он неладен, у наших Предков тогда напрочь отсутствовал. Любовь была, Радость творения Жизни, продолжения Рода была, а «секас» отсутствовал.

Теперь о том, как проводится праздник. Хотя это как мне традицию передали, в разных Родах могли немного по-разному делать.

Проводится День Бога Купалы через 9-16 дней после Солнцестояния. В этом лете с 6 на 7 июля по современному летосчислению, хотя допустимо праздновать +- неделя от данного дня. И зря его путают с Днём Солнцестояния, или, иначе, Днём Хорса.

Начинается с того, что происходит Праздник в пространстве Праздника. Это пространство нужно создать, для этого участники выходят из мира обыденного в

пространство Праздника. Обычно для этого служит «змейка». Кто-то из помощников ведущего праздник ведёт участников извилистым путём на Праздничную Поляну, собирая по пути всех, кого встретит. В этом движении и происходит переход, настройка сознания на праздничный лад.

Надо сказать, что раньше, да и сейчас, в сообществах, которые празднуют традиционные праздники постоянно, подготовка начиналась заранее. Заготавливались дрова для костров, изготаливались огневицы, меч, готовились требы Богам и Предкам, да и просто праздничная одежда. (Огневица – кораблик или плотик со сложенным на ней костром или закреплённой свечой. Могла быть одна на всю общину, и тогда имела значительные размеры, или у каждого личной. Треба – приношение в виде зерна, выпечки. Всегда безкровная, ибо наши Боги и Предки кровавые жертвы всегда отвергали и отвергают).

И к приходу празднующих на Поляне всё уже готово. Дальше начинались хороводы, на которых вошедшие в возраст парни и девушки приглядывались друг к дружке, искали суженых. Парни показывали силу, девушки стать свою, и те и другие соревновались в ловкости, гибкости, скорости, да и в острос-

лови не уступали. Когда Ярило склонялся к краю окоёма, зажигался первый костёр, на котором приносились требы. Когда все требы были принесены, от огня этого костра зажигался главный костёр праздника, который складывался вокруг Меча Перунова. Чтобы легче загорался он, все вставали в хоровод или в хороводы, в зависимости от количества людей празднующих. Ближний к костру хоровод шёл посолонь, следующий встречь Солнцу, следующий опять посолонь и т.д. Хороводы шли с пением обращения к Огню. Когда Меч Перуна падал – его поднимали и освещали им Воду, отправляя его по течению, или по воде, если праздник проходил у озера. После этого происходило первое очищение, очищение Тела. Все участники купались, а ведущие праздника перекладывали костёр для прыжков да дров подбрасывали. И зажигали от купальского костра ещё два, Коловрат и Посолонь. Становились вокруг него 2 хоровода, вокруг Коловрата парни, вокруг Посолони девицы, которые во время игр не выбрали себе никого по Душе. И шли они соответственно встречь солнышку и посолонь. Окружающие в это время кричали хором «Навь, Явь, Правь!». На слове Правь хороводы останавливались, и оказавшиеся спина к спине парень и девушка поворачивали головы, если друг к дружке – пара выходила из хоровода и дальше шла праздник вместе (если, конечно, у них не было с этим несогласия). А хороводы продолжались до тех пор, пока хотели участники или все не находили пару.

В этих хороводах и целовальных играх могли участвовать только неженатые и незамужние, создавшие уже свои Семейные Союзы (Семейные Союзы, подчёркиваю, хорошее дело «браком» не назовут), могли участвовать мужи – в воинских играх, жёны – в женских состязаниях и играх, но не в парных.

И вот теперь начинались прыжки через Огонь, обряд очищения Души. Сколько раз прыгать – по самочувствию. Лучше всего от 9 до

16. И лучше, когда Огонь такой высоты, что прыгаешь не над ним, а сквозь него. Для того, чтобы дети и старцы со стариками могли прыгать, делали отдельный небольшой костёр.

После насыпали из углей купальского костра дорожку Перунову и шли по ней босиком, совершая обряд очищения и укрепления Духа. Ходили тоже по самочувствию, лучше от 9 до 16 раз. Тем, кто празднует первый раз, лучше без фанатизма подходить к количеству «заходов», потому что Огонь начинает выжигать внутренние болячки и мусор, поэтому возможно обострение разных хворей.

На этом обязательная часть Праздника завершалась, желающие могли идти искать Цвет Папоротника (это, надеюсь, понятно, собственный внутренний Свет Человека, а клады скрытые – это лучшие Человеческие качества и способности), чада, достигшие 12 лет, проходили обряд Совершеннолетия и Имянаречение и приобретали возможность принимать самостоятельные решения и полностью нести за них ответственность. Этот обряд не привязывался к определённому празднику, но чаще всего проводился летом, так как связан с погружением в воду.

А сил на празднике приобреталось столько, что косари отправлялись на покос и могли трудиться целый день без усталости. И травы в полную силу входили.

Фото Д. Хлопунова

Фото Д. Хлопунова

АльпИндустрия
ул. Первомайская 77, 378-33-47

ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Мы предлагаем обучение по направлениям:

Социальная работа

Социальная педагогика

Воспитательная работа

Связи с общественностью

Международные отношения

Социальная педагогика

Реклама

Бакалавр

Бакалавр

Бакалавр

Обучение заочное.
Идет прием документов.
Вступительные испытания по всем направлениям по результатам ЕГЭ или тестирования.

20017, г.Екатеринбург, пр.Космонавтов, 26, каб.233-а;
ст. метро «Машиностроителей»
Телефоны: (343)235-76-37, 235-76-67; Приемная комиссия: (343)336-12-43 (каб. 152)

Уральский институт экономики - филиал Санкт-Петербургской академии управления и экономики

На очное обучение в специализированные классы приглашаются абитуриенты, не прошедшие в этом году приёмные испытания в вузы по результатам ЕГЭ или не имеющие ЕГЭ, для обучения по специальным учебным программам, разработанным на базе учебных дисциплин первого курса по специальностям «Менеджмент организации» и «Социально-культурный сервис и туризм». Слушателям, успешно завершившим обучение в специальных классах и предоставившим в следующем году в приёмную комиссию все необходимые документы (свидетельство ЕГЭ, аттестат о среднем образовании), предоставляется возможность продолжить обучение в институте по ускоренной программе с сокращением на **один год** сроков подготовки по выбранной специальности.

Справки по тел. (343) 278-65-93, 278-65-96

Продолжается набор на заочную форму обучения по специальности: По направлению бакалавриата:

Финансы и кредит	Менеджмент
Бухгалтерский учёт, анализ и аудит	Экономика
Государственное и муниципальное управление	Туризм
Менеджмент организации	Коммерция
Социально-культурный сервис и туризм	

Образование европейского уровня

Обучение платное. Диплом о высшем образовании государственного образца.

Приемная комиссия:

620012, г. Екатеринбург,
тел./факс: (343) 278-65-93, 278-65-98

Наш адрес: г. Екатеринбург,
ул. Машиностроителей, 19, 3-й этаж
Остановка транспорта: «Площадь 1-й пятилетки»
Метро: «Уралмаш»

Продажа методической литературы для прохождения курса дистанционного обучения.

Сопровождение при сдаче экзаменов и получении удостоверений в ГОСТЕХНАДЗОРе и ГИМС.

Курсы вождения снегохода и квадроцикла.

WWW.DSARMY.RU

ТЕЛ.: +7(343) 257-27-49

+7(912) 24-97-943 E-mail: dsarmy@mail.ru
телефон для рекламодателей: +7(912) 24-33-966

Туристическая Компания

ОА-Групп Трэвел

Туристические маршруты по всему миру

Образовательные программы

Спецпредложение St Clares Oxford

Уникальный международный колледж. Дает студентам всех стран мира возможность получить перво-классное образование в Оксфорде. Основан в 1953 г. и с тех пор заслужил превосходную репутацию. Предлагает IB Diploma, подготовку к IB, курсы английского языка в течение всего года, а также летние курсы английского языка, включающие не только занятия английским языком, но и обширную внеклассную программу.

10 -15 лет - от 3 до 6 недель
15-17 лет - от 2 до 9 недель
от 18 лет - от 2- до 11 недель

г. Екатеринбург,
ул. Пушкина,8(вход со двора), 2 этаж
Тел./факс:(343) 228-02-20, 213-98-43,
8-950-64-34-224
E-mail: book-oa@bk.ru

Анатолий РАДОВ,
г. Невинномысск

Идикуда

Праздничное застолье удачно для меня заходило в тупик. Так случается всегда, когда в одном месте собирается достаточное число солидных и умеющих себя контролировать людей. Их ещё называют расудительными, здравомыслящими, правильными... У них хватает имён.

Маленькая комната в квартире кажется ещё меньше от обилия аппаратуры и мебели. На окнах шторы вульгарного сиреневого цвета. Посередине праздничный стол. На нём остатки блюд, выглядящих уже не так заманчиво и эстетично, как вначале. Сохнувшие цыплячьи кости на салфетках, винные пятна на скатерти, зелёная горошинка в одной из рюмок и полупьяные разговоры, ключевая задача которых ещё раз продемонстрировать себя во всей красоте.

За столом три семейные пары, плюс девушка лет двадцати семи, приглашенная на этот праздник, видимо, как и я, для массовки. Я хорошо знаю хозяев, они неудачников не жалуют. А я для них неудачник, ведь они прекрасно осведомлены, что мой годовой доход в десятки раз уступает их семейному бюджету. Других критериев нет. И то, что я здесь, для меня сюрприз. Но он не в том, что меня пригласили, а в том, что я пришёл.

В свои тридцать два я уже сложившийся одиночка и затворник. Посещение юбилеев, годовщин, свадеб и прочих празднеств не входит в список любимых мною дел. Но вот здесь я всё же очутился. Зачем? Возможно, я должен рассказать, чтобы они узнали. И я пришёл сюда и терпеливо выжидаю, когда подвернётся подходящий случай, чтобы заговорить. Будут ли они слушать? Я надеюсь.

Приглашённая девушка весь вечер скромно молчит. Виновник торжества уже пару раз подмигивал мне, незаметно кивая в её сторону. Но я пришёл сюда не за этим. Тем более что женская скромность зачастую оказывается полной липой или, что ещё хуже, мёртвой тенью, которую отбрасывает глупость. Я вслушиваюсь. Рано или поздно их разговор приблизится на опасное расстояние к тому, о чём я хочу рассказать, и тогда я...

Жена виновника рассказывает о платном посещении врача, сам виновник о какой-то поломке в своей машине. Что-то там со стартером. Всё те же уловки, всё те же намёки на состоятельность. Но рано или поздно...

Мы выпиваем ещё по одной. Вновь за именинника. Пожеланий уже нет, все они были высказаны ещё в первой половине застолья, поэтому мы просто чокаемся и пьём. Все кривятся и спешат закусить. Я запиваю. Уже тысячу раз я слышал, что запивать вредно, но я запиваю. Если бы я менялся каждый раз, когда мне говорили, что я делаю что-то не так, я, возможно бы, и стал правильным и здравомыслящим, но я не хочу. Я не хочу быть не собой.

Разговоры плавно переходят от одной темы к другой, и я терпеливо жду.

—...вся комната была охвачена огнём, — выхватываю я конец фразы.

Это жена виновника. Она рассказывает о своём недавнем сне. Я напрягаюсь.

— Ты не знаешь, к чему снится пожар? — спрашивает она у подружки, сидящей рядом.

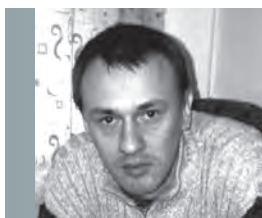
— Нет, — отвечает та, но я готов ответить.

Я чуть наклоняюсь вперёд, чувствую, как потеют мои ладони, но я хватаю волю в охапку и небрежно бросаю:

— Это страх. Вы боитесь потерять то, что нажили. — Я небрежно обвожу комнату рукой. — Всё вот это.

— Вы умеете толковать сны? — с интересом и даже, что удивительно, с долей уважения спрашивает она, пронизывая меня внимательным взглядом.

— Это не сны, — отвечаю я. — Сны это совсем другое. Пожар, который вы видели, это всего лишь ваши дневные страхи и переживания, которые становятся по ночам реальными. Называйте это вашим личным фильмом ужасов, вашей индивидуальной мусоркой, но это не сон. Сны это совсем другое, — повторяю я и замечаю, как интерес в её глазах пропадает. Слишком умно. Слишком не понятно для тех, кто не может сам догадаться, к чему все эти пожары, полёты, умершие родственники, когда вечерняя усталость смыкает наши глаза.

Анатолий Радов (Анатолий Анатольевич Струбенко). Родился в 1978 г. в г. Невинномысске, где проживает и в настоящее время. Окончил Невинномысский энерготехникум. Работает электромонтажником. В 15 лет стал писать стихи, с 28 лет пишет прозу. Печатался в журналах «Полдень, XXI век», «Искатель», «Порог», «Чудеса и приключения», «Магия ПК», «Веси», «Очевидное и невероятное», «Тьма», фэнзине «Шалтай-Болтай».

– А что же тогда сны? – неожиданно бросая на меня взгляд, спрашивает виновник. Я невольно благодарен ему.

– Сны, – неопределённо говорю я и смотрю на присутствующих. – Сны это другие миры, не менее реальные, чем мир яви. Все мы хоть раз бывали там, но мало кто помнит об этом. Я сам почти не помню. Иногда мне кажется, что помню. Иногда нет...

– Так как же ты хочешь рассказать о том, о чём не помнишь? – спрашивает виновник, накалывая кружок колбасы на вилку.

– Я расскажу о своём друге. Он знал о снах, наверное, больше всех на этой планете. К счастью, он умер.

– К счастью? – виновник хмыкнул. – Кто ж это умирает к счастью?

– Он, – просто ответил я. – Он умер к счастью для него.

Это фраза вызывает интерес во всех, я ликую. Краем глаза замечаю, как с лица скромной девушки исчезает скука, и она участливо всматривается в меня. Может, я был не прав насчёт отбрасываемой тени?

Все семеро готовы слушать. Как бы распутать этот клубок мыслей? Не сбиться, не порвать нити, всё так хрупко, так не просто. Я никогда не был так напряжён, разве что...

– Впервые это случилось у него в семнадцать лет, – начинаю я. – Хотя он думал, что раньше. Нет, он знал, что раньше, но то, что было раньше, это было почти как у всех. Первичные пересечения с мирами снов, страх и, как всегда, отказ от них. Так бывает у всех. У всех нас...

Я смотрю на их лица. Они ещё не понимают. Им ещё многое нужно объяснить.

– Не было никаких предшествующих событий. Никаких, если не считать смерти отца, но не думаю, что это стало причиной. Хотя он думал по-другому. Он был фаталистом, и он не мог им не быть. Сама жизнь всё время убеждала его в фатальности бытия. В шестнадцать, на десятый день после того, как он стал писать стихи, в их класс в зашарпанной школе пришёл пожилой поэт и пригласил всех желающих заниматься литературой, посетить его студию. Если бы не это, он бы бросил стихи. Он уже собирался бросать. В шестнадцать с половиной он попал в больницу с диагнозом миокардит. Нет, это совсем не инфаркт миокарда и лечится всего лишь витаминной терапией, но умереть можно. От аритмии. И он чуть не умер, ночью в палате. Он смотрел на свет, знаете, в палатах есть такие окошки над дверью, и заметил, как свет приближается к нему, наполняя собою всё пространство. И он вдруг осознал, что не дышит. Он попытался пошевелиться, но не смог. И тогда как свет наполнял пространство снаружи, страх наполнил всё пространство внутри него. Он испытал ужас. Ужас смерти. Но этот ужас был недолгим. К его удивлению, через несколько секунд он сменился умиротворением и покоем. И тогда он понял, то, что неизбежно, не может быть страшно. То, что ты уже знаешь, не может пугать. И ещё он подумал, что за скалами страха всегда ле-

жит долина умиротворения. И смерть отпустила его. Он пришёл в себя, натужно вдохнул воздух, и, сердце несколько раз неопределённо дёрнувшись, радостно заработало в ритме жизни.

Я взглянул на девушку, на её лице было внимание. Все остальные глупо смотрели на меня, видимо решая, слушать им эту дребедень дальше или лучше попеть под караоке. Я внимательно посмотрел на девушку. Неужели я так ошибся насчёт отбрасываемой тени?!

– Вернувшись домой, он стал испытывать непреодолимое желание вновь подняться на те скалы, чтобы увидеть долину. И ещё. Он вдруг заметил, что начинает контролировать себя во время сна. Хотя сначала это было только смутное предчувствие. Всем известно ощущение, когда просыпаешься во сне. Жуткое ощущение, неприятное. Мозг судорожно пытается выйти из этого состояния. Чаще всего он просто снова отключается, но иногда мы просыпаемся, жадно глотаем воздух и включаем светильник над кроватью. И чувствуем ужас, ведь где-то там, во время этого состояния, что-то словно рождалось внутри нас, что-то звало продолжить страшный эксперимент. Такое состояние стало приходить к нему всё чаще и чаще, пока каждую ночь он не стал просыпаться в липком поту, с дрожащим сердцем и с криком, похороненным где-то внутри. Первым шагом в контроле стала задержка дыхания. Как только мозг в спящем теле включался, он переставал дышать и ждал, когда отсутствие кислорода вытолкнет его из этого кошмара. Иногда приходилось ждать больше минуты. И в этот момент он разглядывал комнату.

– Как это, разглядывал комнату? – глупо спросил виновник, улыбаясь и торжественно обводя взглядом гостей.

Так вот зачем он меня слушает. Чтобы уличить во лжи и осмеять. Ну что же, это тоже мотив.

– Он видел, – спокойно сказал я. – Для него самого это было непонятным, но он видел. Один раз, днём, перед тем, как уснуть, он посмотрел на часы и запомнил время. Половина второго дня. Когда он открыл глаза во сне, так он говорил сам – открыл глаза во сне, – на часах было без пятнадцати два. Он задержал дыхание, кислород закончился, и тело, содрогаясь в панике агонии, с борьбой вернулось в явь. Он вскочил на ноги и устоял на циферблат. Без пятнадцати два!

– И что же это значило? – с ухмылкой спросил виновник. – Кстати, пора бы ещё по одной.

Мы выпили. Я запил соком и продолжил:

– Это значило, что то, что с ним происходило, был не совсем сон. Точнее, совсем не то, что мы привыкли называть сном. Тогда-то он и понял, что нужно идти дальше. Нужно перебороть себя, залезть на скалы и посмотреть на долину.

Виновник хмыкнул, его жена скучающе посмотрела на остатки салата с креветками, в глазах девушки любопытство усилилось. Что я там говорил про мёртвую тень?..

– А для этого нужно было остаться там немного дольше. Точнее, намного дольше, – поправил я себя. – Ему это стоило огромных усилий, потому что в том состоянии сила страха растёт в геометрической прогрессии. И ещё он понял, что нужно идти.

– Куда? – уже недовольно спросил виновник.

– Он сам не знал куда, но ему очень хотелось идти. Он засыпал на диване, и у этого дивана была высокая спинка. Так вот, он задумал положить ногу на эту спинку, находясь в спящем состоянии. Но всё безрезультатно. Он просыпался вновь и вновь, так и не справившись с задачей. Может, это обычный сон? Его стали одолевать сомнения. И тогда он решил упростить задачу. Нельзя же взять в руки шест и сразу прыгнуть выше шести метров. Он положил ноги на самый край дивана и, уснув, попробовал скинуть их вниз. Ну, давай же, взмолился он, глядя на неподвижные конечности, и проснулся от удара об пол. Перевернувшись, он повалился, как мешок, вслед за скользнувшими вниз ногами и больно ударился носом. Он приподнялся, обнял колени руками и просидел так полчаса, неподвижно глядя в одну точку. Это было началом. Всё оказалось просто. Не нужно пытаться двигаться физически, это не тот мир. Нужно захотеть, захотеть по-настоящему, и тогда можно идти. Лёгкость задачи подсказала решение. Если бы он продолжал пытаться покорить спинку дивана, ничего бы не вышло...

Я взял стакан с соком и жадно отпил. Мои губы пересохли от волнения. Виновник неопределённо махнул рукой. Я думаю, ему очень хотелось спеть под караоке что-нибудь из шансона. Но я продолжил. Нужно говорить, пока тебя не послали окончательно. Пока ещё есть возможность сказать.

– Через полчаса он вновь уснул и, открыв глаза во сне, легко приподнялся и встал на ноги. Сделав пару шагов, огляделся. Потом прислушался к себе, к дыханию, но тут же поспешил отвлечься и зашагал по комнате. Если следить за дыханием, оно обязательно собьётся. Обязательно. Он стал изучать мир, в котором находился. Всё, как и в реальности, тот же палас на полу, тот же телевизор на тумбочке, те же стены. Он подошёл к окну и, отодвинув занавеску, посмотрел. За окном пасмурно, деревья без листьев, кое-где островки снега. Там же, где и в яви, подумал он и, задвинув штору, зашагал в прихожую. По пути заглянул в комнату матери. Она должна была быть на кровати. Должна быть там и спать. Но её не было. Значит, это только мой мир, понял он, и, накинув куртку и обувшись, вышел на улицу.

– Чушь, – буркнул виновник.

– Не чушь, – бескомпромиссно бросил я. – Я знаю, о чём говорю. Он вышел на улицу.

Виновник откинулся на спинку стула, сложив руки на внушительном животе. Все, кроме девушки, посмотрели на него, ожидая его реакции. Ожидая, когда он скажет «Ладно, хватит!», встанет и включит музыкальный центр. Но он молчал и смотрел на меня. И я видел, что он будет слушать, и будет слушать очень внимательно. Ему нестерпимо хочется уличить меня

во лжи и от души посмеяться. Он ждёт. Между нами пробегают искра ненависти. Но это его искра, мне абсолютно всё равно. Я просто хочу рассказать.

– На улице никого не было. Он пробродил часа два и не встретил ни одной живой души. Так он полностью уверовал, что этот мир только его. Он подумал, что, наверное, у каждого есть вот такой свой мир. Мир настоящего сна.

– Послушай, – перебил меня виновник, – может, он просто был лунатиком? – он рассмеялся, довольный этим предположением. Вслед за ним натянуто и слишком громко засмеялась его жена.

Все остальные молчали, девушка испуганно посмотрела на меня.

– Мой друг был не глупым человеком, – спокойно парировал я. – Он предполагал и это. Поэтому несколько раз клал перед диваном тряпки, пропитанные холодной водой, и даже битое стекло, но ни разу его ступни не оказались поранены. Когда он открывал глаза, он видел и тряпки, и стекло, наступал на них, но ничего не ощущал. Когда ты бодрствуешь во сне, ты как бы и остаёшься в своём теле, но в то же время это другое тело. Его физические свойства изменены. Он никогда не говорил о выходе из тела, он никогда не видел своё тело со стороны. Возможно, и даже скорее всего, когда он уходил, в этом мире его тело оставалось лежать на диване. Он уходил той своей составляющей, которая и существует в нас для того мира. Для мира настоящего сна.

Я глубоко вздохнул. Когда я спешу рассказывать, мне не хватает кислорода. Голова слегка закружилась, но я продолжил.

– Вернувшись, он задержал дыхание и проснулся. Весь вечер он размышлял о том, что произошло. А ночью снова отправился в сон. На этот раз он решил находиться там до самого утра и уйти как можно дальше. И в эту ночь его ожидало ещё одно открытие. Тот мир сна, который он увидел в первую прогулку, был всего лишь иллюзией. Его личным впечатком мира реальности. Он и сам не заметил, как пустая улица, по которой он шёл, исчезла. Вокруг раскинулись луга, до самого горизонта. Он огляделся. Над горизонтом по всей окружности клубились облака, напоминавшие скалы. Ему стало не по себе. Как теперь вернуться назад? Тогда он закрыл глаза и представил исчезнувшую улицу. И вот он снова стоит на ней. Вокруг ржавые заборы, покошённые дома, район бедных. Знаете, сейчас и у нас есть свои гетто. Поняв принцип, он вернулся на луг. Облака успели разрастись и стать темнее. Теперь они были похожи на скалы, на которых тают ледники, и сквозь них проступают тёмные каменные внутренности. Он зашагал вперёд. Не может ведь, чтобы там впереди ничего не было, а только этот луг. Облака росли и темнели. Когда он прошёл пару километров, они уже больше походили на тучи. Предчувствие мягко шевельнулось под его сердцем. Зародыш ужаса. Он остановился и стал вглядываться в надвигающуюся тёмную стену. Что-то было не так. Его мозг спешил понять, а под сердцем быстрее стены туч рос

ужас. И он разглядел. Тучи не разрастались, как это бывает в яви, они ползли по небу, похожие на чёрных амёб, выставляя то одно, то другое щупальце вперёд. И он видел, как жадно они тянутся к нему, как подрагивают от голода. Они были уже близко, поднялся ветер, травы на лугу угрожающе зашелестели, одно из щупалец потянулось вниз. Он быстро закрыл глаза, и представил улицу. Вернувшись на неё, он бросился бежать к своему дому. Чёрная стена теперь была только с одной стороны. Она с невероятной скоростью выростала над горизонтом. Сразу несколько щупалец было выброшено вперёд. Стена тоже бежала. Задышавшись от бега и от страха, он вбежал в комнату, на ходу задержал дыхание и повалился на пол. Одно из щупалец ударило в окно, и раздался звон посыпавшегося стекла. Тело охватила дрожь, потом жёсткая агония, и он стремительно возвратился в явь, лёжа на полу и жадно глотая воздух. Пару минут он не мог подняться. Наконец силы вернулись к нему, и он встал на ноги. Провёл рукой по лицу и посмотрел на ладонь. На ней была кровь. Он вгляделся в пол. Повсюду куски стекла. Тогда он отодвинул занавеску и уставился в пустую раму. Небеса представляли собой жуткое зрелище. В них словно бы танцевала огромная чёрная амёба. Стена туч не исчезла. Он почувствовал, как возвращается ужас, взрывая каждую клетку организма. Задержав занавеску, он упал на колени и стал молиться. От ужаса. И тут его осенило, что он просто не проснулся и всё ещё находится во сне. Такое бывает с каждым. Иногда что-то задерживает нас. Когда мы близко подходим к миру настоящего сна, мы, бывает, никак не можем пробудиться. А он не просто подошёл к этому миру. Он был в нём.

Я поднял стакан и выпил сока. Слишком быстро, слишком сохнут губы. Я посмотрел на девушку, на её лице был страх.

– Он снова задержал дыхание, но как определить, что ты наконец-то вырвался в явь? Настоящий сон умеет запутать. Он выдаст видения за реальность, он так досконально скопирует картинки и ощущения яви, что мы будем пробуждаться раз за разом, но всё ещё оставаться там, внутри замкнутого лабиринта нави. И каждый раз будем верить, что мы пробудились по-настоящему. Это страшно. Он не дышал и молился, чтобы агония выбросила его в мир бодрствующих. Он отчётливо слышал вой ветра через пустую раму. Занавеска взлетела к потолку, и он краем глаза вновь увидел танцующую амёбу. Она словно исполняла танец охотника, загнавшего жертву. И тут земля содрогнулась. Потом ещё раз. Сердце яростно застучало в грудную клетку. Кислород кончился, и вновь началась агония. Земля содрогалась раз за разом, в чётком ритме. Кто-то идёт сюда, понял он и, открыв глаза, с хрипом потянул в себя воздух. Тело дрожало, остановить дрожь было невозможно. Он просто поднялся, доплёлся до дивана и упал на него ничком. Не было ни воя, ни дрожащей от шагов земли. Он повернул голову. Занавеска не шевелилась, на полу не было ни одного осколка. Он понял, что проснулся по-

настоящему, и облегчённо вздохнул. И тут же, чтобы убедиться окончательно, он вскочил на ноги и отдернул занавеску. И ему показалось, что к горизонту стремительно мелькнуло большое чёрное облако. Он сел на диван и уткнул лицо в ладони. Ужас утихал, но он ещё полностью не покинул его.

Я бросил быстрый взгляд на девушку. У неё переживающие глаза. Не слишком ли часто я смотрю на неё?

– Само собой, после этого он несколько дней даже не пытался повторить опыт. Но его мучили вопросы. Что это было? Или кто? Что за чёрная амёба исполняла танец смерти, закрыв собою всё небо? И от чьих шагов содрогалась земля? Он ходил на работу, как робот, автоматически, пялясь в монитор, но ничего не видя и почти ни с кем не разговаривая. Хотя и до этого он не был словоохотливым человеком, скрываясь от этого мира внутри, он всегда молча смотрел на кипящую вокруг жизнь. И лишь иногда жалел, что она вот так, крутясь в танце, проносится мимо него, не задевая его даже краем своего платья. Но такая жалость была редкой. Чаще он просто разглядывал её с искренним удивлением, почему им так просто? Просто радоваться, смеяться и даже ненавидеть. Почему они вообще ненавидят? Это был самый сложный для него вопрос, потому что он не знал этого чувства. Как будто бог забыл его положить ему в душу ещё при рождении. И через неделю он решился. Он просто понял, что ему нечего терять. В отличие от других, у него не было никого в этом мире. Конечно, кроме матери. Когда-то он решил для себя, что он должен пережить смерть матери, а не наоборот. Слишком полной горя была её жизнь, и дополнить её ещё одним, худшее преступление. Но он и не хотел умирать. Нет. Он хотел только посмотреть на долину за скалами и вернуться. Ужас прошлого раза уже потерял чёткие очертания, и ему показалось, что всё не так опасно, что ничего плохого не случится. В тот вечер он выкурил подряд две сигареты и, устроившись на диване, прикрыл глаза. Сон долго не шёл. Он ворочался, стараясь отвлечься от всего здешнего, от всех мыслей. И, наконец, провалился в бездну. Когда он открыл глаза, на часах было уже за полночь. Он медленно поднялся и первым делом заглянул за занавеску. Может быть, амёба уже танцует, и стоит ему только выйти... И тут он услышал за спиной лёгкий шорох. Дыхание спёрло, крик подступил к горлу, но он сдержал его, ценою выступивших на глазах слёз, и обернулся. Перед ним стояла девушка. Ни её лицо, ни её тело не были статичны. Она непрерывно менялась, как та амёба на небе. И он вдруг почувствовал знакомое чувство внутри, он почувствовал любовь. Знаете, во сне иногда мы чувствуем. И чувствуем в несколько раз сильнее, чем наяву. Каждый хоть раз рыдал во сне от счастья, от горя, от умиления, и ощущал невероятную любовь. Бескрайнюю, искреннюю. В этом мире слишком много рамок. Нам говорят, так нельзя и так нельзя. Это плохо, это хорошо. Но в настоящем сне нет никаких рамок, нет ни одного табу. И поэтому если во сне вы чувствуете любовь, она обя-

зательно будет до слёз. И он облегчённо заплакал. А девушка говорила ему про долину за скалами, что он не сможет остаться здесь, с нею, пока не поборет свой страх, свою Идикуду. Кто это – Идикуда? – спросил он сквозь слёзы. Это твой страх, страх смерти, страх жизни, страх чувств, и он слишком силён. Ты слышал, как содрогают землю его шаги? Да, сказал он. Пока ты не увидишь долину, ты не сможешь остаться со мной. Он закрыл глаза, из которых продолжали течь слёзы, и представил луг, а у самого горизонта высокие скалы. И он шагнул вперёд. Из-за скал появилась амёба-туча и рванулась к нему. Ветер усилился, взволнованно зашептались травы, страх стал сковывать его, но он до крови закусил губу и шёл. Амёба дотянулась к нему, когда он уже схватился за первый уступ и пополз вверх по каменной скале. Она окутала его непроницаемой темнотой, сжала его лёгкие, в ушах стоял нестерпимый вой. Но он нащупывал уступ за уступом и лез вверх, чувствуя, как дрожит земля под тяжёлым шагом Идикуды. Она шла к нему, чтобы убить, и он всё быстрее и быстрее шарил во тьме руками, выискивая небольшие выемки и трещины. Руки затекли от напряжения, он уже не чувствовал предплечий, казалось, пальцы вот-вот не удержат и он полетит вниз. А там она, горящая ненавистью, местью, как это он осмелился бороться с ней? Правая кисть не выдержала, и рука скользнула вниз. Он всем телом прижался к холодной скале. Шаги прекратились, вой стих, всё замерло, выжидая. Он попытался поднять руку и за что-нибудь зацепиться, но тут понял, что пальцы левой руки уже разжимаются.

– Значит, он погиб! – ликующе вскрикнул виновник. – Это как в одном фильме. Речь ведётся от лица главного героя, а в конце он погибает. По-моему, в «Короле Артуре».

– Да, – спокойно ответил я. – С того момента, как он последний раз отправился туда, я придумал. Но не безосновательно. Он на самом деле умер во сне.

Виновник злобно посмотрел на меня.

– И к чему всё это? – спросил он. – В чём суть?

Я пожал плечами.

– Извините, мне нужно идти, – громко сказал я, поднимаясь.

– Мне тоже, – неожиданно произнесла девушка.

Виновник покачал головой и скривил недовольное лицо. За столом все с каким-то презрением посмотрели на меня, но мне было наплевать на их презрение. В прихожей я помог девушке надеть пальто, напялил свою любимую засаленную куртку, и мы, спустившись пешком по лестнице, медленно пошли по дороге. Виновник в прихожей, наверное, продолжал качать головой и кривить недовольную мину. Или уже вернулся к столу и крутит пальцем у виска, говоря обо мне. Ну и конечно, он уже пожалел, что пригласил меня...для массовки.

На улице была ночь и осенняя прохлада. Тускло горели редкие не разбитые фонари, и вокруг них желтоватой короной сиял подсвеченный туман. Девушка молча шла рядом, кутаясь в пальто, иногда

вздрагивая. Я не знал, о чём заговорить, а она не начинала. Наконец, в очередной раз поёжившись, она спросила:

– Вы всё это придумали? – и бросила на меня взгляд.

– Давай на «ты», – сказал я.

– Давай, – она чуть заметно улыбнулась. – Ты всё это придумал?

– Нет, – тихо проговорил я. – Все эти настоящие сны, эта Идикуда, девушка, скалы, всё это правда. Но основная правда в том, что я не знаю, сорвался ли он со скалы или всё-таки добрался до вершины и увидел долину.

Девушка поёжилась и чихнула. Я посмотрел на её тонкое пальтишко. Так недолго и простудиться.

– Ты далеко живёшь? – спросил я.

– В юго-западном районе, – ответила она и вновь чихнула.

– Далеко, – сказал я, задумавшись. – Ладно, по-дожди.

Я достал телефон и вызвал такси.

– В центр, к «Арбузу». Побыстрее.

Девушка робко улыбнулась:

– У меня денег не хватит.

– У меня есть, – сказал я.

Подъехала машина, я открыл заднюю дверцу, и девушка, ёжась, юркнула в салон. Я отдал водиле две сотни, и она недоумённо посмотрела на меня.

– Ты не едешь?

– Нет, извини, у меня кое-какие дела, – я сделал вид, что мне очень жаль.

– Мы ещё увидимся? – с надеждой спросила она.

– Конечно, – ответил я, хотя знал, что уже никогда.

Она хорошая. Очень хорошая, и именно поэтому я не смогу сделать ей больно. Я не смогу ласково смотреть на неё, шептать те самые слова, нежно обнимать. Всё это будет обман, злая ложь, подлое притворство, а на самом деле... на самом деле моё сердце давно не умеет любить.

Тогда, той ночью, когда нужно было идти к скалам, чтобы увидеть долину, я испугался. Да, я струсил, я задержал дыхание и проснулся. И лишь та часть меня, которая любила и плакала от любви, бросилась к скалам, с болью оторвавшись от меня. Я так и не узнал и, наверное, никогда не узнаю, увидела ли она долину? После той ночи я уже ни разу не смог вернуться в настоящий сон. Я пытался, я клял себя за трусость, я молил небеса, но не мог. А через время, чтобы забыться, я с головою бросился в компьютерные технологии. И вот мне тридцать два, у меня одинокая, однообразная жизнь, я неплохой программист, и я не умею любить.

Но иногда во сне я слышу приглушённый, еле различимый крик, словно тот, кто кричит, в миллионах световых лет от меня. И он кричит мне – иди!

Куда?..

Алексей Логинов,
г. Екатеринбург

Бред

Очаровательной рыжей музе

Витька мотало из стороны в сторону. Он помнил, что он Витёк. Остальные воспоминания скрывала радужная пелена.

Он плелся, ступая босыми ногами по непривычно шершавой и холодной траве. Все вокруг было мерзко. Цвета окружающего мира выглядели блёклыми и неестественными.

Витёк подошел к корявому сучковатому раскидистому дубу и нажал на кору пальцем. Вопреки его ожиданиям, стакан с ситро из дуба не появился.

Запнувшись за корень, он кубарем покатился в низину и плюхнулся в ручей. Сначала он пытался лакать воду языком, потом сунул в воду голову и, чуть не захлебнувшись, инстинктивно выдернул её обратно. Нажатие пальцем на ручей ничего не дало. Вода не хотела утолять его жажду.

«Бред какой то... – подумал Витёк. – Почему ничего не слушается меня, что произошло?»

Наконец, опустив губы в ручей, так, чтобы нос оставался на поверхности, он сумел сделать несколько глотков.

Через час бесцельного шатания по лесу он вышел на пыльную дорогу. По ней ему навстречу шагали два бородатых дядьки в холщовых рубахах, подпоясанных шнурками. Обуты они были в странные плетеные кроссовки.

Незнакомцы низко поклонились.

– Вы кто? – спросил Витёк.

– Мы «новые» мужики, у нас своя община, – ответил самый высокий. – Нифантий, – представился он.

– А я Витёк. Послушай, Нифантий, что-то меня ничего не слушается, вот смотри...

Витьку захотелось, чтобы у Нифантия исчезла борода, а на голове появился сиреневый ирокез. Витёк нажал Нифантию пальцем на пузо, но ничего не произошло.

– Ах, вот оно что! – сказал Нифантий. – Пойдем-ка с нами, у тебя, наверное, кризис.

Внезапно закапал дождь, сверкнула молния. Мужики кинулись на колени и начали усердно крепиться. Затем грянул гром

– Нифантий, ты на пиксели распадаешься! – вскрикнул Витёк

– Это пройдет.

Витек потерял сознание, мужики подхватили его и поволокли дальше. Вскоре они стояли на крыльце огромного сруба. Витька втащили в хату и положили на деревянный топчан, застеленный соломой.

– Игнат, мы ещё одного притащили, может, ты объяснишь, что происходит? – спросил Нифантий у гладко выбритого товарища в яркой косоворотке.

– Объясню, я сам только час назад узнал, – ответил Игнат. – По последним данным, 44 вспомогательных нейросервера взорвано. Основной нейропроцессор полностью уничтожен. Перед взрывом по сети был запущен вирус, который воздействовал на 89 процентов цивилизованного населения земли. Вирус сумел обойти системы защиты, и у нескольких миллиардов человек почти одновременно спеклись мозги. Остальные выжили, поскольку оказались в состоянии сопротивляться нейровертуальной реальности. Они способны выжить в реальном мире.

– И ты так спокойно об этом говоришь?

– А что я могу?! – в сердцах вскричал Игнат.

Затем, понизив голос, он сказал:

– Ответственность на себя взяла террористическая группа «Красные хакеры».

– Как же они всё-таки систему информационной безопасности обошли? – недоумевал Нифантий.

– Один из хакеров бывший программист нейросети, он и ставил почти всю систему безопасности, – объяснил Игнат.

Он глотнул из кружки душистого кваса и продолжил:

– Тридцать лет назад, когда на Земле было свёрнуто последнее неавтоматическое производство,

Логинов Алексей Леонидович родился 5 сентября 1975 года в Свердловске. Окончил юридический факультет Уральского института экономики управления и права. Работал юрисконсультom, затем начальником юридического отдела в различных предприятиях и компаниях Екатеринбурга.

В настоящее время занимается самостоятельной судебной практикой в Коллегии адвокатов «СОГА».

Писать начал в 2004 году. Ранее не публиковался.

Увлечения: мотоциклы (байк), рыбалка.

создание единой нейровиртуальной сети считалось благом. Людям нечем было заниматься, всё производили роботы. Тогда люди ушли в сеть. Для подключения к сети нужно было просто имплантировать чип – и никаких тебе проводов! Важнейшим элементом системы являлся сам мозг. В любое время, из любого места, только подумал—и ты в сети! Внешне тело контролировал индивидуальный сопроцессор. Человек ходил, ел витаминную протертую дрянь, справлял нужду, занимался нехитрыми физическими упражнениями, а его сознание наслаждалось прелестями искусственного мира, где каждый был богом и делал что хотел. Имелось всего несколько ограничений для сохранения интереса к происходящему. Сначала хоть из-за секса из сети вылазили, но после инсталляции «Sex games» и это прекратилось. За последние четыре года не зафиксировано рождения ни одного ребенка. Мы начали вырождаться!

– Ты оправдываешь Хакеров?

– Мое мнение не так уж и важно, сейчас мы имеем свершившийся факт, – ответил Игнат. – Ты же был в городе и видел эти тысячи тупых зомби.

– Но ведь это катастрофа! Миллиарды трупов, говоришь?

– Вот смотри, – перед Игнатом в воздухе возник голографический объемный монитор. – Информация поступает по старой проводной информационной сетке, – пояснил Игнат. – У уцелевших людей вирус загрузил программу, через 12 часов они начнут работу по дезинфекции и утилизации тел умерших. Через 2 месяца не без помощи роботов работа будет закончена. Затем сознание выйдет из остаточного локального кусочка нейросети. Чип и сопроцессор перестанут функционировать. Люди вернутся в реальный мир.

– А что с Витьком?

– Он, по-видимому, оказался более стойкий к вирусу и уже почти освободился.

Витёк сидел на крыльце и смотрел на закат. Огромный лиловый диск солнца медленно исчезал за косматыми верхушками елей. Из-за дома вышел Нифантий, в руках он держал только что выкопанную морковь. Он сполоснул одну морковку в старой ржавой бочке и протянул Витьку.

Витек ткнул пальцем в морковь, но она не стала морковным пюре, и он заплакал по-детски, навзрыд:

– Не получается, а грызть так трудно...

Нифантий обнял его и, как ребенка, начал успокаивать, похлопывая по спине:

– Ну-ну, ты всему научишься. Всё обязательно получится....

ГОЛОВИНА Вера Петровна (урожд. Мещанинова), поэтесса.

Жена моск. уездн. предв. дворянства Н.Т.Головина. Авт. кн.: «Кантата в два голоса с хором». М., 1851; «Весенняя русская песня к солнышку». М., 1854; «Прощальная песнь имп. Никола. Павловичу». М., 1855. В «Рауте» напечатаны: «Романс» и «Неразлучные» (1851); в «Москов. вед.» -- «Отзыв русского сердца» (1854. № 20); в «Ведом. Моск. гор. полиции»: «Достопамятные для России годы» (1854. № 65); «Чудное спасение Соловецкой обители», четыре стихотв. (№ 208). О ней: М.Н.Лонгинов в Рус. архиве. 1865. № 12. С. 1512.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.; Розанов.

ГОЛОВИНА Елена Григорьевна (урожд. Полянская; — 1893), писательница.

Жена действ. стат. сов. Венгеров. Источ.

ГОЛОВИНА Л.Г., авт. воспоминаний.

“Школьные годы”. — В кн. “Воспоминания о М.И.Калинине”. Калинин, 1957, с.28-30; др. публ. в кн. “Рассказы о Калинине: Сб. воспоминаний” М., 1972. С.7-8.

ИДРДВ. Т.4. Ч.2. № 2661, 2663.

ГОЛОВИНА Любовь Валериановна (урожд. Карнович; после 1920), авт. воспоминаний.

Великосветская дама. Дочь В.Н.Карновича, вице-директора департамента общественных дел; жена Е.С.Головина, камергера, пом. гл. инспектора шоссейных и водных сообщений. Одна из самых ревностных почитательниц Г.Е.Распутина (см. воспоминания о Распутине В.А.Жуковской \ \ Русский архив. Вып. 11-111. М., 1992). В сент. 1875 г. в СПб. лечебнице Л.Н.Симонова познакомилась с Ф.М.Достоевским, кот. потом посещал ее и переписывался с ней. Оставила воспоминания. Они были напеч. в составе воспоминаний Е.П.Летковой «О Ф.М.Достоевском» «Звенья». Т.1. М.-Л., 1932, с.473-475, а затем вошли в 2-томник «Достоевский в воспоминаниях современников» тоже в составе восп. Е.П.Летковой (с.458-460). Сохранилось одно письмо Достоевского к Г. от 23 июля (4 авг) 1876 г. (Дост.Т.29. Кн. 11. С.109-111).

Белов С.В.; ИДРДВ. Т.3. Ч.4. № 7032.

ГОЛОВИНА-ЮРГЕНСОН Надежда Александровна (урожд. Юргенсон; 1855 — после 1934), журналистка, авт. воспоминаний.

Род. в Царском Селе. Окончила гимназию, училась в Медико-хирургич. академии. Участница народнического движения. Подвергалась арестам и тюремным заключениям. В 70-х гг. служила в управлении уральской горнозаводской жел. дороги в Перми и на ст. Бисер. Служила также в земско-городском союзе в редакции «Известий Земгора» (1917). После Октября работала выпускающей газ. «Земля», соединенного органа большевиков и левых эсеров, в «Известиях нар. ком. здравоохранения». Состояла в союзе советских журналистов, в обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев. “Мои воспоминания (Из рев. деятельности 70-80 гг)” напечатаны в “Каторге и ссылке”, 1923. Кн.6. С.23-38; 1924, Кн.1(8). С.101-108. В том же журнале — “Первые проблески движения в народ” (1924, Кн.6(13). С.134-135. Автобиография Г. в Энциклоп. слов. Гранат, Т.40 (Автобиограф. револ. деятелей...).

ИДРДВ. Т.3. Ч.4. Указ. имен.

ГОЛОВИНА Е.Н.

Авт. кн. “В селе Спасском” (М., 1898). Венгеров, Источ.

Екатерина ЧЕТКИНА,
г. Екатеринбург

Счастье человеческое

Я сидел вместе с другом на лавке во дворе и думал. Мысли были невеселые настолько, что от них не спасали ни отличный летний вечер, ни компания лучшего друга, ни выпитое количество спиртного.

- Слышь, а ты правда туда ходил? – спросил Вован.

Я грустно посмотрел на друга и кивнул.

- И что? – продолжал расспрашивать он.

- Отвяжись, - огрызнулся я.

От его вопроса, казалось, даже пиво стало горчить.

- Серый, может, все наладится?

- Что? – с болью переспросил я. – Маринка бьется в истериках каждый день. Нет больше сил смотреть на это. Она на грани самоубийства, а этим чиновникам все по фигу. Мы обиваем их пороги пятый год, но все безрезультатно. Видите ли, у них без нас хватает кандидатов... Пришлось наведаться и туда, – глухо закончил я, вспоминая помпезное здание из зеркальных витражей.

- А как там? – тихо спросил он.

- Обыкновенное здание. Привидения не летают, - едко ответил я. – Вова, туда идут своими ногами, кто ради денег, кто за привилегиями, кто ради здоровья близких, а кто из-за любви. - Я тяжело вздохнул. - Давай не будем об этом, а?

Он вроде согласился и замолчал. Некоторое время мы сидели в тишине и думали о своем, а потом Вован не выдержал и сказал:

- Знаешь Оксанку? Ну, ту белобрысую дылду из параллельной группы?

Я кивнул.

- Так она тоже туда ходила... Не на разведку, как ты, а совсем.

По спине пробежал холодок, и я глухо сказал:

- Давай помянем.

- Давай, - согласился он.

Мы налили полные пластиковые стаканчики водки и выпили залпом.

- Серый, а ты настолько любишь Маринку, чтобы...

- Да! – резко ответил я. – Вован, пойми, это не прихоть, – продолжил я спокойнее. - Все, что сейчас творится в мире, противоестественно... Неужели тебе нравится, что каждый жизненный этап под контролем, что при рождении детям вживляют чипы?

- С ними удобнее.

- Удобнее? Возможно... Но исчезает даже видимость свободы, выбора.

- И что? Я вот живу и не заморачиваюсь... Все прекрасно! У меня нет ни малейшего желания жить, как наши предки. Что там было хорошего? Куча всяких сложностей: несколько видов паспортов, дипломы, свидетельства о рождении, бумажки на собственность, различные банковские карты, электронные кошельки и т.д. и т.п. Теперь все иначе. Просто и удобно. Преступность сейчас на минимуме, а раньше... Помнишь истории своей бабки?

- Не в этом дело...

- В этом! – твердо заявил он. – У каждого времени есть заморочки, главное, не раскисать и не лезть в герои.

Спорить не хотелось. Был бы он в моем положении, завыл по-другому.

- Ладно, мне пора домой. Пока! – сказал я и нетвердой походкой отправился в сторону одной из панельных свечек, в которых располагались малобюджетки.

- Пока! – раздалось мне вслед.

Странно, но раньше казалось, что Вован меня понимает как никто другой. Иллюзия. Весь этот чертов мир...

- Привет! – тихо сказал я Маринке, открывшей дверь, и опустил глаза.

- Привет! – еле слышно отозвалась она.

Она все поняла без слов. Прерывисто вздохнула и ушла в спальню. Я знал, что она плачет. Горько, безнадежно. Я понимал, что должен что-то сделать... Она

Четкина Екатерина (Екатерина Сергеевна Золотова) Родилась и проживает в городе Екатеринбурге, окончила химический факультет Уральского государственного университета им. Горького. Работает по специальности. Литературным творчеством занимается с 2005 года. Не отдает предпочтения какому-нибудь определенному стилю и жанру. Дипломант международного конкурса «Facultet» в номинации «малая проза», конкурса «Посох и Лира. Триумф короткого сюжета» на форуме «Ковдория». Публиковалась в сборнике рассказов «Club Story. Полный чилаут», альманахе «Край Городов» и в молодежной газете «Изюм».

лежала на кровати, уткнувшись в подушку, а плечи вздрагивали от рыданий.

- Марин, - позвал я ее и прилег рядом. - Я все решил.

Она удивленно подняла голову и пристально посмотрела в глаза:

- Сережа, о чем ты?

- Я заключу договор с центром донорства, - спокойно ответил я.

Ее глаза расширились от ужаса.

- Нет! Слышишь? Нет! - закричала она. - Это не выход! - Она заметалась по комнате. - Ни тебя, ни ребенка, зачем мне такая жизнь?!

- Ребенок будет. Я сегодня все узнал, если пожертвую тело, то нам дадут разрешение на зачатие.

Марина опустила без сил на краешек кровати и еле слышно пробормотала:

- Без тебя мне он не нужен.

Я обнял ее за плечи и задумался: «Боже, что мне делать? Почему нам не повезло родиться богатыми или умными? В наше время обычным быть страшно. Мы никому не нужны, у нас нет будущего. Империи не нужны дети от неперспективных членов общества. Они хотят лучших, а как им стать? Никак. Замкнутый круг. Мы оба вкальваем на работе как проклятые, лезем вверх по карьерной лестнице, но все еще далеки от галочки в графе «разрешить». Может, есть другой выход? Какая-нибудь лазейка? Нет. Иначе бы по всему миру не вспыхивали беспорядки, не шагали толпы живых трупов с договором центра донорства. Неужели там наверху не видят, что это тупик? Крах. Хотя... Они благодаря нашему горю получают тонну здоровых органов, почти бессмертие».

- Пойдем, поедим, - сказала Марина.

Я согласно кивнул. Аппетита не было, но расстраивать жену не хотелось. Она всегда так старалась меня порадовать и удивить. «Интересно, какой у нас будет малыш? Девочка или мальчик?» - подумал я и улыбнулся собственным мыслям, кто бы раньше сказал, что буду в сорок лет таким чувствительным, дал бы в морду.

- Я тебя люблю! - сказал я ей, заходя в нашу крохотную кухню.

- И я тебя! - улыбнулась она. - Сереж, очень прошу, выбрось ты свою затею из головы.

- Ты же хочешь этого больше, чем я.

- Но не такой ценой... Справлюсь. Переживу. Заткнутся же когда-нибудь эти биологические часы, - пошутила она с кривой улыбкой.

- Блин, как я хочу вытащить этот чип! Тогда бы они нас не нашли и ничего не сделали.

Она рассмеялась:

- Фантазер! Ты же прекрасно знаешь, что сделать это самому нереально, можно зацепить спинной мозг. Во-вторых, вдруг в нас уже новые чипы, те, которые био? В-третьих, без него мы абсолютные нули.

- Уйдем в лес, будем жить, как далекие предки, - я говорил шутливым тоном, но серьезности такой перспективы не отметил. Почему бы и нет?

«А что ты умеешь? - встрял внутренний голос. - Строить дом? Ловить и убивать добычу? Выращивать овощи? Что? Молчишь, а я отвечу. Ничего ты не умеешь!». Тяжело с ним соглашаться, но факт. Мы полипы породившей нас цивилизации. Мы сами себя загнали в угол, так что ж сейчас пенять на тех, кто этим пользуется...

Воскресенье. Утро единственного выходного провело с пользой. Теперь все кончено. Я сделал то, что считал нужным. Оказалось, это совсем не страшно, взять и подписать. Я словно видел себя со стороны. Мне говорили, что дают время, чтобы успел порадоваться полученным в результате сделки преимуществам. В принципе, очень даже щедрым: разрешение на ребенка, кругленькая сумма на счет семьи и полное довольствие на оставшийся срок для меня, так сказать, большой отпуск. За трудовую жизнь я пользовался положенным отдыхом раз пять, теперь могу наверстать... Предупредили, что при неявке в срок буду объявлен в розыск и меня доставят силой. Я слушал и ничего не чувствовал. Мне не казался диким свой выбор. Может, от усталости, может, еще по какой-то до конца неосмысленной причине... Пожалуй, Марине говорить не стоит, незачем ее огорчать... Никогда не задумывался, как приятно просто идти и дышать... Последний год буду радоваться каждому солнечному лучу, каплям дождя, улыбке любимой и надеюсь, бог меня вознаградит и я узнаю, что нас стало трое... Какие люди дураки? Сами создают преграды и всю жизнь бьются о них лбом, а счастье-то рядом. Зачем искать смысл жизни? Надо просто жить... Сам не заметил, как тупое безразличие, владевшее мной последние месяцы, рассеялось, и я улыбнулся: «Счастливым смертником. Звучит сногшибательно!».

Я жизнерадостно поприветствовал Марину, встречающую меня на пороге квартиры, но, натолкнувшись на ее хмурое лицо, опустил глаза.

- Где ты был? - напряженно спросила она. Ее глаза испытывающе буравили меня, пытаюсь насильно вытащить правду.

- Гулял, - ответил я. Странно, раньше за ней мнительности и склонности к допросам не наблюдалось.

- Да? С чего вдруг?

- Решил здоровьем заняться, - ответил я и принял самый невинный вид.

- Понятно, - ответила она еле слышно. - Поздно пить боржоми.

Я внутренне напрягся: «Неужели поняла?».

- Чем занималась, пока меня не было? - спросил я, перескакивая на безопасную тему.

Она вздрогнула, передернула плечами и, не поворачиваясь, ответила:

- Домашними делами занималась, что я еще могу делать?

Я недоуменно замер и кинул на нее изучающий взгляд. Что-то здесь не так? Она никогда не умела лгать, и сейчас ее нервозность наводила на определенные мысли.

- Мариш, что происходит?

- Ничего, - ответила она, продемонстрировав высшую степень удивления.

Нет. Ты врешь, только зачем? У нас никогда не было тайн друг от друга. «А твоя?!» - ехидно подсказал внутренний голос. Она не в счет! Так мы проживем год, который мне дали для завершения дел, в любви и спокойствии, а не в ссорах и страхах... «Вдруг она меня разлюбила? – забились мысль – На прошлой неделе она несколько раз задерживалась на работе... Я, как баран, зациклился на исполнении нашей мечты, а может, ей уже это не нужно? Бред! Бестолковая ревность. Мы вместе пятнадцать лет, и не было ни секунды сомнений в наших чувствах, а тут? Виноваты нервы. Сдают, гады... Но все же что она скрывает?».

Я изумленно смотрел на Марину, одетую в старый спортивный костюм и черную кепку. Что это за маскарад? Наверное, предполагалось, что я должен спать в сладком неведении.

- Ты где была? – пробормотал я.

- Все хорошо, - устало отозвалась она. – Давай потом поговорим, у меня была трудная ночь.

Я стоял и молчал, как идиот. Она сняла кепку, быстро расстегнула куртку, чем вызвала еще большую сумятицу и шок в моей голове.

- Это что? – спросил я, тыкая пальцем в ее перевязанную спину.

- Экранирование чипа, - спокойно пояснила она.

- Они все равно просекут отсутствие сигнала.

- Знаю, - равнодушно отозвалась она, продолжая раздеваться. – Но это дает время.

- И что? – поинтересовался я. Сердце разрывалось от неотвратимости беды. – Мариш, зачем?

- Зачем? – взвилась она. – Не все этим тварям безнаказанность! Заклеймили, словно скотину. Богов корчат, решают, кто достоин! Ничего... Скоро им будет не до этого!

- О чем ты говоришь? Что ты наделала? – с болью выдавил я. – Я жизнь отдал за наше будущее, а ты все перечеркнула.

Она пристально посмотрела на меня и криво усмехнулась:

- Все-таки сходил.

- Да.

- Дурак.

- Теперь понимаю.

Мы замолчали. К чему говорить, раз и так все предельно ясно...

- Сережа, - тихо позвала она и прижалась ко мне. – Я не могла иначе. Поверь, все произошло случайно... Общалась в сети, жаловалась на жизнь, зашел разговор о несправедливости, о том, что надо что-то предпринять. Я согласилась... Так и познакомились. До сегодняшнего дня мне не хотелось участвовать в их акциях... Знаешь, когда ты на прошлой неделе в

очередной раз получил отказ, у меня что-то щелкнуло в голове.

Я кивнул. Обида на себя, на нее, на всех переполняла, захлестывала, отдавалась головной болью и шумом в ушах.

- Поверь, все будет хорошо. За долгое время я первый раз почувствовала это.

- И что тебя так вдохновило? – ехидно спросил я.

- Нас много... Слишком много, - она рассмеялась, при этом глаза блеснули ярким огнем. – Мы взорвали здание администрации и один из центров донорства.

Я на несколько секунд просто перестал дышать... Да уж... Теперь точно все хорошо – расправа будет быстрой.

- Ты слышишь себя?

Она спокойно выдержала мой осуждающий взгляд.

- Все, кто отдали жизни... Пусть не совсем добровольно... Но их утешали мысли о том, что они кому-то помогут, продлят нужную обществу жизнь. Теперь все напрасно.

- Наоборот. Это всколыхнет толпу, - упрямо ответила она.

- Это приведет к массовым беспорядкам, кровопролитию.

- Святой! – презрительно процедила она. – А они с нами поступили справедливо?

- Ты мстишь не им, а ни в чем не повинным людям... Никогда не думал, что ты можешь принять взгляды радикалистов.

Она горько выдохнула:

- Не думал, не видел, не помогал... Хорошо судить других, а сам? Сбежал по-тихому и заключил договор... В этот момент ты думал о ком-то кроме себя?

Финиш. Я поражен. Убит. Как я мог не заметить кардинальные изменения в ней? В милой, доброй, мечтательной девушке, которую любил... Да, имперские эксперименты нас разрушили...

- Ты куда? – обеспокоенно спросила она, когда я молча достал рюкзак и стал скидывать туда вещи.

Плевать на все с Эвереста. Пойду сейчас к Игорьку в импровизированную клинику «Избавление», стану безчипным и уйду в лес... Но как же она? Как наши мечты? Может, есть в ее рассуждениях доля правды? Нет. Не важно. Она сделала выбор, а я не в состоянии его принять. Не могу взрывать, убивать, топтать то, что создали другие.

- Что ты молчишь? – закричала Марина, пытаюсь выбросить из рюкзака уже положенную одежду. – Останься! Я люблю тебя.

«Люблю, не люблю – это все слова. Приятные, но пустые...» - горько подумал я, заканчивая сборы.

- Ты - рохля! Слабак! – перешла она от просьб к ругательствам. – Как ты можешь меня бросить?

Она пристально посмотрела на меня. За несколько секунд возникшего молчания из ее глаз пропала злость, уступив место усталости и отчаянию.

- Уходи! – глухо произнесла она. – Наверное, ты прав. Я чудовище. Стухла на корню, так сказать, - хмуру пошутила Марина.

Боже, что я делаю?! Она нуждается во мне, как никогда. Мы все на пределе. На черте. На пороге сильного кризиса, который или сотрет нас либо делает сильнее и мудрее... Неужели нельзя понять и простить?

- Я тоже тебя люблю! – тихо сказал я. – Сорвался, извини. Наверное, с твоей стороны поступок с донорством выглядит не так героически, как с моей... Думал, это выход.

Она печально улыбнулась и сказала:

- Я тоже считала, что делаю все правильно... Мы оба не видели будущего, просто выбрали разный способ самоубийства, - вновь невесело пошутила она. – Кстати, думаю, у нас не очень много времени.

- Достаточно, чтобы убраться отсюда подальше - твердо ответил я.

- А куда? – горько спросила она.

Достойного, правильного ответа не было. Я молчал. Казалось, тишина стала сгущаться, колыхаться, обволакивая нас, заражая своей спокойной апатией. Плюнуть на весь этот бунт и остаться? Сдаться с повинной? С меня брать уже нечего, жизнь и та в кредит, а вот Марина... Можно тюремный срок сторговать на договор донорства, но... Глупо и бесперспективно!

- Боже! – глухо выдохнул я.

Единственное, что у нас не отобрали – веру в справедливость на том свете, но я-то хочу еще пожить на этом! С Мариной. С нашим будущим ребенком...

- Сереж, нам не спастись, - прошептала она одними губами. – Обними меня.

«Нет! – заревело все внутри. – Нельзя сдаваться! Думай! Если нет умных идей, то просто действуй. Хуже ведь не будет!».

- Перестань! – как можно увереннее сказал я. - Избавимся от чипа, выйдем за город, а там по обстоятельствам.

- Но что дальше? Как мы...

- Нормально! – перебил я, зная, что она озвучит мои опасения. – Справимся. Тем более это наш последний шанс... Ну, так как?

- Пошли! – ответила Марина и, храбрясь, улыбнулась. При этом ее глаза печально сверкнули слезами в ярком искусственном освещении, словно спрашивая у судьбы, что ждет впереди...

Я не мог предугадать будущего и помочь. Единственное, что в моих силах – увести ее отсюда и быть рядом до конца... И я сделал это... Мы ушли в неизвестность, крепко взявшись за руки, два смертника, отторгнутые цивилизацией, но согревающие внутри призрачную надежду на счастье.

ГОЛОВИНСКАЯ Елизавета Дмитриевна (1890 — 1958), авт. воспоминаний.

Актриса, режиссер, педагог. "Передвижной театр П.П.Гайдебурова: (Из воспоминаний). — В кн. Записки о театре. Л.-М., 1960. С.199-216. В сб. «Мысль». Пг., 1918. 1 напеч. ее статья. ИДРДВ. Т.4. Ч.4. № 7763; ЛЖР.

ГОЛОВКИНА

Издательница в Харькове.

ГОЛОВКИНА Д.И.

Содерж. лит. салон в ХУ111 в. Аронсон М., Рейсер С., с.331.

ГОЛОВКИНА М.Я.

(См. Кара-Мурза М.А.)

ГОЛОВКИНА Мария Алексеевна (1881 — ?), переводчица.

Дочь фабриканта. Венгеров, Источ.

ГОЛОВКИНА Наталья Петровна (урожд. Измайлова; 1769 — 1849), писательница.

"Alphonse de Lodeve". М., 1807 — Comtesse de G... (M-me la). Слов. рус. писательниц; Масанов.

ГОЛОВКИНА Э.А. (Л.), переводчица.

Пер. с нем. драму Марии Делле-Грацие "Углекопы". Харьков, 1903. — Рец. в "Образовании", 1903, № 12, с.124. М.б. она же издала в Харькове кн. Ж.Ренара "Рыжик". Масанов.

ГОЛОВНИНА Ю.Д., путешественница.

Авт. записок "На Памирах: Записки русской путешественницы". М., 1902. Венгеров. Источ. ИДРДВ. Т.4. Ч.1. № 557.

ГОЛОХВАСТОВА Ольга Андреевна (нач.1840-х гг. — 1897), драматург, прозаик.

Внебрач. дочь Е.П.Ростопчиной и Анд. Н.Карамзина. Жена историка П.Д.Голохвастова, до замуж носила фам. Андреевская. Первая пов. "За себя и за многих" — о полож. женщины великосвет круга. Более известной стала драма "Чья правда?" (поставлена Александринским театром в 1876 г.). Последующие пьесы не получили заметного отклика. Дрaму в стихах "Две невесты" (М., 1877) — о Н.Б.Долгоруковой, последовавшей за мужем в ссылку, Г. читала в Ясной Поляне Л.Н.Толстому и Н.Н.Страхову. Подарила книгу Ф.М.Достоевскому. Участв. в Пушкинских торжествах 7 июня 1880 г., отдав предпочтение речи Достоевского в противовес тургеневской. Была автором "Областного обозрения" в газ. "Русь".

Русские писатели; Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.; Библ. Достоевского.

ГОЛУБЕВА А., издательница.

Издавала в СПб. музыкальную литературу.

ГОЛУБЕВА Александра Александровна, авт. воспоминаний.

Воспитанница художника Н.А.Ярошенко. "Вечера у Ярошенко". — В кн. Секлюцкий В.В. Николай Александрович Ярошенко. Ставрополь, 1963. С.89-90.

Счастливым остров

Мне так хорошо работалось ночью, и я просидел над Марион до утра.

Когда я остановился, картина была почти закончена, – не считая мелких недоделок, – а воробьи за дверью гостинной орала как ненормальные, торопя встающее где-то за домами солнце или просто выясняя отношения. У меня слегка дрожали измазанные краской руки и здорово сосало в желудке. И неудивительно, ведь с этим приступом творческой горячки я вчера не удосужился поужинать, а для человека с моей комплекцией это недопустимо.

Нужно было отметить такое событие, как почти законченная Марион, и я пошел на кухню. Отметать оказалось нечем. Я озадаченно перерыл содержимое шкафчиков, с отвращением осмотрел остатки припасов, подумал и вышел во двор. Двор казался пустым, я совсем поскуцнел, – конечно, все еще спят, но тут, обойдя турники, увидел за кустиком сирени Лешку. Лешка в желтых шортиках стоял у клумбы крокусов. Бегал, стало быть, по траве, пожалел цветочки и включил автополив.

- Привет, – сказал я, подходя. Он заулыбался.

- Привет. Смотри, утро какое. Сирень распускается.

- Утро что надо, – согласился я. – Слушай, у меня кофе кончился и сахар.

- Ты в такую рань завтракаешь? – удивился Лешка, подставляя под струйку воды измазанную землей босую ногу. Я поежился в своей плотной рубашке. Утро было чудесное, серебристое, с желто-розовыми пестринками крокусов и черными точками стрижей в солнечной голубизне, но очень даже свежее.

- А я еще не ужинал, – объяснил я. – Заработался.

- Всю ночь? – поразился Лешка. – До утра? – Он поставил ногу на траву и стал, изогнувшись, мыть вторую.

- Ладно уж, – сказал я. – Давно ли ты сам с Наташкой до утра гулял?

- Все мы взрослеем, – возразил Лешка солидно. Я чуть глазами не захолопал. Когда пацан, которому еще двадцати пяти не стукнуло, начинает такое изрекать, остается ломать голову, стареешь ты или сразу выпадаешь в детство.

- Так есть у тебя кофе?

- Не, только кефир. Хочешь?

- Спасибо, не люблю кефир.

От растерянности я даже не спросил о чем-нибудь более существенном. Дома включил чайник и выгреб в тарелку обломки сухарей, вид которых заставлял задуматься, не зря ли я отказался от кефира. Есть хотелось ужасно.

- Может, яблок хочешь? – раздалось с порога кухни. Лешка с тарелкой яблок в одной руке, баночкой липового цвета в другой и прижатой локтем ореховой булкой брезгливо поглядывал на стопку немытой посуды у мойки.

Я часто жалею, что не могу поселиться в своем доме, и не всегда соседи за тонкой стенкой или за выходящей на общий двор стеклянной дверью вызывают у меня умиление и восторг. Но... люди – это люди.

- Спасибо, – сказал я растроганно, забирая продукты. Они кивнул и пошел к выходу, но, проходя через гостиную, свернул и с подростковой бесцеремонностью устался на Марион.

Сюжет картины не поражае замысловатостью. Всего лишь девушка, спящая прямо на траве – видно было, что это не поле и не газон, скорее пустырь. «Сон в репейниках» – такое официальное название я приготовил для Марион.

- Слушай, как ты это делаешь? – сказал Лешка. – Исторический костюм?

Секрет был в тени – легкой тени от тонкой, не без изящества сделанной стены-решетки, спрятанной в рисунке юбки, в пестроте стеблей, в тени от ресниц. Ассоциация была грубоватой, зато не сразу бросалась в глаза. Я объяснил это Лешке, ожидая, что он скажет: «Ну, ты трюкач» или, еще того лучше, припомнит, где видел девушку. Но Лешка сказал только:

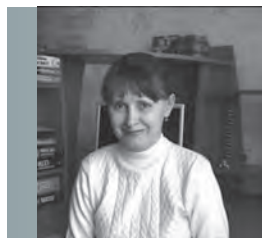
- Она сейчас проснется. Интересно, что ей снится...

Я, конечно же, возгордился. Падок на комплименты.

Лешка еще раз посмотрел на Марион, покивал и снова пошел к двери.

- Я вечером занесу что-нибудь взамен, – сказал я.

- Успеешь, – ответил он в дверях. – Я после обеда на тестирование, сам знаешь, медосмотры затягиваются иногда. Сашка, меня, кажется, берут в пажецкий корпус!

Фурзикова Юлия Геннадьевна родилась 14 ноября 1966 года в г. Екатеринбурге. В 1989 году окончила Уральский государственный университет по специальности «математика».

Сейчас живет в Екатеринбурге. Работает в вычислительном центре университета. Публиковалась в 2008 году: «Полдень, XXI век», «РБЖ Азимут».

- Чего? – удивился я. – Какой еще корпус? Ты же в инженеры готовился!

- Я же не знал, что меня возьмут в пажи, - резонно возразил Лешка, посмотрел еще раз на Марион и ушел.

Нет, я точно старею. Там, конечно, атрибутика, алые плащи, серебряные шпоры, клинки и гербы, но ведь паж, как ни крути, - это просто слуга. Слуга для поручений и работы, которой всегда навалом, как бы ни развивалась техника, и от такого вращения «в высших сферах» сам президентом не станешь. Говорят, за лошадьми ухаживают исключительно слуги, потому что лошади не люди, у них психика тонкая. А чистка конюшен, даже современными аппаратами, удовольствие специфическое.

В животе так заурчало, что я бросил удивляться странностям молодежи и пошел подкрепиться.

В этот день я наметил визит в корпорацию «Вид», куда время от времени сбываю свои шедевры, что и служит мне основным куском хлеба. Проспал я почти до часу и в редакцию приехал уже после обеда. Когда я вошел, Михаил не закричал, как обычно: «Ты еще жив?», только покосился на кубик в моих руках и сказал:

- А, Александр. С тобой главный хотел поговорить, иди прямо к нему.

- О чем? – удивился я. Вот еще новости. – А где Сережка?

- В Туринск поехал. Иди, иди, у него спросишь. Светочка, что там у нас еще?

- Пейзаж последней сцены. И улыбка Риго, - с удовольствием подхватила симпатяжка Светочка. – Только, Михаил Гаврилович, он же отрицательный персонаж, а улыбка когда-то была оскалом...

- Каким оскалом, Света? Месячный ребенок матери улыбается...

Пришлось оставить их и уйти в поисках главного, в кабинет у которого я всего-то один раз и был, когда сюда наведалься впервые.

- Угу, - сказал тот, увидев меня. – Присаживайся. Вот что, я бумажную волокиту сократил, как мог, направление готово. Конечно, от медиков никогда не знаешь, чего ждать, но ты-то тесты без проблем пройдешь, я думаю. Может, даже сегодня успеешь.

- Погоди, Степан Геннадьевич, - сказал я оторопело. – О чем вообще речь-то?

- Берем тебя в штат, - сообщил Степан. – Я думаю, против не будешь? Не все же тебе в куклы играть.

- А почему так вдруг? – спросил я сумрачно.

- Прекращаем выпускать маленькие вирты для проката, переходим целиком на многорольевые, многовариантные. В одиночку тебе такое не вытянуть, да и техника нужна. Рассказать кому, как ты ваяешь, на древнем рекордере, без эмпаатографа... Нет, извини, ты молодец, конечно, но это зрителю на смех.

Вот такое предложение я получил. Безусловно, лестное. Я представил, как еду через освещенный радостным утренним светом город. Или, наоборот, сквозь сырой, пахнущий дождем, еду мимо домиков и стриженных лужаек и через разделяющие районы полосы лесопарков, разгоняя с дорожек отругивающихся белок и сорок. Хотя о чем я, я же перееду в общежитие корпорации для тех,

кто не успел жениться – тут близко, и моими соседями будут ребята, с которыми я давно на короткой ноге. Женатых тоже всех знаю, не только Серегу, знаю даже, как зовут жен и детей. Буду приходиться каждое утро сюда, буду заниматься любимым, увлекательным делом, - выдумывать и записывать вирты. Не целиком, как раньше, определенную часть. По утвержденному кем-то сценарию. От звонка до звонка, по девять часов в день. А картины буду писать по выходным, как и делают, кстати, все нормальные люди.

Совсем близко от меня, за открытым окном, качалось на сосновой ветке покинутое какой-то пичугой гнездо. Я смотрел, как оно качается, и на сосны дальше, и туда, где кончались сосны и начинались поля и теплицы. Я думал, что хотя для городских уборочных бригад я стар, зато начинается лето, а летом набирают сельскохозяйственных рабочих – без всяких тестов, всех желающих, и даже неплохо им платят, и если я проработаю лето, зиму как-нибудь продержусь.

- Ну что? – спросил Степан, когда я снова перевел взгляд на него.

- Давай не так сразу, а, Степ? Я подумаю.

- Думай, – согласился он. – Только быстрее. Чтобы включиться на этапе сценария. Ты знаешь, мне твой стиль всегда нравился, нестандартный стиль. И пейзажи отличные. Вот музыку чужую берешь, и правильно. Так и надо. Только ты побыстрее решай.

Я поднялся, засовывая в карман свой никому не нужный кубик.

- Звони, как надумаешь, - сказал Степан мне вслед.

Конечно, я просто лентяй. Великовозрастный обалдуй и самодур к тому же. Нравится мне, видите ли, тасовать судьбы героев и решать самому, как все должно кончиться. Детский сад. Нормальный мужик пришел бы в восторг от предложения, сегодня же пришел бы пуговицы – знак корпорации. Есть сейчас такая мода – форму не надевают, обходятся фурнитурой, бляшками-пряжками, нашивают на обычную рубашку пуговицы. Смешные такие пуговицы, веселые, из яркой пластмассы, с символикой – у кого поварешка, у кого детская мордочка с соской, у кого клизма... Шшучу, не клизма. У врачей значков много, например, у патронажных – градусник. А у моих ребят из виртуальных развлечений – конус света из старинного монитора.

Я спохватился, что тарашусь на стоянку велосипедов, разыскивая свой - забыл, что приехал, для быстроты, под земкой. Через несколько минут опять пришел в себя, уже пройдя мимо входа в подземку. А как только вышел из подземки, из ближайшей закуской так обольстительно потянуло жареным лучком и свежим болгарским перчиком, что я решил подумать о проблемах потом. Опять-таки, нормальный мужик не стал бы наедаться, чтобы разогнать стресс, зашел бы вон хоть в бассейн. Бассейн был рядом, как раз через дорогу, с открытым уже выходом к озеру – для любителей майской бодрящей воды. Ну а у меня чем тяжелее в желудке, тем легче на душе.

Я решительно толкнул дверь. И уже сделав шаг внутрь, наткнулся взглядом на кучу скейтбордов - очень удобных для передвижения, если ехать недалеко, со скейтом легко

переходить с дорожки на лестницу, а лесенок у нас в городе много. Понятно, это был час, когда молодые мамочки отправляются пообщаться с подругами, по традиции подкинув малышно бабушкам и прабабушкам. Сегодня мамочки отчего-то не пошли на фазербол, а решили перекусить, как и я.

Целая коллекция женских глаз уставилась на меня, и я постеснялся развернуться и уйти, хотя еда на глазах у зрителей – не самое большое удовольствие. Как мог непринужденно я поздоровался, прошел к стойке и выбрал спагетти. Так и есть – все дружно уставились на меня, неодобрительно наблюдая, как я накручиваю макароны на вилку. Я думал, что не смогу есть, но аппетит превозмог, и я в один миг вылизал тарелку. Почему в этой забегаловке такие крошечные порции?

- Еще что-нибудь? – улыбнулся парень на раздаче. – Хотите попробовать дабур? Это бесплатно, потому что новинка.

Дабур больше всего напоминал металлические стружки, политые машинным маслом.

- Спасибо, - отказался я. – Мяса у вас сегодня нет?

- Сегодня только четверг, - сказал он укоризненно. – Зря отказываетесь, дабур почти всем нравится.

Я соблазнился и попробовал бесплатный дабур, накус он был не лучше, чем на вид.

- Александр любит изыски, - ехидно сказала одна из мамочек, наблюдая за мной. Я ее помнил, год назад они с мужем какое-то время жили в общежитии, где я обитал по сей день. – Он нам рассказывал...

Кровь прилила к голове. О чем она там? Надо же мне было болтать обо всякой всячине с ее мужем.

-...как делать соус майонез и готовить фаршированную курицу, - закончила Лариска. Кровь вроде бы отхлынула, я, как дурак, ковырялся в тарелке, давая себе зарок: не есть впредь с кем попало. Вот Лариске не повредило бы иногда съесть что-нибудь пожирнее, колени у нее были костистые, как у орловца, не прикрытые шортами. Лариска аристократично ковыряла ложечкой пшеничную кашу с тыквой, остальные с видимым удовольствием наворачивали пресловутый дабур.

- Лариса, отстань от человека, - вмешалась ее соседка. Лариска, кажется, слегка смутилась и заговорила о другом, но любопытные девчоночьи взгляды давали понять, что я не перестал быть зрелищем. Я не просто лоботряс, я еще и извращенец.

А раз все равно извращенец, съем еще что-нибудь.

- Привет, - сердечно сказал знакомый голос. Улыбнулись серые глаза, в уголке правого – карее пятнышко – таких глаз больше нет ни у кого.

- Маринка, ты разве сегодня работаешь?

- Светку подменяю.

- Ну, как жизнь? – спросил я, не зная, что еще сказать.

- Жизнь идет. Брат вот у меня родился.

- Как, еще один брат? – от удивления я почувствовал себя почти свободно. – Нет, правда? У тебя ведь уже есть один? Сколько ему?

- Тринадцать. Мама счастлива, что опять мальчик. А раньше все хотели девчонок, помнишь?

- Помню, - согласился я. – Как это твоим родителям вздумалось опять завести ребенка? Нельзя же так часто.

- Разве кто-нибудь запрещал? У тебя ведь тоже брат есть?

Младший брат у меня есть, но с родителями у меня не такие замечательные отношения, как у Маринки. Они, эти отношения, довольно прохладные с тех пор, как после окончания школы мне прислали приглашение из кораблестроительного института, а я уперся – хочу в художественную школу. Марине я об этом сообщать не стал. И от новой порции спагетти отказался. При виде Марины я всегда невольно вспоминал, что девушки любят спортивных и стройных. «И политически грамотных», – всегда нехотючи вспоминалось мне. А не таких, которые под водой не могут пробыть больше минуты... вот поставили бассейн напротив кафе. Неужели для того, чтобы выходящие из него сразу наедались?

Я решил заменить макароны овощным салатиком, но озвучить свое желание не успел, - вдруг заболел живот. Нехотючи. Это было не в первый раз, но все-таки противно.

Впрочем, отправляясь домой, я об этом уже позабыл и собрался заскочить в магазин. В нашем квартале есть магазинчик, где я надеялся разжиться чем-нибудь поинтереснее овсянки. Вот только досадно, что теперь нужно экономить деньги. Еще я тогда подумал, что никогда не продам Марион, пусть картины остались моим единственным источником дохода. Даже если мне придется весь год носить единственные брюки и питаться в бесплатных детских кафе или в привокзальном буфете, где подают бурду не лучше дабура.

Поглощенный такими мыслями, я и наткнулся на милиционера. Милиционер не спеша катил на роликах мне навстречу и задержал на мне пристальный взгляд. Я его тоже прекрасно помнил. Дня четыре назад в центре я чуть не врезался в грузовик, милиционер указал мне жезлом на обочину, а когда я послушно подъехал и остановился, очень сурово велел подождать. И как только он отвернулся, я просто сбежал, ну не было у меня времени и сил выслушивать получасовую нотацию. Вчера я снова увидел его у своего родного перекрестка и самым постыдным образом свернул в сторону, плохо притворяясь, что не узнал его. А теперь столкнулся нос к носу. Я покорно остановился, приготовляясь к расплате по всем пунктам, но меня снова резанула боль в животе. Она сместилась вправо и стала сильнее, заставив забыть о моих детских страхах.

- Вам нехорошо? – участливо спросил милиционер, подъезжая. – Идемте туда, на скамейку.

- Не надо, я сам, - сказал я, слабо сопротивляясь, но он не отставал и, усадив меня, велел дожидаться его с машиной. Я бы с удовольствием удрал домой, но мне действительно стало плохо. И к тому же страшно. Я в жизни не слышал, чтобы у человека болел живот.

Милиционер действительно вернулся с машиной – помню, я еще удивился, что это не медицинская перевозка, а милицейский электромобиль старинной серо-синей раскраски. Очень отчетливо помню приемный покой и полосы солнечного света на чистых досках пола.

Дежурившая там тонкобровая медсестра требовательно допытывалась: «Вы ранены? Покажите, где». Проклятая боль как раз стихла – наверно, от позорного страха, стала глухой, как воспоминание, и от стыда, что я попусту встревожил столько людей, я смотрел не в глаза девушки, а на значок с изображением гепарда, который она не нацепила на полагающуюся работнику неотложки шапочку, а приколотла им жабо блузки. И объяснял, что не ранен. Потом мужской голос за дверью изумленно спрашивал: «Боль в животе? У мужчины? Взрослого?», меня заставляли раздеться и укладывали под диагност, брови врача, на этот раз одетого, как положено, в халат, медленно ползли вверх, а челюсть, наоборот – вниз. Новый голос, юношеский, удивлялся за стеной: «Наркоз, как сто лет назад? Да что вы, Артемий Николаевич!». И уже окончательно перетрусив, я плохо запомнил ослепительный блеск операционной, куда меня повезли на каталке.

Когда я проснулся, за окном палаты сиял солнечный день, мой живот был украшен нашлепкой из герметика, и чувствовал я себя слабым и сбитым с толку. Ко мне все время заглядывали медсестрички – кое-кто со шприцем или датчиками, а иные просто так, но все смотрели с любопытством. Доктор появился уже после обеда.

- Ну как, пришли в себя? – спросил он жизнерадостно. – Вы, знаете ли, уникал. Приходилось мне видеть, что пациенты ведут себя, как дети малые, но чтобы так... А ну, признавайтесь, когда последний раз делали прививку искусственного иммунитета?

Ходить по поликлиникам я действительно не любитель. Пришлось признаться, что укол ИИ мне делали еще до окончания школы.

- А в институте? Ну и что, как не окончили? А при приеме на работу? Вы что, нигде не оформлены постоянно? Ну и дела!

Доктор смотрел на меня с неподдельным восторгом.

- Да, пришлось с вами повозиться. Ну надо же – аппендицит! В историю медицины войдете, гарантирую. Но, молодой человек, ведь нельзя же так! До перитонита докатились, а в следующий раз что будет? Энцефалит подцепите или банальную пневмонию?

- Виноват, - покаялся я.

- То-то, виноват. Вот придется вам у нас задержаться на пару дней, это будет вам наказание. Вакцину для вас так просто не составишь, придется в несколько этапов. И заживление понаблюдаем, раз уж вам приспичило сделаться сенсацией.

В больнице было неимоверно скучно, пусто и чисто. И очень удручала медсестра с требованием непременно соблюдать больничный режим, как тяжелобольному. После безвкусного обеда я вернулся в палату и лег, сделал ей уступку, и от тоски заснул. Когда проснулся, был уже светлый вечер, в который так хорошо быть где угодно, только не в больнице. В новом порыве скуки я зашел в комнату для выздоравливающих, и - надо же! - там были двое пациентов.

- Заходите! – приветливо заорал парень немногим старше Сашки, завидев меня. – Здорово, что вы пришли, а то Феликс в фу-кросс не играет. Давайте партию, а?

Феликс, мужчина лет пятидесяти, застенчиво улыбнулся и поправил больничную распашонку.

- Александр, - представился я.

- Арсений, - радостно согласился парень. – Ну давайте, а?

От безделья я согласился. Феликс, устроившись в кресле, следил за мельканием фигурок, как котенок, разве что лапу в сетку не совал. Я проиграл, быстро и позорно.

- Еще раз? – предложил Арсений. Я покачал головой. Феликс смотрел на меня с сочувствием.

- Интересная игра, - сказал он. – Трудно научиться?

- Если вы блистали в школе познаниями в интуитивной логике, раз плюнуть, - сказал я кисло. – Блистали?

- Не блистал, - признался Феликс.

- Ну давайте еще разок, - уговаривал меня Арсений. – Все равно делать нечего. Озверели медики, уже во время сна какие-то показания снимают. У вас тоже профсомотр?

- У меня аппендицит, - заявил я. Арсений поднял брови, видимо, припоминая, что такое аппендицит, но спрашивать не стал, зато спросил Феликса:

- А у вас?

- Карантин.

- Прошу прощения?

- Эмиграционная адаптация, - сказал Феликс не очень охотно. – Я уже три дня тут живу.

И он зачем-то кивнул на окно. За окном, большим, как всегда в больницах, был виден больничный дворик и одноэтажные строения, наверно, морг или еще что-то медицинское и жутковатое. И все, дальше только зелень и покатые розовые крыши до самых стен с арками и куполами за стеной. Над куполами повисла нестерпимо сверкавшая сигарета – солнце было низко.

- Вечерний, - сказал Феликс, проследив мой взгляд. – Что-то сегодня поздно.

- О чем вы? – удивился Арсений.

- Дирижабль, - уточнил я. – Над куполами. - В нашем городе были похожие, вот уж мы голову ломали, что там. Самая расхожая версия была – лорейнская база.

- Купола? – рассеянно переспросил Арсений. – Ну конечно, мы тоже... в школе... а их разве отсюда видно?

Он даже подошел к окну, но ничего больше не сказал, просто отвернулся. Феликс улыбнулся неожиданно застенчиво, и я невольно в ответ.

- Я бы в шахматы сыграл, - сказал он. – Доска есть, а фигурок почему-то нет.

- Может, у медсестры? – сказал я. – Давайте узнаем.

В дежурке медсестры не было. Мигал не выключенный монитор, а на мониторе светилась не чья-нибудь, а моя, Лазарева Александра Борисовича, история болезни. Естественной реакцией было подойти и немедленно все прочитать – с любопытством и опаской, но текст был обычной медицинской белибердой, невразумительной и потому нестрашной.

- Последняя прививка ИИ... так... не проводилось СПС... Ну и что это за СПС? - спросил я сам у себя.

- Стимуляция профспособностей, - объяснил Феликс прямо мне в ухо. Я и не слышал, что он тоже подошел. –

Значит, вы тут на несколько дней как минимум. У меня эти ПС два дня только выявляли.

- Понятно, - сказал я.

- Если вы за последние десять лет ИИ не прививали, придется с нуля начинать. Ассоциативные связи всего лет десять как стали формировать.

- Ассоциативные связи? – удивился я. – Прямо из нейронов которые?

- Ну, может, не прямо, вмешательство в мозг запрещено. Не так прямолинейно, как вы думаете. Не муравьи же, люди.... Да ведь у вас это в школах изучают, кажется? В моем обязательном курсе это есть.

Он посмотрел на меня.... Виновато, что ли.

Откуда мне знать, что там последние десять лет изучают в школе!

Феликс ушел. Никогда не видел, чтобы люди так разговаривали, так что мне даже нехорошо стало.

Я ушел в палату, и чем дольше все это обдумывал, тем неприятнее мне становилось.

Ну, допустим, пик профспособностей у меня все же в области искусства. Не зря же Степа в этом не сомневался. Да можно у него и попросить защиты, рекомендация корпорации – это вам не просто так. И буду я вдохновенно ваять вирты на заданные темы, да еще с такой радостью, что раньше и понятия не имел... если только эта самая СПС проводится так, как я думаю. А если нет – буду с сумасшедшей радостью чесать лошадиные хвосты.

Я встал с кровати, на которой валялся, и переоделся из больничной одежды в свою. Потом вышел из палаты и тихонько прошел мимо комнаты, где Арсений с Феликсом, судя по звукам, резались в шахматы. И сбежал бы, но у лестницы был изловлен медсестрой.

- Куда вы? – удивилась она. – Вам гулять рано. Завтра. И переоделись, зачем? Пойдите в библиотеку или в виртуал. Новости посмотрите.

- Я за пару часов обернусь, - начал я сочинять, готовый уже сдать и пойти смотреть надоевшую тягомотину про растущую напряженность между федерацией и лореянами. – Встреча очень важная, неделю назад договаривался.

- А здесь нельзя встретиться? – удивилась она.

- Нет, простите, но деловая встреча...

- Горе с вами, - заявила она. – Доктору-то отчего не сказали?

- Забыл, - продолжал я изворачиваться. – Сегодня только вспомнил.

- Идите-ка сюда, - она потянула меня в перевязочную, заставила приспустить брюки и помахала над шрамом сканером. – Так и быть, только, когда вернетесь, ко мне загляните, ладно?

Я согласился, слегка ошарашенный. Конечно, ведь человек говорит, что ему очень надо – что же еще? Значит, ему надо, не может же он врать. И кто я после этого?

Я все еще чувствовал себя мерзко, когда у себя на кухне запивал чаем зачерствевший Лешкин хлеб. Раньше у меня тоже случались приступы совести, хотя и не по тому поводу, что я соврал. Или я раньше не врал, незачем было? Во всяком случае, лучшее средство от самокопания – работа. Я доел последнее яблоко, с удовольствием

предвкушая, как уютно запру двери и разложу краски, радуясь, что я дома, а не в больнице. Буду рассматривать Марион и поправлять то там, то здесь, и в душе снова поднимется волна, как когда только еще задумываешь что-то стоящее, и кажется, что всю вселенную ощущаешь каждым нервом, чтобы поймать нужное тебе и собрать на кончике кисти. Нужно много света, чтобы донести до зрителя искорку, и неважно, картины ты пишешь или вирты.

А теперь придумали эмпаатограф, и кому теперь нужны мои снопы света?

Я действительно разложил краски и долго рассматривал Марион, но работать не смог. Все казалось неправильным, и Марион тоже – от неестественной позы до выражения лица, какого не бывает у спящих. Хоть мои картины и покупают некие любители старины, но на меня при этом смотрят как на шута горохового. Никому эта мазня не нужна, даже мне на самом-то деле. А что мне нужно - это просто пойти завтра и поставить прививку ИИ. Вот и все.

Я так и задремал, не выключив света, а проснулся резко, будто не спал. И вот тогда испугался. Совершенно очевидно, что мне не просто так лезли в голову все эти мысли. Первую-то дозу ИИ мне наверняка успели ввести. Так что наблюдение врача было не лишним, зря я сбежал. Интересно, что я почувствую, когда дело будет закончено? Радость обновленного тела, желание немедленно совершать? Или совсем не замечу, как меняется мир, а просто займусь настоящей работой, даже не вспомнив про свои картинки?

У меня всегда было живое воображение, и, поверьте, мне стало очень скверно, когда я представил, как орудут во мне маленькие сволочи. Совсем не обязательно работать непосредственно с мозгом, если человеческий организм – очень тонко и точно сбалансированная химическая среда. Медики на этом собаку съели, это вам не дохленькие гормоны радости начала века.

Очень вовремя Лешка закричал мне через дверь, что меня требуют к телефону. Звонили как раз из больницы.

- Чудесить продолжаете, молодой человек, - узнал я голос лечащего врача. – Как ваш шрам-то хоть, не болит?

- Все в порядке, - ответил я.

- Хорошо, только больше не прыгайте. Сейчас вышлю за вами машину.

- Не надо, - испугался я. – Я прекрасно сам дойду. Доктор, вы все отлично сделали, и прививка уже действует.

- Какая прививка? Я вам ввел антисептический сбор, универсальный. Чтобы вакцину сделать, нужно время... в общем, ждите машину, молодой человек, и перестаньте глупить. Договорились?

Я вышел из административного крыла, злой на себя. В самом деле, интеллигент паршивый, творческая личность а-ля Виктор Банев!

Лешка крутил «солнышко», перелетая с турника на турник; увидев меня, соскочил и подошел.

- Ну что? – спросил я. – Как твой пажецкий корпус? Уезжаешь?

- Переезжаю, тут недалеко, - сказал он. – Приняли, Сашка!

- Поздравляю, - сказал я. – Леш, у меня там картина, помнишь, ты смотрел? Можешь ее к себе взять, если я вдруг... уеду срочно?

- Конечно, - заверил он. - Новую работу нашел? Молодец, растешь!

- Да, наверно, - сказал я сумрачно. – Спасибо.

Я все прибрал, сложил вещи, будто в самом деле собирался уехать. Марион тревожно спала, я аккуратно закрыл ее покрывалом. И вышел.

Хорошо, что Лешка обещал присмотреть за Марион.

Я не прошел через ворота, а пробрался через общежитскую студию, через сцену и кулисы – там никого не было в этот час, а вторая дверь выводила на соседнюю улицу. Не знаю, чувствовал ли я облегчение, что до настоящей прививки дело не дошло, скорей не очень в это поверил. Интересуюсь я хоть чуть-чуть миром вокруг, а не только своими картинками, знал бы, как действует ИИ.

Не зря же девушки любят молодых – каких там еще? – и политически грамотных.

О девушках я подумал не просто так, в конце квартала мелькнуло облачко каштановых волос, которое я не мог не узнать. Голубой комбинезон. Маринка, как по заказу. Опять на работу.

- Привет, - сказал я. Столкнулись мы как раз у дверей кафе.

- Привет. У тебя все в порядке?

- Да вот, - сказал я. – Убегаю.

- От кого? – Маринка заглянула мне в лицо. – Иди сюда.

Она втянула меня в каморку, где хранились тазы и тряпки, чистенькие, разноцветные, аккуратно сложенные. И мне стало не до веселья, потому что за окном, тоже очень чистым, я увидел электромобиль.

- Саш, ты чего? – спросила Марина удивленно.

- Ничего, просто за мной и правда приехали. Вон, посмотри.

- Где? – совсем удивилась она. – Нет, правда, что с тобой?

- Ну вон же машина, зеленая.

Она не видела и явно не притворялась.

- Ну посмотри же, - повторил я. Так скверно мне никогда еще не было. – Ну вон же эмблема с красным крестом и змеей. Ну смотри же. Ты хотела врачом быть. Разве уже не хочешь?

Маринка явно не могла понять, шучу я так странно или со мной что-то другое.

- Ты опять будешь меня уверять, что моя работа неинтересная? В большой команде, конечно, лучше...

- Не буду, - пообещал я тоскливо. – Марин, при чем здесь ваша команда? Ты говорила, тебе сказали на последнем медосмотре, у тебя хорошие данные, чтобы врачом стать? Что тебе, может быть, предложат переqualificироваться через пару лет? Ведь это интересно – что-то новое?

Маринка снова уставилась на меня, потом – за окно.

- Ну, стоит машина, - подтвердила она. – Это за тобой? Ты заболел?

- В общем, да, - сказал я.

- Так в чем дело? Поезжай.

- Я не хочу, - сказал я. – Я не хочу, Маринка!

- Тогда чего ты ждешь? – изумилась она. – Уходи скорей!

Она потащила меня за собой, как послушного слона. Через зал, через кухню, через какую-то пристройку. Я не успел опомниться, как уже стоял на улице один. Не успел ни попрощаться, ни опомниться. Только кивок и – все еще – тепло чужой ладони.

Что значит «не хочу» для человека, для которого совпадают «хочу», «могу» и «должен»? Все желания яркие и исполнимы, все сделанное кому-то нужно. Подумать только, от чего я убегаю. Можно ведь и уборщицей работать с наслаждением...

Что я за урод, в самом деле. Лучше бы подумал, что между нами и вправду могло что-то быть, было бы не так тоскливо. А могло бы быть. ИИ усиливает способность подсознательно оценивать потенциального партнера. Девушки не смотрят так на мужчину, который решительно не подходит им генетически...

Тьфу.

Урод и лечиться не хочу.

Потому что в генетическом здоровье нет ничего плохого, и все, кроме меня, это понимают.

Я не пошел лечиться. Не пошел и туда, куда упорно толкали меня события, а повернул к вокзалу. Я знал, что ехать мне некуда, просто боялся решать. Куда я поеду? К родителям. Ну а потом?

- Почему же вы не дождались машину, Александр Борисович? – произнес голос сзади. – А мы вас ищем.

И, прежде чем я успел еще что-то подумать, мои руки закрутили за спину. Раньше, чем я успел отреагировать.

Открылась дверь машины. Сиденье было вполне удобным, больше меня не держали.

Вот как заламывают руки профессионалы. Умело, почти не больно, и не дернешься. Совсем не так, как в наших виртах.

Такое ценное для автора переживание, а мне уже не пригодится.

И уверенность, что до сих пор мне точно не ввели ничего решающего, иначе дождались бы, пока я приду сам, а не высылали специально выученных людей. Смешная радость.

А ведь эти ребята, должно быть, одурели без работы с тех пор, как прививки стали делать в не критичном возрасте. Да разве привитые родители станут возражать против прививки ребенку?

Дверь снова открылась, и я вышел самостоятельно. Сам поднялся на седьмой этаж. Но когда медсестра сказала мне, как ни в чем не бывало: в моей палате уже убрали, можете пройти туда, или на обед прямо – я повернул в комнату отдыха. Назло кондуктору: куплю билет, пойду пешком.

Представьте, там снова сидел Феликс. Арсения не было.

- Партию? – предложил он. Кажется, я был невежлив. Феликс смотрел на меня задумчиво, накручивая на палец край оранжевой больничной распашонки.

- При всех достоинствах здешней охраны, она немногочисленна, - сказал он наконец. - И обед опять же. Если вы пройдете через лаборатории...

- Что? - удивился я.

- Если вы пройдете через нанолаборатории, скорей всего, выйдете свободно.

- А обед? - спросил я тупо.

- Ну, что обед... хотите, скажу, что вы в туалете?

- Спасибо, - сказал я. - Но вряд ли это поможет... надолго.

Он кивнул. И хотел уйти.

- Феликс! - сказал я ему в спину. Он даже вздрогнул. - Вы-то. Вы зачем тут? Вы же эмигрировали, да? Вам не...

- Ну, я-то что... В конце концов, ИИ и создавали для лечения моей болезни. Прожить месяцы - или двести лет... - Он помолчал и неловко продолжил:

- Кстати, ваш мир довольно приятный на первый взгляд. Мне прадед старинные книжки читал, про Незнайку, так вот... Правда, из больничных стен, наверно, любой мир покажется волшебной страной. Еда в вашей больнице паршивая, но привыкаю... - он замялся и все-таки пошел обедать. Я посидел минутку и тоже поднялся с независимым видом.

Через лабораторию я в самом деле вышел беспрепятственно. И по городу шел свободно. Шел себе и радовался, что у нас в городе так много узких, чисто пешеходных улиц, неожиданных поворотов, ступеней, сбегających под мост или под арку - никакая машина не пройдет. Потом я вышел на открытое место. Здесь даже леса не было, только поля и белая дорога, да еще речка блестела перед длинной сплошной стеной, как замковый ров.

Я не выдержал и побежал по дороге рысцой. Дядечка, всегда садившийся на велосипед лишь по необходимости и увлекавшийся едой гораздо больше, чем спортом. Будто решил наверстать упущенное. Я добежал до монументальной двери под большой аркой и только тогда увидел машину, которая ехала по белой дороге с нахальной неторопливостью. И забарабанил по этой двери с ужасом и обидой на свой ужас, и на себя самого, и на свой бок, который ломило.

- Ваше имя, - произнес холодный женский голос. - И не надо ломать дверь, есть же звонок.

- Лазарев Александр Борисович, - произнес я. Дыхание все еще жгло горло.

- Место рождения.

- Екатеринбург, - сказал я.

- Проживали вне уральского округа?

- Нет. Может быть, вы все-таки меня впустите?

- Согласны пройти карантин?

- Да! - заорал я.

Дверь исчезла. Последнее, что я видел снаружи - блестящая река, мост и остановившийся электромобиль, из которого так никто и не вышел.

Полутемный коридор вывел в комнату, сверкающую медицинской белизной.

- Садитесь сюда, - строго сказала женщина в белом.

Медицинские причиндалы на столике поблескивали еще более неприятно, чем мне обычно казалось. Убежал,

называется. Судьба наконец загнала меня в угол и заявила давешним холодным голосом:

- Рукав поднимите.

Я подчинился молча. Не знаю, почему. Должно быть, устал с ней, с судьбой, спорить.

Мне размотали с руки грубый резиновый жгут и заявили хладнокровно, что я могу подождать вон в той комнате. Недолго, всего полчаса. Там есть и телевизор, - если, конечно, разрушающая сыворотка не подействует раньше, чем я его включу. Вообще-то она довольно быстро действует. И когда нанотела резко разрушаются, последствия обычно бывают фатальными. Нет, не переживайте, больно не будет, вы вообще ничего не почувствуете, тоже не успеете.

- Что значит - не успею? - спросил я, свирепея. - Могли бы предупредить, по-моему!

- Вы же согласились пройти карантин? Тела передаются с кровью и спермой, поэтому...

Я молча развернулся и ушел в указанную комнату. Действительно, сам напросился. Не объяснили про карантин? Так сам спешил. Не нравилось тебе дома - пожалуйста. Мне показалось, руки и ноги у меня холодеют. Что-то ведь мне вводили в больнице, значит, есть что разрушать... Ничего не почувствую, значит? Черт их всех возьми!

Только злость помогла мне пережить очень паршивые десять минут (мне показалось, намного больше). Потом на пороге комнаты возник мой цербер в белом халате.

- Расслабьтесь, - посоветовал цербер заметно оттаявшим голосом. - Вы бы уже скончались. У вас, видно, нейроструктуры не перестраивались. Как это вы сохранились? Я считала, что в вашем округе таких уже нет. Дети еще могут пройти резкую адаптацию, но вы-то не мальчик вроде бы.

Ей действительно было любопытно. Я зловредно хмыкнул в ответ.

Мне снилось, что я заперт на острове. Проснувшись, я вспомнил: то, что я раньше считал островом - на самом деле часть большого мира. Такие карантинные посты создавались в каждом из округов, где был разрешен Эксперимент. А остров - это как раз то, где я жил до сих пор, прекрасный остров, где сбываются все желания и исполняются мечты.

Кусок большого мира мне прекрасным не показался. Запомнилась грязь, мусор в урнах и не только в урнах, двигатели внутреннего сгорания в удивительном для замкнутой территории количестве. Запомнился напиток под названием кофе из столовой, где мы ужинали с моим провожатым. У меня был провожатый, по фамилии Бурков, работник эмигрантской службы, и еще примазавшийся к нему в качестве добровольного помощника парень, которого мне забыли представить. Я имел право на бесплатную комнату - на одни сутки, на питание на энную сумму и по истечении суток - на бесплатный полет на дирижабле в один из пяти городов на выбор.

Мы вместе поужинали в гостиничном кафе. Попробовав кетчуп и изучив этикетку, я удивился, что Феликс ругал больничную еду. Когда я отхлебнул кофе, мой про-

вожатый полюбился на выражение моей физиономии, затем сжалился и принес мне сок, немного похожий на настоящий. Парень откровенно развлекался. Я был зрелищем, которым не мог насладиться сам.

- Это кто, твой новый подчиненный? – спросил парень бесцеремонно.

- Клиент, - строго сказал Бурков. - Иммигрант.

- Я и не знал, что грядет иммигрант.

- Я тоже, - еще суше сказал Бурков.

- Тогда как? – обрадовался парень. – Бежал? И что? Стреляли?

- Прекрати.

- Не стреляли? Гуманисты, - оценил парень. – Тогда чего бежал?

- Да так, - сказал я. – С жиру бесился.

Они дружно усталились на мой животик. Бурков мог бы и не смотреть, у самого жиру нисколько не меньше.

Бурков отвел взгляд и уведомил меня, что в течение суток я свободно могу вернуться. Потом – только на общих основаниях, как гражданин Западной России, но получить разрешение на выезд в Уральский округ я вряд ли смогу, в ближайшие несколько лет – точно. Желających много.

- А желающих выехать много? – спросил я.

- Вы первый за последние пятнадцать лет, - уточнил Бурков.

- А правда, у вас телевидения нет? - опять влез парень в натянутую паузу.

- Уймись!

- А правда, от вас даже потом не пахнет?

- Можешь сам понюхать, - разрешил я. Парень хмыкнул в коктейль под названием «кола».

Мы долго еще сидели. Мои собеседники перешли на пиво; я тоже попробовал, не ощутив важности приобщения к моменту. Разговор стал свободнее. Говорили о способах влиять на толпу, о технических приспособлениях для промывания мозгов. О природе человека, которая делает нас восприимчивыми к любой идеологии. Кажется, Бурков все еще распространялся о тонкостях нейролингвистического программирования, когда я, измученный избытком впечатлений, удалился в свой номер.

Итак, я проснулся и восстановил момент. Момент был так себе, наполненный нежеланием думать о том, что будет дальше, с оттенком нерешительности (сутки еще не истекли) и удивления перед собственной прытью. Комната, в которой было слишком много мебели, слишком много электроприборов, слишком много незнакомых запахов, напомнила о том, что за все это великолепие скоро придется платить мне самому. Там, куда меня отвезут, не будет бесплатных общежитий и привокзальных кафе, и работать в виртбизнесе мне уже вряд ли придется. Это мне тоже вчера доходчиво объяснили.

«Вы так дрались за свободу, и вот она ваша. Ешьте ее, о волки!»

Чаще всего выбор, который мы делаем, - лишь видимость. И эта видимость для нас слишком много значит. Я крепко держал в зубах свою свободу и никому не собирался ее отдавать.

В моей комнате был персональный терминал информсети. Я искал новости минут десять, когда нашел, даже загордился – подумаешь, не такой уж этот мир и чужой. И сразу забыл о своем достижении, прочитав несколько строчек.

Лория в одностороннем порядке разрывала договор с Федерацией Солнечной системы. Чрезвычайное положение... заявление президента... так, вот, почти в конце: начинается формирование подразделений из населения Уральского округа, Сучжоу и острова Мадагаскар.

В общем, не так уж и потрясающе. Любой политически грамотный бы даже не удивился.

И теперь неважно, стремился я к свободе, когда удирал, или просто боялся того, что со мной сделают.

Я уже шел к зданию эмигрантской службы, от гостиницы через площадь – совсем рядом, тут все было рядом. Все было тихо и спокойно в коридорах, и Буркова я быстро разыскал – тот занимался какой-то бумажной волокитой. Я сказал:

- Я использую свое право вернуться в течение суток.

Он внимательно посмотрел на меня. И ответил непонятным голосом:

- У вас больше нет такого права.

Как это нет? На часы я смотрел. И чего ради так на меня смотреть? Можно отсидеться в Западной России и не войти в первый заслон, - вряд ли долго, но можно. Можно вернуться и пробыть оставшееся время с людьми, с которыми работал, учился в школе, которые тебя вырастили и выпестовали... безусловно, отца мобилизуют. Маму вряд ли, Колька еще маленький... Неважно, какая программа гонит людей выступить за наш голубой шарик, за дом детства и мандарины под елкой, за соседку по парте. Если эта программа ускользнула - таки от внимания санитарного кордона, эту ошибку еще можно исправить. Ну, а мои страхи и нежелания... это теперь, вероятно, ненадолго.

- Ты новости не смотрел, - сказал утвердительно Бурков.

- Как раз смотрел.

- Значит, не видел. Объявлена общая мобилизация. Всех, находящихся на территории представительства, отзывают в Пермь. А дальше уж по базам... Хотя тебя-то, наверно, пошлют к уральцам. У вас же, я слышал, эксперименты проводились по адаптации и рефлексам, нельзя же тебя на пушечное мясо...

Все верно. Их нельзя, всех людей, с которыми я жил. Это великолепные воины с идеальной обучаемостью, с нечеловеческой реакцией. И идеальные камикадзе. Идеальные разведчики-ниндзя, умеющие приспособиться к чужой среде. Ну, может, не к любой, а к лорейанской уж точно.

- Не участвовал я в программах адаптации, - сказал я Буркову. – И в фазрбол не играл. И дабур не жрал. Так что все в порядке. Ладно, что я должен делать?

- Ничего, все как раньше. Дилижанс в пятнадцать ноль ноль.

Бурков невозмутимо кивнул мне, не переставая выгребать из стола бумажки.

Все-таки хорошо, когда не нужно выбирать.

Евгений БИРЮКОВ,
фото из архива автора

Столичный гость Саввы Морозова

Недавно купил у одного коллекционера пачку старых фотографий. Купил оптом, фактически из-за одной – с портретом А.П. Чехова. На обороте фотографии надпись: «Снято в 1902 году в Всеволодовилье К.И. Медведевым».

Общеизвестно путешествие А.П. Чехова на остров Сахалин. По пути писатель останавливался в Екатеринбурге. На бывшей Американской гостинице (ныне Художественное училище) висит мемориальная доска: «Здесь в 1890 году...». Есть и личные впечатления писателя (в письмах) о Екатеринбурге и его типах.

Менее известно посещение Чеховым Урала в 1902 году. Сведения о нем нашлись в воспоминаниях А.Н. Тихонова (1880–1956), тогда студента Горного института. В порядке практики он занимался во Всеволодовильенском заводе (близ Усолья Пермской губ.) поисками каменного угля.

1902 год, конец июня. Больного Чехова (кашляет кровью) привез из Москвы в свое имение в Всеволодовилье известный фабрикант и меценат Савва Морозов (содержал Московский художественный театр –

МХТ – где ставились пьесы Чехова). Свежий воздух, река, березовая роща вроде бы подняли писателю настроение. Но экскурсия на морозовский спиртовый завод снова повергла в уныние. Мало того, рабочий люд, прослышав про «писателя», принял его всего лишь за помощника хозяина... по письменной части.

Савва в порядке сатисфакции новую строящуюся школу в своем имении решил назвать именем Чехова. Писателю вручили почетный адрес, сфотографировали. К.И. Медведев – это Константин Иванович, «дядя Костя», управляющий имением и на все руки мастер.

Но болезнь Чехова обострилась, и Морозов срочно увез своего гостя в Москву. В 1904 году Антон Павлович скончался.

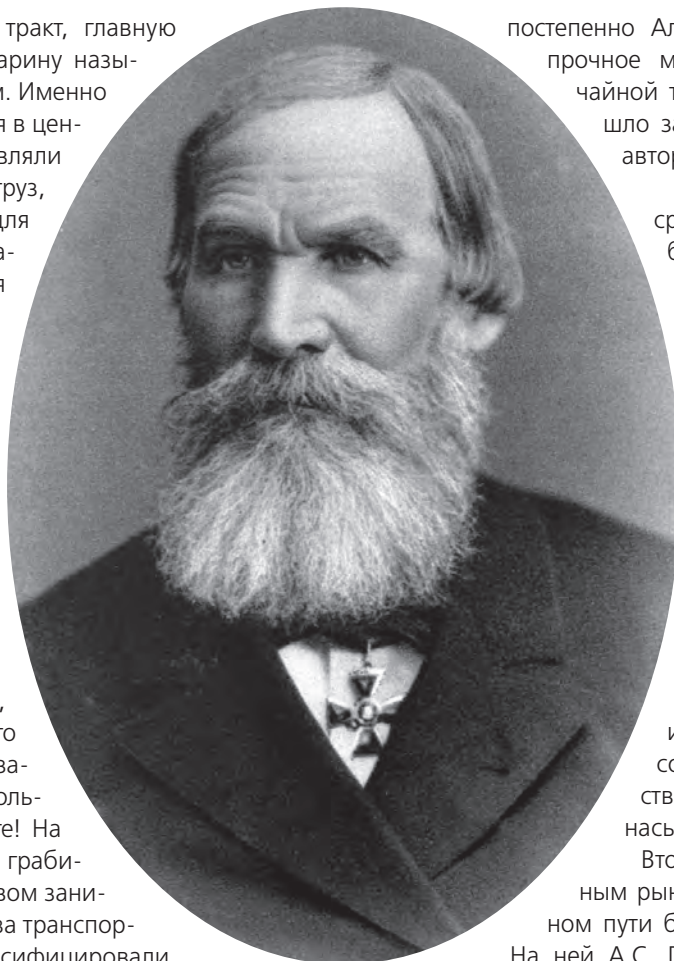
Автору воспоминаний А.Н. Тихонову поручили тогда обслуживать столичную знаменитость. Они беседовали. Антон Павлович не советовал молодому собеседнику заниматься писательством. И тот стал... книгоиздателем и организатором литературного дела в Перми. И отдал должное А.П. Чехову.

Город на чайном пути

Великий Сибирский тракт, главную российскую дорогу, в старину называли ещё и чайным путём. Именно этим маршрутом из Китая в центральную Россию доставляли чай - дорогостоящий груз, постепенно ставший для всех национальным напитком. Эта экзотическая культура была не только предметом выгодной торговли, но и крупным источником дохода для государственной казны. В начале XX века ввоз чая в Россию давал 25 процентов всех таможенных сборов.

Первоначально путь чая от места произрастания до знаменитой Нижегородской ярмарки, где реализовывались его самые крупные партии, занимал более года. Чего только не случалось в дороге! На чайные обозы нападали грабители, случалось, воровством занимались и те, кто отвечал за транспортировку груза. Чай фальсифицировали. Но, несмотря на все препятствия, он всё-таки превратился в любимый напиток миллионов россиян.

Среди городов, расположенных на Сибирском тракте, выдающаяся роль в деле чаеоторговли принадлежала Кунгуру. Ещё в конце XVIII столетия на кунгурском рынке среди товаров, доставленных с Ирбитской ярмарки, продавали чай. Точкой отсчёта чайной летописи Кунгура считается 1840 год, когда купец Алексей Семёнович Губкин основал свою фирму, впоследствии ставшую крупнейшей в России среди себе подобных. Всё началось с поездок в забайкальский город Кяхту, где привезённые из Кунгура кожи и мануфактуру можно было выгодно обменять у китайских торговцев на фактуры чая. Первоначально кунгуряки над купцом только посмеивались, недоумевая, зачем нужно ехать за какими-то «китайскими венниками» аж в Кяхту. Но

постепенно Алексей Семёнович занял прочное место в непростом деле чайной торговли, и к купцу пришло заслуженное признание и авторитет.

Покупая чай через посредников в Кяхте, нельзя было быть уверенным в его качестве. Понимая это, Губкин в 1869 году направил своих доверенных лиц на самые известные чайные рынки Китая. И с того времени качество товара, предлагаемого фирмой кунгурского купца, было вне всякой конкуренции. Его «фамильный» чай, который приобретался на лучших чайных плантациях, неизменно отличался высокими вкусовыми качествами, тонким ароматом и насыщенным цветом.

Вторым после Кяхты крупным рынком на российском чайном пути была Ирбитская ярмарка. На ней А.С. Губкин считался главным торговцем чаями. Называли его здесь ещё и «главным гуртовщиком». Доскональное знание транспортного дела позволяло купцу точно в назначенный срок, без малейших задержек, привозить свой ароматный товар к началу торгов. В 1870-е годы половина всего чая, доставляемого на Ирбитскую ярмарку, принадлежала Губкину. Н.М. Чукмалдин, чае-торговец, путешественник и журналист, писал в 1875 году: «... Громадная партия чая у известного торговца г. Губкина, достигшая цифры 15000 ящиков, затеняет собою все другие партии, а характер самой продажи чая, одинаковыми для всех покупателей ценами, даёт этой фирме перевес пред другими фирмами и торговцами».

На крупнейшей российской ярмарке в Нижнем Новгороде Алексей Губкин прославился как новатор в чайном деле. Он ввёл в оптовую продажу мелкие

Елизаветинская рукодельная школа.

партии чая, установил его сортамент, единицы товара и цены. Авторитет кунгурского купца первой гильдии был непререкаем. Несмотря на возмущения чаоторговцев, он первым по желанию покупателей стал развешивать свой ароматный товар в лубых, даже самых малых количествах. На Нижегородской ярмарке Губкину удалось ликвидировать и спекуляцию более дешёвым «кантонным» чаем, доставляемым морским путём через Одессу.

В историю Российской империи Губкин вошёл не только как единоличный владелец крупнейшего торгового дела, но и как щедрый благотворитель и меценат. Он жертвовал на храмы и учебные заведения, в тяжёлые для России годы помогал голодающим и ополченцам. Благодаря купцу в Кунгуре появилось два новых учебных заведения: техническое училище и рукодельная школа. Их здания строились по проектам талантливого петербургского архитектора Р.Р. Генрихсена. Оба учебных заведения были приняты под покровительство царских особ. За учреждение Кунгурского технического училища император Александр II в 1872 году наградил А.С. Губкина орденом св. князя Владимира III степени. Спустя год, купцу высочайше было пожаловано звание Почётного гражданина города Кунгура.

Незадолго до смерти Алексей Семёнович перевёл главную контору своей фирмы из Кунгура в Москву, где на Рождественском бульваре за миллион рублей приобрёл просторный дворянский особняк. Вместе с

дедом в древнюю столицу России переехал его единственный внук и главный наследник Александр Григорьевич Кузнецов. Недолго кунгурскому чаоторговцу довелось быть московским купцом первой гильдии. 27 ноября 1883 года действительный статский советник и кавалер А.С. Губкин скончался. Его тело, согласно завещанию покойного, было перевезено в Кунгур и захоронено на старом Иоанно-Предтеченском кладбище. Спустя десять лет А.Г. Кузнецов затеял возведение над могилой деда храма-памятника, известного сейчас как Никольская церковь.

Как и сто с лишним лет назад, украшением современного Кунгура служат здания, связанные с именем Алексея Семёновича Губкина. Памятниками архитектуры являются особняк и хозяйственные постройки усадьбы именитого чаоторговца, корпуса Губкинского технического училища и Елизаветинской рукодельной школы, где по-прежнему располагаются учебные заведения. В память о знаменитом земляке в 2007 году в сквере возле краеведческого музея на гранитном пьедестале была установлена статуя А.С. Губкина. О главном торговце чаями рассказывает и экспозиция Музея истории купечества.

Топтыгин с Косьвы

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Минуло три года.

Весны каплями сосулек и пением скворцов сменяли зимы, а осенние ненастья отмывали яркие краски лета. Только дремучие хмурые косьвинские леса оставались прежними, извечными, несмотря на то, что всякое лето опаливали их лесные пожары...

У Макара Свечкина к счету лет прибавились еще три года. Он заметно состарился. Состарился и одноглазый Пономарь, а медвежонок Пекарь стал взрослым уральский медведем, но он все так же любил лакомиться медом и по-прежнему боялся петуха, хотя у Макара уже давно был новый петух, робкий и миролюбивый.

За эти годы молва о Топтыгине с Косьвы широко распространилась по Каме, рассказывали о нем и в Перми, и в Чердыни.

Макар обучил медведя многому дельному.

Медведь буквально ходил за хозяином по пятам. Особенно он любил бродить с Макаром по лесу, и прошлой осенью спас старика от зубов раненой рыси, когда та прыгнула на него с лесины. Старик поплатился бы жизнью, если бы Пекарь вовремя ударом лапы не зашиб хищника. Макар проболел почти два месяца, и вот тогда особенно проявилась привязанность к нему медведя.

Во время болезни Макара ежедневно навещал возмужавший Мишутка Думкин. Медведь внимательно следил, как мальчик делал хозяину перевязку, и часто, как будто понимая, что мальчик делает доброе дело, лизал ему руки.

Мальчик побаивался зверя, хотя тот на его глазах из медвежонок стал могучим медведем, хозяином косьвинских лесов.

Жители Останкиной привыкли к частым посещениям Пекаря, и даже собаки перестали обращать на него внимание. Но ребятишкам появление медведя в деревне доставляло большое удовольствие.

Походка у Пекаря была неторопливая, грузная, и он, как подобает медведю, сильно косолапил. Вид у него был свирепый, но в глазах светилась покорность, которая появляется в глазах животных от постоянного общения с человеком.

2

Лето в тот год выдалось засушливое.

К страдной поре под знойными лучами солнца высохли все болота. Косьва обмелела. На лугах горела трава, а хлеба и овсы созревали чахлыми и пустозерными.

То тут, то там начинались лесные пожары...

Как-то в начале июля Макар проснулся на рассвете и почувствовал в избе запах гари. Торопливо встав, он вышел на крыльцо и долго, не отрываясь, смотрел на небо. Небо было голубое и нежное по окраске. Ветер доносил запах гари со стороны ближнего села...

К полудню запах гари усилился, а к вечеру на горизонте поднялась стена густого дыма. Ночь старик спал тревожно и часто выходил смотреть на небо с отсветами зарева, то яркого, то притухающего.

(Окончание. Начало в №7)

На следующее утро ветер усилился, и это встревожило Макара уже не на шутку. Ветер дул с севера, и старик знал, что пожар мог взять направление в его сторону.

Тревога хозяина передавалась Пономарю и Пекарю, и они, внюхиваясь в воздух, смотрели на небо. Вечером старика навещил Мишутка Думкин, и Макар попросил его съездить на лодке в Усть-Косьву, чтобы оттуда подать весть о приближающемся лесном пожаре. Макар хорошо понимал, что пожар велик и остановить его нет никакой возможности. Горели вековые, наполовину сухостойные леса, а главное, пугало то, что даже река из-за мелководья не сможет задержать шествие стихийного огня.

После отъезда Мишутки в Усть-Косьву появились первые вестники страшной лесной беды: множество сов и филинов, растерянно, с тревожными криками перелетавших с места на место.

В темноте небо в клубах серого дыма стало зловещим. Пожар за день приблизился к Косьве, а потому вторую ночь Макар не смыкал глаз. Множество птиц летало в звездной темноте во всех направлениях, а весь противоположный берег был заполнен зайцами, которые металась от страха из стороны в сторону...

Луна в ту ночь взошла поздно, и от этого картина недавнего пожара стала еще более величественной и устрашающей. На рассвете пелена дыма начала заволакивать просеку. Реку во многих местах переплывали встревоженные косули и сохатые.

Пепел и сажа густо сыпались на поляну и просеку.

В полдень старик вынес из избы две котомки с самыми ценными для него пожитками. Положив котомки в лодку, он прикрыл их мокрой рогожей, твердо решив покинуть избу вместе с животными только в самую последнюю минуту.

К заходу солнца пожар приблизился к Косьве на расстоянии двух-трех верст. С берега Макар наблюдал, как белки большими стайками переплывали реку, при этом многие из них тонули. Старик несколько раз пересекал реку на лодке, и сотни обезумевших от страха зверьков, забывая о присутствии человека, наполняли лодку, и он торопливо перевозил их на свою сторону.

Лисы и волки, переплывая реку, скрывались в прибрежном лесу. Где-то совсем близко ревели медведи...

В сумерки дым укрыл поляну. Но Макар неожиданно раздумал покидать свое жилье и перенес котомки обратно в избу.

Он вдруг подумал, что окажется трусом, если покинет доверенную ему под охрану лесную дачу в страшной беде. Позже он стал ведрами носить с реки воду и поливать стены и крышу избы. Делал он это больше для того, чтобы забыть от невеселых дум, хорошо понимая, что спасти избу от огня все равно не удастся.

Обливая избу водой, Макар прислушивался к гулу пожара и к треску падающих лесных великанов. В темноте, просвечивая сквозь чащу, на противоположном берегу появились первые блики огня. От едкого смолистого дыма трудно было дышать, глаза слезились. Пепел с искрами засыпал воду Косьвы и плыл по ней черными островками.

В один момент Макару показалось, что ветер начал стихать. Обрадовавшись, старик стал еще внимательнее всматриваться в огонь, сел на камень, достал из кармана кисет и, набив трубку махоркой, раскуривая ее, вспомнил, что сегодня весь день не ел и не курил.

Вдруг Макар похолодел от испуга, когда увидел, что в одном месте огонь пробил, наконец, себе путь к самой кромке лесистого берега. Яркими факелами загорелись дряхлые лиственницы, засыпая реку искрами. Со свистом и треском обламывались перегоравшие ветки, падали в воду и угасали с шипением. Становилось нестерпимо жарко, и старику пришлось уйти с берега к избе. Сидя на завалинке, он, не сводя глаз, смотрел в сторону реки усталым, безразличным взглядом. Пономарь, поджав хвост, терся об его ноги, скуля и взвизгивая. Пекарь бродил около избы, по временам угрожающе рычал, судорожно содрогаясь всем телом. Макар знал, что медведи больше всего боятся огня, и все же, несмотря на это, Пекарь ни разу не сделал попытки скрыться в лесу. Такая привязанность зверя трогала старика до слез.

Расстегнув ворот рубахи, Макар сидел на завалинке и смотрел на листья березок, убеждаясь, что ветер стихает. Медведь и собака, прижавшись друг к другу, лежали на земле и, страдая от жара, дышали, высунув языки.

Когда на небе сквозь густые облака клубистого дыма вновь обозначился тусклый шар луны, Макар, несмотря на жар и удушающий дым, пошел на берег и увидел, что здесь все еще не было огня, хотя на него сыпались искры и мелкие головешки.

Вода Косьвы, отражая пожар, была похожа на расплавленный чугунок.

И старик даже вздрогнул, когда неожиданно для себя увидел всего в нескольких саженьях стоявшего по колено в воде сохатого. Матерый рогатый самец, богатырь животного мира Северного Урала, пил, причмокивая губами.

Напившись, он не вышел из воды, а, окунув раза два голову, наблюдал за огнем на берегу с полным равнодушием.

Смотря на сохатого, Макар облегченно вздохнул, понял, что пожар теперь не пройдет реку и не тронет его жилья.

Макар долго наблюдал за лесом, а потом устало направился к избе, вошел в нее и, кинув на пол овчинный тулуп, лег и сразу крепко заснул...

* * *

На следующее утро старик проснулся поздно.

В избе сильно пахло смолистым едким дымом, но за окнами шумел частый дождь.

Макар пошел на реку за водой и, стоя под дождем, грустно смотрел на другой берег, до неизвестности изуродованный пожаром. Догоравшие лесины, шипя, дымились. Кое-где пламя еще продолжало лизать деревья, но это было уже слабое, бессильное пламя затухающего пожара.

По Косьве стелился сизый дым. Сильно пахло мокрой золой.

На сучьях и ветках обгоревших, но устоявших лесин сидели, нахохлившись от дождя, рябчики.

Покачивая сокрушенно головой, старик зачерпнул ведром воды и подумал, что хотя страшный пожар снова выжжет широкую многоверстную дорогу, но на этой черной дороге все равно не умерла жизнь леса и уже будущей весной на месте пожарища появятся побеги молодых елочек, а через десяток лет новые леса укроют собой место прогулки сокрушительной огненной стихии...

3

После пожара Макар почувствовал, что старость, давняя караулила его, чтобы взять власть над его все еще непокорным сердцем.

Когда на жниве зазвучали трудовые песни, он как-то сразу сдал: горбился, исхудал, а на лицо легла печаль, хмурая озабоченность. Опять стала одолевать мучительная бессонница с тяжелыми думами. Ему стало тягостно одиночество, и от этого болело сердце, будто ему стало вдруг тяжело перегонять кровь по дряхлеющему телу.

Старик не поддавался и крепился, а от сердечной болезни пил настойки из разных лесных трав. Вначале настойки как будто помогали, на время укрепился сон, но мысль, что жизни наступает конец и смерть подошла к нему вплотную, не покидала Макара...

От Мишутки Думкина, опечаленного недомоганием дедушки, о состоянии здоровья Макара узнали его приятели-охотники. По их просьбе под предлогом охоты на рябчиков в начале августа приехал к Макару из Чермоза заводской доктор.

Приезду доктора Макар обрадовался. Старик ему нравился за все: за добродушие и веселость характера, за умение с шутками и прибаутками занятно порассказать о своих охотничьих приключениях.

Доктор с первого взгляда убедился, что Макар действительно плох, и обрадовался, когда тот сам попросил послушать сердце. Внимательно выслушав больного, доктор понял, что сердце старика устало, устало настолько, что готово остановиться в любую минуту. Доктор шутиво побранил Макара за махорочку, а потом приказал принимать привезенные с собой капли.

Во время пребывания доктора Макар отвлекся от привычных дум. Они вместе ходили на охоту, а она выдалась с обильным пером и пухом. Уезжая, доктор надеялся, что может быть, лесная природа сама сотворит чудо: поддержит здоровье и продлит жизнь старика.

Увозил в Усть-Косьву доктора Мишутка в лодке, нагруженной разной дичью и корзинами с грибами и медом, а также мешками кедровых шишек.

Прощаясь с гостем, Макар обещал ему обязательно после ледостава прийти в Чермоз. Приглашал всех друзей на перелет уток.

Мишутка отвез доктора и вернулся расстроенным. Доктор не скрыл от него тяжелое положение старика, сказал, что он может умереть совершенно неожиданно.

Мишутка, узнав правду, решил не оставлять старика в одиночестве. Он съездил в деревню, всё рассказал сельчанам и по их совету вернулся к Макару под предлогом помощи по хозяйству.

Мишутка внимательно наблюдал, как старик старательно готовился к встрече новой зимы, и замечал, что он стал необычайно ласков с медведем и собакой.

В один из вечеров, напившись чаю, Мишутка по просьбе старика до позднего часа играл на гармонии.

Макар стал вспоминать о своей молодости, о тех годах, когда поселился на берегах Косьвы.

Спать легли после полуночи, но старик, лежа на лавке, продолжал свои рассказы. Он, как по страницам красочно написанной книги, прочитывал мальчику свою жизнь охотника, различавшего под конец жизни на слух в лесном шуме любую тревогу в природе сурового севера Урала.

Первым уснул Мишутка, потом заснул и Макар. Но спал он недолго - проснулся как будто от толчка в грудь.

Брезжил рассвет хмурого утра ранней осени.

Старик отер ладонью выступивший на лбу холодный пот. Долго лежал, прислушиваясь к учащенному стуку сердца. Потом, стараясь не разбудить Мишутку, встал, оделся и, взяв с собой Пономаря и Пекаря, уплыл в лодке в Останкину.

Мишутка проснулся поздно. Не увидя в избе животных и Макара, он не удивился, решив, что старик ушел на охоту. Но скоро мальчик обратил внимание, что ружье висело на обычном месте, и подумал, что дедушка ушел собирать бруснику, потому что еще вчера тот обещал угостить его рябчиками с брусничкой, тушенной в меду.

Разыскивая старика, мальчик сходил на все известные ему поблизости брусничные места и совсем обеспокоенным вернулся в избу.

Решив чем-нибудь заняться, он пошел на реку за водой и, не найдя у берега своей лодки, понял, что старик на ней, как на более легкой, поплыл в Останкину или в Усть-Косьву.

Макар вернулся домой, когда начало темнеть. Увидев встревоженного мальчика, сказал:

- Прости, родной, что уехал, тебе не сказавшись. Уж больно ты крепко спал, а будить тебя было жалко. Я чуть свет в Останкину подался.

- Чаю, наверно, хочешь, дедушка?

- Обязательно, поставь самовар. Поди, голодал без меня?

- Ничего не голодал. Картошку пек и чай с медом пил.

- Вот хорошо. Завтра рябками тебя угощу. Многолько их сейчас с лодки углядел на новом месте возле Заячьей заводи. Брусники видно там много. Только вместе пойдем, я едва доехал домой: так приустал на веслах. Хорошо, что догадался в твоей лодке плыть, потому легкая она на ходу. Вот она, старость-то, Мишутка, какая.

- Напрасно меня не разбудил, ведь не по секретному делу ездил?

- От тебя у меня секретов нет. Просто с дружками на деревне повидаться захотел.

Мишутка, поставив трубу на самовар, сказал:

- Дождик, видно, пойдет, - дым понизу стелется.

- Обязательно задождит, недаром я приустал на веслах. Это для меня верная примета. Но только завтра утром, дождик не дождик, за рябками все одно пойдем...

Поздним вечером в окна колотил косой, по-осеннему спорый дождь. Дверь в сени открыта, и слышно, как в лужах булькала вода, сбегавшая с крыши.

У порога лежал медведь, а собака устроилась у печки, свернувшись к ненастью калачом.

На столе горела керосиновая лампа и освещала Макара и Мишутку. Мальчика клонило ко сну, и, чтобы прогнать дремоту, он тихонько играл на гармонии. Макар же, как только напился чаю, достал из сундука «родовую книгу» и перечитывал ее страницы. Мишутка играл старинную песню.

Сняв очки, Макар пристально посмотрел на мальчика и тихо сказал:

- Вырос ты, паренек, за эти годы. Скоро дельным мужиком станешь.

Макар встал, прошелся по избе и сказал, продолжая прерванную мысль:

- А я прощаться ездил сегодня с народом в деревню.

Мишутка вздрогнул, и гармонь в его руках, растянув фальшивую ноту, смолкла.

- Да ты не пугайся. Жизнь моя лесная, мало ли что может в ней приключиться. Немало пожил и немало всякого перевидал. Жить я норовил правильно, а всё равно не совсем правильно жил... Жизнь, Мишутка, по-разному у всякого человека тропку петлит.

Мишутка снял гармонь и поставил её на лавку. Макар подошел, сел рядом с мальчиком и погладил его по голове.

- Первым дружкой ты для меня последние годы значился. Понял я твою душу простую и бесхитростную. Тепла в ней много. Как луч солнечный, она меня согревала. Как сын ты мне был. Вот оно как. Решил я сейчас тебе волю свою последнюю зачитать.

Наклонив голову, Мишутка молчал, Макар одел очки и стал читать тихим голосом:

«...В семьдесят восьмую осень своей земной жизни, находясь в светлом уме и памяти, написал собственноручно эту запись - волю свою в книге, начатой первой строкой дедом моим Прокопом...».

Помолчав, Макар продолжал читать:

«...Нажитое мною честным трудом добро завещаю после моей смерти правильному человеку и дружку Михаилу

Степановичу Думкину, родом из деревни Останкиной, что на Косье. Наказываю ему, памятуя его честность...»

Макар, взглянув поверх очков на Мишутку, увидел на его глазах слезы, быстро снял очки и закашлялся от охватившего волнения.

- Тяжело тебе написанное слушать?

Мишутка кивнул головой.

- Понимаю.

Старик закрыл книгу и положил ее на лавку.

- Сам прочтешь, когда время придет. Только помни: все, что будет написано, выполни неукоснительно до единой буквы.

Разволновавшись, Макар встал и, покашливая, начал ходить по избе.

- Пономаря, друга верного, держи у себя до самой его кончины. Пекаря оставь в лесу на воле. Пусть в леса уйдет без меня к положенной звериной жизни. Но в случае если придет он к твоему двору, то не гони его. Возьми и его к себе и вместе со всей деревней заботься о нем. Я виноват в том, что от правильной жизни зверя оторвал. По моему желанию он приобик к жизни возле человека. Дорог он мне. Ох, как дорог.

Макар остановился около Мишутки и ласково смотрел на него. Почувствовав его взгляд, мальчик поднял на старика заплаканные глаза.

- Радостно мне, что не совсем плохой был я человек, ежели зверь лесной не погнушался со мной дружбу водить...

4

Время шло.

Осень снова развесила на берегах Косьвы цветистые ситцы.

Заводи, болота наполнились косяками гусей, начавших перелет. Хмурая северная осень с холодными ветрами, с седыми инеями утренников прогоняла птиц в теплые края.

В это время неожиданно у Макара вновь появилась утраченная бодрость и энергия. Он повеселел и уверил себя, что ему удалось перебороть сердечную болезнь.

Старик начал обычную осеннюю работу по хозяйству.

Вместе с Мишуткой он нарубил дров. Потом они сняли с сосен ульи и вырезали из них соты, а колоды поставили на зиму в омшаник. Ожидая приезда охотников с завода, Макар наказал Мишутке обмести в избе навитую за лето паутину. Старик, как бы забыв о своей болезни и обо всем, что мучило его летом, деловито готовился к встрече зимы. Обрадованный Мишутка собирался уже перебраться домой в Останкину, но, помня слова доктора, откладывал свой отъезд со дня на день.

Ветреным субботним вечером Мишутка все же решил навестить мать. Макар, провожая его, сказал, что завтра сам приедет в деревню.

Оставшись один, Макар стал носить с реки воду. Ветер гнал по небу облака, и, как бы перегоняя их, пролетали треугольные стаи гусей с тоскливыми криками. Придя за

последним ведром, Макар, зачерпнув воды, присел на камень и раскурил трубку.

Порывы напористого ветра, шелестя осокой и завывая в голом кустарнике, трепали бороду, то прижимая ее к груди, то раскидывая по плечам.

Макар смотрел за реку на пожарище и видел, как на обгоревшей лиственнице, склонившейся над рекой, сидели на сучках два филина и, пощелкивая клювами, тревожно гукали. Макаром овладело какое-то щемящее, тревожное чувство, и как бы желая поскорей отделаться от этого чувства, он торопливо выколотил о камень трубку и, взяв ведро, вернулся в избу.

Быстро темнело. Серая осенняя мгла проникала в окна и ступеньки в избе ясность ее очертанили.

Чтобы утром не проспать, Макар улегся рано, постелив постель на лавке у окон.

Медведь лежал у стола, а собака свернулась возле лавки, у ног хозяина.

Заснуть Макар не мог. Вслушивался в лесные шумы ветреной ночи, думал, что пора вставлять зимние рамы, так как стужа может наступить неожиданно. Подумал, что приятели из Чермоза не приехали на перелет, чтобы не тревожить лишними заботами, а может быть, и потому, что доктор сказал о его болезни.

В тишине избы запиликала скрипка сверчка. Макар улыбнулся и стал ждать, что сейчас ему начнет вторить другой сверчок на полотах. В сенях что-то упало и загремело. Макар вздрогнул, а в груди учащенно забилося сердце. Во рту у него стало горько, и голова налилась жаром. Он сел и наклонился к окну, но ничего не увидел, кроме красных кругов. Макар склонил голову еще ниже, понемногу жар от нее отлился, и круги исчезли. Он увидел совсем близко привычные переплеты рам и припотевшие возле них стекла, а за стеклами -- лунный свет, то яркий, то притухающий. В груди покалывали иголки. Макару хотелось пить. Он встал и направился к кадучке с водой, но покачнулся, будто его кто-то сильно толкнул сзади. Ноги отказывались двигаться, и он, тяжело дыша, опустился на колени.

В эту минуту на полотах заиграл второй сверчок, но старик его не услышал.

Покачиваясь от слабости, Макар нащупал рукой медведя, вцепился в его густую шерсть, но удержаться не смог и упал на пол.

Макар силился приподнять голову, но захлебнулся наполнившей рот горькой слюной. Потом еще минуту слышал стихавший звон в ушах.

Через минуту он был мертв.

Не дождавшись Макара в Останкиной, Мишутка не встревожился. Он решил, что старика задержали приехавшие из Чермоза охотники. Но под вечер мальчик поплыл к деду.

Несмотря на солнечный день, на реке было свежо. Вода Косьвы, покрытая рябью от напористого ветра, уже дышала холодом.

Подплывая к последнему повороту реки, Мишутка насторожился, услышав протяжный вой собаки. Он вслу-

ГОЛУБЕВА Антонина Георгиевна (1899 — ?), писательница.

Род. в Москве. После училища закончила в Ленинграде Рабочий университет. В 1921-1932 выступала в театрах Архангельска, Москвы, на Дальнем Востоке. В 1934 окончила вечерний лит. институт им Горького. Первая повесть Г. "Мальчик из Уржума" (1936) — о детстве и юности С.М.Кирова — несколько раз переиздавалась. Кроме того, Г. написала пьесу "Сергей Костриков" (1939) и опубликовала "Рассказы о Сереже Кострикове" (1941) для детей мл. возраста. Написала пов. для юношества "Заря взойдет" (1957) — о рев. пути С.М.Кирова. Другие повести Г. рассказывают детям об Октябрьской рев. в Москве. Г. принадлежит также запись и обработка северных сказок. В соавт. с Д.Толмачевым написала пьесу «Начало пути» (1947).

Дет. писатели; КЛЭ; Писатели Ленинграда (1964, 1982).

ГОЛУБЕВА Валентина Сергеевна (псевд. Давиденкова, В.; 1900 ?), переводчица.

Род. в Москве. Окончила экономич. фак-т Ленинградского политехнического института, преподавала в вузах и средних школах. В 1954 окончила экстерном 1-й Ленинградский пед. ин-т иностр. яз. Первые переводы — стихи Р.Брунига и др. англ. поэтов — вошли в «Антологию английской поэзии» (1937). Участвовала в пер. стихов Ж. дю Белле и др. для сб. «Поэты французского возрождения» (1938). В разное время пер. стихи В.Гюго, А.Мюссе, Г.Лонгфелло, Г.Низами, И.Франко, В.Скотте (стихотворные эпиграфы и стихи в тексте его произведений «Пуритане» и «Талисман»), Э.Верхарна, совр. итальянских поэтов, стихи к пьесе Ф.де Рохаса «Селестина» и др. Среди переводов прозы — сказки И.Франко, ром. В.Скотта «Пират», ром. Ж.Санд «Пичченино» (в соавт. с Е.Лопыревой), «Как мы писали роман» Джерома К. Джерома (в соавт. с Е.Полонской), «Сердце» Ф. де Амичиса и др.

Масанов; Основные произведения...; Мацугев; Писатели Ленинграда (1964, 1982 -- Давиденкова).

ГОЛУБЕВА Е.К.

Дочь священника. Издавала и редактировала в Пскове "Псковскую газету".

ГОЛУБЕВА Исидора Михайловна (псевд. Архангельская, И.; Проценко, С.), писательница и поэтесса 1910-х гг.

Дочь действ. статс. сов. Сотр. в изд. "Весь Мир", "Воскр. Веч. Газ." (1913). Авт. кн. "Утро жизни. Стихотв." СПб., 1909 — Архангельская (Проценко), И.М. М.б. она — авт. кн. "Стихотворения" (Петроград, 1915) — Архангельская, И.М. ?

Масанов; Венгеров, Источ.

ГОЛУБЕВА Мария Петровна (1861 — 1944), авт. воспоминаний.

Уч. рев. кружка Заичневского. "Воспоминания о П.Г.Заичневском". — "Пролетарская революция", 1923, № 6\7 (18\19), с.23-31 (портр).

ГОЛУБЕВА Мария Петровна (1861 — 1936), авт. воспоминаний.

Уч. рев. движ., член РСДРП. (м.б. с предыдущей одно и то же лицо? Но — разные годы смерти). Написала воспоминания о В.И.Ленине. — Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5-ти т. 2-е изд. М., 1979. Т. 2.

ИДРДВ. Т.4. Ч.2. № 2597.

ГОЛУБЕВА Мария Семеновна (ок. 1869 —), авт. воспоминаний; учительница, уч. рев. движ. в Петербурге.

"В Смоленских классах" — в кн. "Рядом с Лениным: Воспоминания о Н.К.Крупской. К столетию со дня рождения". М., 1969, с.49-52; также в кн. "Воспоминания о Надежде Константиновне Крупской". М., 1966.

ИДРДВ. Т.4. Ч.2. №2690-2691.

шался и понял, что это воет Пономарь. Мальчик вновь налег на весла и погнал лодку быстрее.

По течению лодка плыла легко и от быстрого хода, когда подплыла к берегу, до половины выползла на его песчаного кромку.

Мишутка, выскочив из лодки, побежал к избе. Пономарь сидел на крыльце. Увидев бежавшего мальчика, пес не бросился к нему навстречу, как обычно, а, поджав хвост, понуро ушел в сени. Мишутку охватило недоброе предчувствие. Сняв еще на крыльце шапку, он вошел в избу и, похолодев, остановился на пороге. Шапка выпала из его рук. На полу, вытянувшись во весь рост, лежал Макар, а рядом с ним понуро сидел Пекарь...

5

Выполняя завещание, Макара Свечкина похоронили среди берез перед окнами избы. Вся деревня была на похоронах. Из Чермоза и Усть-Косьвы съехались приятели-охотники и просто знакомые. Доктор сказал над гробом задушевное слово, назвав Макара «простым и мудрым уральским человеком».

Мишутка Думкин, выполняя волю покойного, вывез вещи и Пономаря в деревню, заколотил в избе окна и двери и, скрепя сердце, оставил медведя, понуро ходившего около могилы, одного.

Судьба Топтыгина с Косьвы волновала всю Останкину. Крестьяне уговаривали Мишутку взять зверя на свое попечение или отвезти в Чермоз, но Мишутка прочел им завещание старика в «родовой книге», и они замолкли, понимая, что воля покойного нерушима.

Когда пошли затяжные дожди, Мишутка не вытерпел и привел медведя на свой двор, но тот на вторую ночь, выломав двери сарая, ушел обратно к избе старика.

Потом выпал снег.

Однажды утром медведь сам пришел в деревню. Он понуро плелся по улице, но скалил зубы, когда к нему приближались люди, и ушел через выгон в лес.

Скоро в Останкиной стали говорить, что Пекарь стал шатуном. Но никто точно не знал, как шла его жизнь после смерти Макара. А шла она вот как. Первую ночь полного одиночества медведь бродил около могилы, на огороде и по берегу Косьвы, разыскивая Пономаря. Не найдя собаки, вернулся в полдень к могиле, лег возле нее и тоскливо, монотонно скулил.

Шли дожди, но медведь бродил по знакомым лесным местам, по которым не раз ходил вместе с хозяином, и ревом звал его. Ночами ходил вокруг избы, заглядывая в заколоченные окна. Голодный, ловил на реке под прибрежными камнями налимов.

Когда реку сковал лед, медведь питался мерзлой клюквой и морошкой. После выпадения первого снега, одолеваемый сонливостью, бродил по лесу, но всегда возвращался к избе.

В один из метельных дней, уйдя в лес, медведь заблудился. Он метался по лесу, не находя дороги к избе, и оглашал лесную глушь угрожающим ревом. Так он проплутал всю ночь. Наутро, озлобленный и голодный, поймал кем-то подраненного зайца, убил его ударом лапы и стал жадно рвать теплое мясо, но из-за совершенно незнакомого и неприятного ему запаха крови есть его не стал.

Блуждая, Пекарь натолкнулся на берлогу с только что заснувшим медведем и вступил с ним в драку. Сильно израненный противником, все же выжил его из берлоги и лег в нее, довольно урча и зализывая раны.

Пролежал в берлоге до ночи, но в темноте сдиким ревом покинул ее и отправился бродяжничать. Только через неделю, совершенно обессиленный, он по льду Косьвы пришел к избе и больше, несмотря на голод, не уходил от нее, дальше просеки...

После первых обильных снегопадов Мишутка вместе с Пономарем навещил Макарову избу, но не нашел возле нее медведя. Не нашел он и его следов и успокоился, решив, что случилось так, как говорил Макар: медведь ушел в новую лесную жизнь...

Потом сразу ударили морозы, задули бураны, переметая снега. Мишутка простудился и тяжело заболел. Проболел до конца января. Поправившись наконец, он в один из тихих, солнечных, но морозных дней, надев лыжи, пошел навещать могилу дедушки Макара.

Мишутка не сразу нашел памятную и знакомую избу. Высокие снежные сугробы укрыли ее с крышей. Но с возвышенной части луга ветры выдули снег, оголив могильный холмик, а с заветренной стороны, плотно к нему прижавшись, лежал, свернувшись комом, замерзший медведь. Зверь сильно исхудал, и в его шерсть густо набилась снег.

Слезами налились глаза Мишутки Думкина, когда увидел он замерзшего Топтыгина с Косьвы, и вспомнил мальчик, что вот так же, свернувшись клубком, лежал тот на завалинке, когда он увидел его первый раз.

Юний ГОРБУНОВ,
г. Екатеринбург

МОЩНЭ И ПОРНЭ

(По мотивам мансийских преданий)

На берегах двух рек, текущих с восточных склонов Каменного пояса, торопясь к другой большой реке, жили две вогульских женщины. Назовем их Мощнэ и Порнэ. Вообще-то Мощнэ и Порнэ – не имена, а названия двух разных по бытованию вогульских этносов, по случаю оказавшихся рядом, на азиатской стороне Камня. Но что за притча – пусть будут имена.

И так-то эти две женщины друг на друга оглядывались и друг с другом соперничали! И ведь добраться-то с одной реки на другую – неблизкий путь, да к тому же и еще одна вода на пути течет, но подруг-соперниц это не держало.

А над Рифейскими горами нашего «трехречья» стоял тогда едва ли не десятый век. Густые, чаще всего сосново-еловые и пихтовые, леса покрывали их склоны. Редко где в этой округе можно было встретить стоянку людей, стайку землянок или небольшое деревянное селение, угнездившееся на речном берегу. Это были юрты вогулов, первожителей здешних мест, если не брать в расчет полулегендарную «чудь белоглазую». Русским духом здесь еще и не пахло – не пришло еще время новгородских ушкуйников, а до Ермака и вовсе было далеко. Реки текли, и горы высились безымянными, неотличимыми одна от другой.

Вот и эти две реки, что бежали, торопя свои воды, к большой материнской воде (Туре), тоже, наверно, долго не знали бы друг друга, если бы на берегах той и другой не нашли пристанища две этнические группы вогулов, которые так и назывались – Мось и Пор.

Что побудило их обосноваться именно здесь? Уж не густые ли заросли липы, коими были покрыты берега обеих рек? Липа в этих местах за Камнем уже и тогда была довольно редка, а дерево это весьма обиходно в быту: податливо для обработки, что хочешь из него мастера – хоть посуду, хоть какую-никакую мебель. Липовый луб идет на мочало и рогожную ткань, подкорье молодых деревьев – на лыко, из коего можно корзину либо летнюю обувь сплести, простейшую упряжь веревочную – вещи, без коих ни одному вогульскому хозяйству не обойтись. Скажем,

ремень из оленьей кожи, конечно, прочнее, но зато лыковую упряжь легко и просто заменить и починить в пути. Из липовых колод и ульи хороши, не говоря о белом душистом липовом меде. Липовым соком, как и березовым, веснами можно себя побаловать. А лыко – нежный слой дерева – может и голод утолить. Одним словом, клад, а не дерево. А тут на тебе – две реки в липняке.

На одном из диалектов вогулов-первопришельцев (северном, который один живет и поныне) лыко, мочало – звучит как салт (salt), сама липа – салт-йив, а текущая вода, река – я (ja). Так, наверно, и обрели обе реки себе одно название – Лычная, Липовая – Салтья. Дерево это и позднее, судя по Далю, так и называли: лычник, лубняк, мочальник. К тому же лыко – волокнистое, неокрепшее подкорье – принадлежность не только липы.

Ничего, кроме названия рек, не роднило в ту пору эти два вогульских этноса. До сей поры они бытовали порознь и только-только начали, соседствуя, узнавать друг друга, приноравливать к общению говор. Зауральский вогульский народ Пор, как гласит предание, был слаборазвит, в быту обходился лыковыми веревками и глиняными горшками. А перешедший каменную гряду приуральский народ Мось уже, по преданию, знал железо и медь, шелк и сукно. Видно, разными дорогами шло их дорифейское развитие.

Было чему завидовать и чем похвалиться нашим подругам-соперницам.

Не забудем сказать, что у здешних первоначальников-вогулов в ту пору их родового строя главенствовала женщина, царил матриархат. Очаг, детей, рыбные и звериные уголья, все хозяйство держала и наследовала женщина. Мужчина был только добытчиком, как говорит предание, «младшим братиком». Даже духи верхних и нижнего миров были тогда у вогулов женского рода.

И вот раз надела Мощнэ новую соболиную шубу, спрятала ближе к телу свой тучан – украшенный орнаментом мешочек из шкурки оленьих лбов с девичьим обиходом и засобирилась в путь.

—Куда, —спрашивают ее, —ты наряжаешься?

—Растущий человек, —неопределенно отвечает Мощнэ, —ищет край, где есть мужчина. Пойду в сторону Лычной реки, заодно проведу Порнэ.

А на пути, как сказано, была еще одна текущая вода. (На одном из мансийских диалектов Тагил – «протока», «текущая вода»). Подошла Мощнэ к берегу и позвала:

—Мои два зверя, черный и рыжий, быстро выплывайте из воды.

И выплыл к ней ее черный зверь. Села Мощнэ на его спину и переплыла текущую воду.

Бредет себе потихонечку. Видит берестяной домик об одном окошке, а в домике старенькая женщина. Перед ней теплится найсан – это подожженный шнур из волокон крапивы в берестяной чашечке с рыбьим жиром.

—А ну-ка, внучка, —говорит старая женщина, —почини ты мне мою шубу.

Что делать – начала Мощнэ чинить шубу. А бабушка на нее поглядывает и варит суп в котле.

—Скажи мне, внучка, так: какой у тебя огромный нос, старая. Как у берестяной маски.

—Зачем ты так говоришь, милая бабушка? Я помню, какая ты была красивая в молодости.

Потупилась старая женщина и, помолчав, говорит:

—Скажи, внучка, так: твои руки, как лопаты, которыми загребают горячую золу.

—Ну, бабушка, зачем так говорить, милая? Я помню, какие у тебя были маленькие и проворные руки и ноги.

И опять потупилась старая женщина.

Починила Мощнэ шубу, а старая женщина накормила гостью своим варевом. И стала Мощнэ уходить.

—Выйдешь из дома, увидишь два амбара на ножках – один старый, другой новый. Ты зайди в старый

амбар. Слева увидишь новый лубяной короб, справа – старый.

Возьми себе, внучка, старый.

Вышла Мощнэ и сделала все, как велела старая женщина.

Как ей теперь с коробом к подруге идти? Отправилась домой. Открыла она дома свой старый короб, а там сидит такой невидный мужичонка – посмотреть не на что.

Ладно. Живут они вдвоем. Мужичонка хоть мал и неказист, а все чем-то занят: стругает, делает лук и стрелы – на охоту собирается.

А тут как раз является со своей Лычной реки на другую Лычную ее подруга Порнэ.

—Оказывается, у тебя есть муж, —говорит она подруге. — Похоже, что эти щепки стругал мужчина.

—Нет, —возразила Мощнэ, —это я сама стругала.

И завели они, как всегда, бесконечный спор.

Но все-таки выведала Порнэ ее тайну. Побежала на берег текущей воды:

—Мой черный зверь и рыжий зверь, выплывайте ко мне!

Появился ее рыжий зверь и переправил Порнэ через текущую воду. Пошла она по лесу и вышла к берестяному дому, где живет старая женщина.

—Почини-ка мне, внучка, мою шубу, —просит она.

Порнэ не терпит найти короб, но что же делать —стала чинить шубу. А старая женщина варит свое варево и говорит:

—Скажи, внучка, так: что это, старая, твои глаза такие маленькие и сердитые, того и гляди, съедят кого-нибудь.

—И то правда, бабушка, —торопится Порнэ.

А старая женщина опять:

—Скажи мне, внучка, так: у тебя, старая, волосы, как спутанное лыко, за день их не расчесать.

И снова Порнэ сказала:

—Правда, бабушка, это так.

Кое-как починила Порнэ шубу, поели они варева, и заторопилась Порнэ уходить.

—Выйдешь, внучка, увидишь два амбара на ножках — старый и новый. В старый не ходи, полезай в новый амбар и возьми новый короб.

А Порнэ того и надо. Выбежала, схватила новый короб — и домой. Открыла — а там словно тебе игрушечный мужчинка, красивый, с рыжими лычными волосами, весь как из свежего липового дерева.

Ну, живут они вместе. Только свежий как сел в доме, так сиднем и сидит, пальцем не пошевелит. Все-то Порнэ самой делать приходится.

Так идет жизнь на двух Лычных реках.

Мужичонка у Мощнэ совсем ладным стал. Видно, от рождения было суждено ему быть человеком песни, человеком сказки. Вот собирается он на охоту, добывать черных зверей, добывать рыжих зверей. А жене говорит:

—Как я уйду, свари утром самое жирное мясо, до рогу к нашему дому застели черным сукном, а внутри дома — красным сукном; одну чашку с пищей поставь на тропе к дому, а другую поставь в доме.

Мощнэ при таком-то муже ох как любила поспать, но делать нечего. Встала, сварила на скорую руку самое тощее мясо, внутри дома застелила пол лыковым подножьем, а снаружи дорожку забросала еловыми ветками. Одну чашку с тощим мясом вынесла вон, другую дома оставила. А сама укуталась с головой и снова легла спать.

Вдруг слышит сквозь сон разговор:

—Какую косточку ты грызешь? —спрашивает один.

—Я грызу тощую косточку. А ты какую?

—Я тоже грызу тощую косточку. А ты по чему ходишь за домом?

—Я хожу по еловым веткам. А ты по чему?

—А я по лычному мочалу.

—Эх, недолговечная жена досталась нашему мужчине, —сказал один.

—Жена с короткой жизнью, —добавил другой.

То ли сон это был у Мощнэ, то ли явь.

На другой реке Салтье Порнэ с трудом выпроводила своего залежалого мужа на охоту. Тело его уже изрядно сморщилось от безделья и не выглядело свежим. Да что же делать? Пришлось ему пойти до-

бывать черного зверя и рыжего зверя. Уходя, сказал жене:

—Поутру свари мясо, что потощее. За домом веток еловых набросай, а в доме застели пол мочалом. Одну чашку с варевом оставь дома, а другую вынеси наружу.

Порнэ, живя при таком-то «свежем» муже, утрами долго не баловала себя сном. И нынче встала рано. Почему, думает, если гости будут, надо тощее мясо варить? Сварю самое жирное. И лыко не буду на пол стелить. Покрою дом праздничным красным сукном, а дорожку к дому застелю черным. Как решила, так и сделала. Потом вынесла чашку готового запашистого варева наружу, а другую оставила в доме. Закуталась с головой в шубу и легла отдыхать.

И вот слышит Порнэ разговор:

—Ты по чему ходишь в доме?

—Я хожу по красному сукну и грызу вкусную жирную косточку. А ты?

—А я хожу по черному сукну и тоже ем жирную косточку.

—Видать, долговечная жена досталась нашему мужчине, —решили оба.

Прошла костлявая неделя, прошла мясистая неделя на двух Лычных реках. И снова встретились Мощнэ и Порнэ.

—Давай, —предлагает Порнэ, —съездим в юрты наших родичей, посмотрим, как-то они поживают.

—Нет, —заупрямилась Мощнэ, —у меня другое заделье есть.

Спорили, спорили, наконец, решили-таки поехать к родным. Условили, поломавшись, день и место обратной встречи.

Для Мощнэ муж запряг в нарты белые пестрых оленей, нарядил ее в новую малицу, им самим сшитую. Этот человек песни, человек сказки и проводил ее, указав дорогу к родичам.

Порнэ сама запрягла двух своих оленей, выбрала надеть что получше и, нагрузив нарты подарками, тоже отправилась в путь. Ее залежалый только рукой махнул в нужную сторону.

На условленном месте подруги-соперницы встретились и, как у них повелось, стали друг перед дружкой бахвалиться.

—Что тебе дали, подруженька, чтобы починить ограду твоего свекра? —спрашивает Порнэ.

—Мне, —отвечает Мощнэ, —для обтягивания города моего свекра дали железную цепь. А тебе?

—Мне дали лыковую веревку, —говорит Порнэ. И опять продолжает спрашивать:

—А чтобы скатился свекор с горы на вашем празднике, что тебе дали?

—Мне, —отвечает Мощнэ, —для скатывания свекра дали медный котел. А тебе что?

—Мне дали половину глиняного горшка. А в подарок свекру что тебе дали? —никак не угомонится Порнэ.

— Мне белых и пестрых оленей дали, тонкого сукна и мягкого шелка, — отвечает Мощнэ. — А у тебя что на нартах в подарок свекру?

— У меня в подарок свекру полные нарты рыбы сороги и карася.

Погостив у родичей, Мощнэ и Порнэ вернулись в свои юрты. Рассказала Порнэ своему залежалому о подарках подруги, тот и говорит:

— Если эти Мось такие богатые, то не пойти ли нам на них войной?

И ну собираться, стрелы вострить, веревку лыковую готовить — откуда только прыть взялась у залежалого.

Вспокоилась Порнэ, полетела к подругесопернице, рассказала об угрозе своего мужа.

Наверно, в первый раз не спорили подруги, не чинились.

— Войну всегда ночью начинают, — сказала Мощнэ. — А ты, подруженька, Луну сними с неба и спрячь в доме.

Так Порнэ и сделала.

Вышел залежалый со своими стрелами и веревками, тычется туда-сюда — ни зги не видать. С тем и вернулся в дом.

И опять потекла жизнь на двух реках с одним названием. Не год прошел, не два, а, может, век-другой. Поднялись у Мощнэ и Порнэ дети и внуки, правнуки и праправнуки. Правда, что не много их выросло. Не зря же вогулы называют хвойное дерево, например, елку деревом мансийской породы, потому что она не быстро множится. А вот лиственное дерево, например, иву — деревом породы русских пришельцев. Куда ни воткнешь свежий ивовый обрубок, глядь, а от него уже молодая поросль пошла.

Но вот здешних аборигенов стали по временам беспокоить своими набегами воинственные южные соседи — башкиры, сибирские татаро-монголы. Тревожно стало на рыбных и звериных угодьях, в юртах Мось и Пор, которые за долгое время соседствования успели и породниться.

Помня предания о древних вогульских богатырях, их путешествии «по семи рекам, по шести рекам», набравшие силу вогулы решили идти дальше на север, по «лыжне Мосьхума» — Млечному звездному пути, искать и осваивать новые земли, постоянное себе пристанище. А те, у кого силенок поменьше, держались за прежние места, привыкали к обычаям и языку новых пришельцев, роднились с ними.

В эту пору и женовластию (матриархату) у вогулов наступил конец. Силу взяли мужчины. Ведь новые земли приходилось защищать. Так по примеру сибирских татаро-монголов создали вогулы в XV веке на севере свое Пелымское княжество с кочующей столицей, научились оборонять свою северную Югорию. Да и было от кого. А войдя во вкус, и сами то и дело стали беспокоить соседей.

А что же происходило на оставленных ими Лычных реках? Новые пришельцы, по преимуществу турки — татары, башкиры, чуваша — частично оседая на здешних землях, сообщали местности свой колорит, свои обычаи. Изменялись частично и гидротопонимы. Вот, например, Салтья. Уху нового пришельца непривычны были мягкие окончания вогульских названий. А ведь ими приходилось пользоваться повседневно — река для всех кормилица, поилица и место обитания. Неудобная Салтья, «не долго думая», вполне могла обратиться в Салду, более удобную для тюркского произношения, сохранив при этом липово-лычную основу. Думаю, что таких примеров фонетической трансформации топонимов можно обнаружить много. Топонимы, особенно гидронимы (названия рек) и оронимы (названия гор), очень уязвимы и податливы в этом отношении — именно в силу своего частого обиходного употребления. Вспомним хотя бы совсем недавнее превращение ревинской горы Волочиhi в Волчью. Такому топонимическому произволу не помешало даже то, что при этом изменилась не только фонетика, но и лексика оронима — название обрело совсем иной смысл. Можно сказать, что имя реки в его историческом бытовании на многонациональном Урале подчас напоминает саму реку, в которую, как известно, нельзя войти дважды.

Неспешно шли века. С появлением на северных реках новгородцев на своих ушкуях, «отпускников» Московского и иных великих князей, а позднее и походом Ермака Тимофеевича в сибирские пределы, пришла пора и русским людям осваивать здешние места. На двух Салдах и их притоках появились первые русские поселения. Обилия липы не стало уже на этих берегах, но рогожный промысел (производство мочальной ткани) в здешних краях отметил даже статистик совсем недавнего советского времени.

А когда подошел к середине век восемнадцатый, может быть, как раз там, где стояли юрты вогульского народа Мось и жила семь столетий назад женщина Мощнэ со своим человеком песни, человеком сказки, или обитала неугомонная Порнэ, вздрючивая своего залежалого, поставлен был вместе с первым на реке заводом и город Нижняя Салда.

А потомки несговорчивых Мощнэ и Порнэ ушли по Млечному Пути на север, оставляя за собой топонимические следы в названиях рек: Выя, Юрья, Пия, Ляля, Люля, Манья, Усья, Лямья, Атымья... Еще и еще. Похожие на следы мягкого ступающего охотника.

Нельзя, чтобы о них заросла быльем тропа и в нашу с вами благодарную память

ФРАГМЕНТЫ БИОГРАФИИ

Когда любознательный краевед или историк прочтет это имя -- «Чекан», он непременно заинтересуется. И не зря. Действительно, на уральском журналистском небосводе в начале прошлого века это имя мелькнуло довольно заметной звездочкой и оставило след. Владимир Георгиевич Чекан с начала 1890-х годов жил в Екатеринбурге, был видным чиновником Уральского горного управления, цензором газеты «Екатеринбургская неделя»; в 1901–1907 годах издавал в Екатеринбурге газету «Урал», ставшую при нем одним из самых популярных периодических изданий. А в 1908–1910-м держал «Пермские губернские ведомости». Кроме того, Владимир Георгиевич, похоже, был инициатором, издателем и в известной мере движителем «Путеводителя по Уралу» (Екатеринбург, 1899), хотя основным автором и редактором издания выступил журналист и краевед В.А. Весновский.

Перед нами воспоминания дочери Виктории Владимировны Чекан, которые не известны пока ни исследователю, ни любознательному читателю.

В Екатеринбурге прошло ее детство. Здесь Виктория получила домашнее образование и экстерном сдала экзамены за семь классов гимназии. Будучи ребенком, она конечно же мало что могла понимать в занятиях отца, но на страницах ее воспоминаний нет-нет да и мелькнет не общественно-политическое, а вполне человеческое лицо Владимира Чекана. Поскольку ее воспоминания касаются исключительно детских лет, нам предстоит поближе познакомиться с мемуаристкой.

С юных лет увлечением, буквально поглотившим ее, был театр. На екатеринбургской сцене она увидела игру Дальского, Варламова, Комиссаржевской... Когда отец передал газету в другие руки, уехал в Пермь, а затем на юг России, Виктория тоже покинула Екатеринбург и отправилась в северную столицу. Она поступила в казенную драматическую школу и в 1911 году окончила ее по классу Д.И. Долинова. Экзаменовалась в «Электре», одноактной трагедии в стихах Гуго фон Гофманстеля, обнаружила незаурядное трагическое дарование, темперамент и способность увлекательно, ярко передавать сильные места.

Темперамент ее проявлялся не только на сцене, но и в обыденной жизни. Когда ее познакомили с Владимиром Маяковским, разыгралась такая картина. «Виктория Чекан... Владимир Маяковский», -- представили их друг другу. Поэт, как всегда встречая кого-то впервые, протянул свое обычное: «А-а-а-а...». Виктория, нимало не смутившись, в тон ему ответила: «Бе-е-е-е...». Маяковский сдвинул брови и замолчал. В таких случаях говорят: нашла коса на камень.

После «Электры» она подтвердила свое незаурядное дарование во втором сезоне «Старинного театра», где превосходно справилась с трудной ролью Лауренсии в «Овечьем источнике» Лопе де Вега.

В том же 1911 году в «Старинный театр» Н.Н. Евреинов пригласил актера А.А. Мгеброва, который только что был выпущен из тюрьмы. (В 1905 г. подпоручик артиллерии Мгебров оказался на одной из баррикад Васильевского острова С.-Петербурга, а во время ноябрьских событий в Батуме вывел из казармы роту солдат для защиты от казаков). Здесь они встретились и познакомились, что называется, на всю оставшуюся жизнь. Вот как А.А. характеризует молодую Викторию Чекан:

«Виктория Чекан была неистойвой Брунгильдой Старинного театра. Я помню, как, играя Лауренсию в «Овечьем источнике», Чекан, обладая редким, совсем испанским темпераментом, раскидывала в иные спектакли людей на сцене как мячики. Так что они падали в оркестр, ломая инструменты у музыкантов. При этом она была довольно хрупкой, не обладавшей физической силой, женщиной. Кстати сказать, на этом первом нашем общем собрании я сразу почему-то обратил внимание на нее больше, чем на всех других... Когда вся молодежь вокруг звенела, журчала и сияла экстазно, одна только она оставалась серьезной. Я хорошо запомнил ее одинокую, всю в черном, фигуру, скромную и тихую. Она сидела в стороне от всех, в каком-то, по-особенному, но просто шитом черном бархатном платье, изящно драпировавшемся на ней, обнажавшем красивые белые плечи и такие же белые руки. Черные длинные локоны спускались с огромного белого лба прямо на плечи, и голова ее остава-

лась все время опущенной. С первых же мгновений меня потянуло к этой одинокой фигуре, и эти мгновения сыграли огромную роль во всей моей жизни».

После Старинного театра Виктория Чекан стала спутницей и женой Мгеброва.

Между тем именно в это время в судьбе Мгеброва пролегла черная полоса. В феврале 1912 года Окружной суд по продолжающемуся политическому процессу решил поместить Мгеброва в психиатрическую лечебницу на Пряжке. Здесь, в буйном отделении, ему пришлось пережить «потрясающие впечатления».

Обратимся опять к воспоминаниям Мгеброва.

«В печальные дни моего пребывания у Николая Чудотворца (на Пряжке. – Ред.) я был почти забыт в Старинном театре. Никто не отважился посещать меня в этом ужасном месте. И только вдруг, однажды... пришла ко мне Виктория Чекан и пришла как раз, когда ее приход был мне наиболее нужен... я был почти на грани того, когда теряешь последнее самообладание...

В Старинный театр Чекан пришла непосредственно с берега Черного моря, где по окончании драматических курсов она несколько месяцев прожила в полном одиночестве у своего отца, в дикой горной местности между Сухумом и Новым Афоном...

В те дни Чекан не признавала ничего, кроме Платона, Сократа, Софокла, Вергилия, Горация и юных поэтов и философов Греции и Рима. Любимейшим философом ее был Сократ. В Старинном театре она мало с кем считалась, почти ни на кого не обращала внимания, оставаясь чуждой всякому влиянию на себя, далекой от обычного отношения женщин и мужчин между собою, и ведя себя в то же время почти по-мужски. Говорить всем «ты», обращаться с мужчинами, даже со старшими по возрасту, как с мальчишками – было для нее совершенно естественным».

Старинный театр закончил свое существование. Виктория Чекан была приглашена в театр Рейнеке. Ей выпадало играть Елену Спартанскую в пьесе того же названия Эмиля Верхарна. Но Чекан отказалась. «Она пошла со мной, -- пишет Мгебров, -- пошла, зная, что меня подстерегали тюрьмы, преследования и политический суд... Чекан все приняла до конца».

Они поехали в Финляндию, в Териоки. Здесь Виктория разрешилась от бремени сыном. Затем была Первая мировая. В 1914-м Виктория нашла своего мужа контуженным на позициях. «...подобрала в последний отходящий поезд в Петроград. Два месяца лежал я прикованный к постели, Чекан выходила меня и возвратила к жизни...».

Потом революция, Пролеткульт, «Взятие Бастилии» Романа Роллана, где Чекан играла Конду (?). Пьеса имела большой успех и обошла почти

все петроградские сцены. А в жизни супругов -- опять трагедия...

У сына очень рано проявились творческие способности. Он хорошо рисовал, читал стихи, запоминая их на лету. В пьесе «Взятие Бастилии» Котя Мгебров-Чекан тоже выступил с большим успехом. 1 мая 1919 года он участвовал в спектакле по пьесе П. Козлова «Легенда о коммунаре». Снова был безусловный успех, юного актера зачислили в штат театра. Но были и угрозы: «Дождетесь, комиссарские выродки, схлопочете!».

А 22 апреля 1922 года произошло непоправимое. Котя с товарищем ехали на передней площадке прицепного трамвайного вагона, и мальчика неожиданно столкнул с платформы незнакомый мужчина. Его отвезли в больницу на Литейном, где он и скончался. Похоронили на Марсовом поле. На могильной плите надпись: «Юному артисту-агитатору Коте Мгеброву-Чекан. 1913–1922». Поэт Всеволод Азаров посвятил ему стихи:

Артист девятилетний звался Котей.

Вы и сейчас на Марсовом найдете

На камне имя Мгеброва-Чекан.

Виктория Чекан была женой и сподвижницей Мгеброва до конца его дней. Вместе они организовали студию по изучению творчества А.Н.Островского и Шекспира. Уже будучи персональными пенсионерами, создали студию молодых дарований при Павловском дворце-музее и поставили «Фауста» Гете, а позже были почетными шефами самодеятельного коллектива, работавшего при Государственном Эрмитаже в 1960–1964 годах. Этим коллективом руководила их дочь – актриса Виктория Мгеброва-Бортинна (1922–1997). В квартире Мгебровых на Караванной друзья семьи часто собирались на творческие вечера. Каждый год устраивались вечера памяти А.С. Пушкина, на которых непременно выступала Виктория Владимировна – из «Моцарта и Сальери».

Чета Мгебровых и их дочь похоронены на Серафимовском кладбище в С.-Петербурге рядом с коллегами по ВТО.

На бывшем здании Пролеткульта недавно появилась мемориальная доска:

Дворец пролетарской культуры.

Театральная студия.

Руководители Мгебров и Чекан

Но как же, спросит читатель, эти воспоминания оказались в «Уральском следопыте»? Их прислал в редакцию давний друг журнала, замечательный знаток и хранитель истории «Уральского следопыта» и его предшественника – «Всемирного следопыта», петербургский ученый и библиофил Игорь Кузьмич Григорьев. В свою школьную пору он учился в одном классе с дочерью Мгеброва и Чекан – Викторией. Через нее познакомился и дружил с семьей Мгебровых-Чекан.

В 1965 году Игорь Кузьмич затеял выпуск машинописного журнала «Былое», собирая материал для него у друзей и знакомых. В свет вышло пять номеров, каждый тиражом 5 экземпляров. Они содержали 30 материалов (365 с. + 23 иллюстрации). На большее у издателя не хватило «пороха». Читали самиздатовский журнал, передавая номера друг другу. Вот для этого издания и подарила И.К. Григорьеву свои воспоминания Виктория Владимировна Чекан. В «Былом» они, увы, не появились. Посылая воспоминания «Уральскому следопыту», Игорь Кузьмич написал к ним предисловие, которое мы и использовали в полном объеме в этой вступительной заметке.

И.К. Григорьев и редакция журнала благодарят за поиск и подготовку материала к публикации Нину Григорьевну Герасимову и Киру Ивановну Кевенд.

Текст воспоминаний печатается полностью и в авторской редакции. Единственное вмешательство: даны названия тем главам, которые в подлиннике не имели названий.

Часть первая

ДЕТСТВО

ВСТУПЛЕНИЕ

В пылающий солнцем день Драгомиров¹, генерал, повстречал, у ручья в тени орешника, весело смеющихся молдавских юношей. Острый, зоркий глаз генерала оценил молодежь: юноши были полны сил и физических, и интеллектуальных – и тотчас он произнес: «Думаю, мы будем сражаться «противу турок» вместе с вами за землю, которая вспоила и выучила так прекрасно, что вы владеете великолепно и русским, и молдавским языками». Юноши стали во фронт, и генерал отправил их в ряды армии, сражающейся «противу турок» в качестве вольноопределяющихся. Одним из юношей был мой отец Владимир Георгиевич Чекан. С войсками «противу турок» он брал Шипку и был награжден орденом Георгия, а после был направлен в Военно-юридическую академию в Петербург, учиться на казенный счет.

1 Михаил Иванович Драгомиров (1830–1905) был педагогом, военным теоретиком и практиком. В 1870-х годах он командовал 14-й пехотной дивизией, с которой участвовал в успешной для России Русско-турецкой войне 1877–1878 годов в пользу братских славянских народов, в частности, руководил боевыми действиями при обороне Шипки. В 1891 году стал генералом от инфантерии (полным генералом пехоты).

В науке он превзошел настолько, что ему было дано почетное задание препроводить караван с золотом «вокруг света» по маршруту Сибирь, Красноярск². В Красноярске, где закончилось путешествие, он встретил Евлампью Александровну Морозову. Встреча кончилась горячей любовью.

Дед Евлампии Александровны Морозовой был крепостным крестьянином Воронцова-Дашкова³, отпущенным на свободу. У него был сын по имени Александр, женой которого была киргизка из челябинских степей Прасковья Владимировна. У них и родилась Евлампия. Отец Евлампии оказался скрипачом-самоучкой. Русская культура ширилась, так что Евлампия даже училась в гимназии и была выдана замуж за А.А. Данилова. У них родилась дочь Анна, которой было четыре года, когда на одном из вечеров в общественном собрании В.Г. Чекан встретил Евлампью Александровну. Она привлекала тех, кто ее знал – красотой голоса и мягкостью облика и тем, что с успехом подвизалась в драматическом искусстве, которым любило заниматься культурное общество Красноярска и Томска и в других городах Сибири.

«Поручение» было Владимиром Георгиевичем закончено. Он был вызван в Петербург и назначен на службу в Минскую губернию. Евлампия Александровна в одну из решительных минут простилась с дочерью Анной и полетела на тройке следом за Владимиром Георгиевичем в минские края – зимой, в пургу, наперекор стихиям. А в это время ее отец, Александр Александрович, возвращаясь домой с выступления, замерз со скрипкой в руках на сугробе перед домом ее матери Прасковьи Владимировны.

Я родилась по дороге, меня записал Серпуховский полк, бывший в Новоградке⁴, по метри-

2 Какой караван с золотом в середине 1880-х гг. сопровождал Чекан, узнать не удалось.

3 Воронцовы – это древний дворянский род. В 1867 году его представителю было дозволено добавить к своей фамилии фамилию Дашковых, с коей породнился один из его предков, и именоваться графом Воронцовым-Дашковым (См. энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона).

4 Новоградок – старинный город в Белоруссии, известный едва ли не с XII в., поживший некогда центром так называемой Черной Руси, которая в XIУ в. составила ядро Великого княжества Литовского. Город подвергался нашествию крестоносцев и татар. С 1842 года вошел в состав Минской губернии. Ныне город областного подчинения в Гродненской области Белоруссии. Здесь провел детские и юношеские годы поэт Адам Мицкевич.

ке матери и ее первого мужа, который приехал в Петербург и вызвал Евлампия для объяснения, но по приезде в Петербург она умерла от скоротечной чахотки в доме Зарембо по Невскому проспекту.

Серпуховский пехотный полк не только принял участие в судьбе будущей актрисы Виктории Чекан, но и героически вел себя в русско-турецких войнах, за что был награжден Георгиевским полковым знаменем и пожалован особым знаком на шапки.

Теплый зимний вечер. В небольшой комнате посредине кровать, на ней спит мама, чуть мерцает огонечек ночника... На диванчике я играю с куклой. Тишина... Мама поднялась на постели и громко произнесла два слова: «Юля! Таз!»... В мгновение Юля вошла и поднесла таз к маме, мама схватилась за грудь, из ее горла хлынула кровь, темная, густая... Мама бесшумно, беззвучно упала на подушки и... уснула... навсегда... Юля унесла таз. Я одна. Открывается дверь, и с плачем, в слезах входит бабушка, бросается к кровати, стонет и зовет маму... мою, мою маму, называя ее ласковыми именами: «Птичка», «Солнышко мое»... Я еще не все понимаю... и постепенно погружаюсь в темноту... Ночник гаснет...

Волково кладбище¹... зима... кругом снег. Смущенный мужчина держит меня за руку. Я вижу вокруг снег и кресты. Стоящий со мной мужчина – Владимир Чекан, мой отец. Идем по усыпанной песком дорожке. Кроме нас, нет никого. Тишина... снег...

Вижу далее новую картину... Залитый солнцем просторный зал. Высокая стройная женщина забавляется со мной и катает меня на скамеечке по залу, скамеечка очень красивая, женщина тоже красивая.

-- Ну вот, мы с тобой скоро уедем из Минска далеко, далеко.

Владимир Георгиевич провел по Минской губернии кратковременную работу и получил назначение в Екатеринбург, в горное управление на пост столоначальника²

1 Мемориальное кладбище в С.-Петербурге с Литераторскими мостками, где похоронены многие известные деятели культуры.

2 В середине 1880-х гг. в Российской империи образовано 11 горных областей, в т.ч. Уральская (1885). Она управлялась горным правлением во главе с Главным начальником Уральских горных заводов. Правление имело солидный штат чиновников. Стол – это отдел, ведающий каким-либо кругом дел и руководимый столоначальником.

Прасковья Владимировна Морозова осталась после смерти мамы при семье первого мужа, покинувшего Сибирь и переехавшего в Петербург с моей сестрой Анной, о существовании которой я не знала до того, как мне исполнилось семнадцать лет.

В моей детской памяти о жизни в Минске ничего не осталось, кроме дворика, залитого солнцем, цветов вьюнков, белой сирени и красивой высокой женщины, на этот раз дающей мне горькое лекарство... Жизнь в Минске для меня осталась в неведении.

ДОМ РЕЙНФЕЛЬДА

Как далекий сон, встает образ той же красивой женщины, строго говорящей мне о чем-то, но о чем, я не понимаю. Я нахожусь с ней наедине в длинной большой комнате с большими окнами, выходящими на крышу; на крышу, упирающуюся в кусты зелени и примыкающую к просторной террасе со ступеньками, выходящими в тенистый сад с клумбами, цветами, с кустами ягод... Женщина принесла мне куклу – нарядную, в красном атласном платье, говорящую «папа» и «мама».

-- Эту куклу привез тебе папа из Петербурга. Мы с тобой теперь в доме Рейнфельда в Екатеринбурге³.

За окнами пасмурно... На куклу я смотрю с любопытством...

-- Но сначала ты выпей это вкусное красное вино. Ты выздоровеешь, и у тебя не будет скарлатины... -- мне делается плохо, я теряю сознание...

Проснувшись, я вижу, что лежу в кровати с сеткой, со мной рядом лежит кукла с закрытыми глазами.

Отворяется дверь – мужчина в парадной форме подходит к моей кровати, с ним все та же женщина:

-- Нравится тебе кукла? – Я молчу и с интересом разглядываю одежду, лица, и мне кажется, что я видела этого мужчину, и он мне начинает нравиться.

3 Скорее всего, это был не дом дипломированного аптекаря К.В. Рейнфельда, что и теперь стоит на ул. Златоустовской (ныне Р. Люксембург), а дом дворянки Луизы Федоровны Рейнфельд на углу Разгуляевской и Крестовоздвиженской (ныне угол улиц Гоголя и К. Маркса). Один из домов своей большой усадьбы она сдавала земству под приемный покой для бедных. Больницей заведовал известный земский врач Н.А. Русских, одновременно исполняющий обязанности библиотекаря УОЛЕ (1889).

-- Это папа пришел к тебе, -- произнесла женщина, -- это твой, твой папа... -- как-то позвериному я чувствую: что-то теплое и приятное разливается в моем теле, но я молчу...

-- Тетечка – она тебе много хорошего сделает, -- торопливо говорит мужчина.

И с этого дня я называю красивую женщину «тетечка»¹. Так начинает просыпаться сознание бытия.

Дом Рейнфельда был построен на одной из окраин Екатеринбурга. Это был одноэтажный особняк с большими окнами, высокими стенами внутри, с оригинальным распределением комнат, кухни и обиходных помещений, которые находились в полуподвалах, в которых сохранялись продукты и другие запасы для зимовки. Фасад дома с парадным входом выходил на проезжую улицу. Далее въезд в просторный двор, на котором высилась двухэтажная больница, к которой подъезжали в колясках хорошо одетые мужчины и женщины; во дворе все говорили о чем-то тихо и таинственно. В глубине двора находились конюшня и стойло для лошадей и коров.

Помню, как я стою около стойла, к которому меня привлекла коровушка с чудной мордой, и я, через палку, ограждающую вход, поднимаюсь на пальцы, тянусь и целую мокрую морду, пахнущую вкусным запахом чистого животного – это мой первый друг: я ощущаю чувство полного взаимного расположения... Я искала встреч с наивной детской верой.

Позади двора был расположен сад, густой, с клумбами и с верандой, ведущей в солнечную сторону дома. К веранде примыкала плоская железная крыша с кустами сирени, а над крышей красовались, с большими форточками, окна моей детской, в которой я живу и через одну из форточек совершаю вылазки к моей «подруге»...

Однажды меня очень прельстили георгины на пышной клумбе, и неожиданно я увидела мою «Овушку». Я пошла к ней. «Овушка» остановилась, начала смотреть на меня. На мне было красное платье. «Овушка» ринулась головой вперед и в одно мгновение подняла меня головой и перекинула сильным взмахом через себя. Я упала на георгины. «Овушка» исчезла в гуще деревьев... Я лежала... Надо мной сияло осеннее солнце, а с веранды сбегала та самая «тетечка», которая все чаще и чаще бывала со мной. Ее лицо было бледным, глаза темными...

И все это было не во сне, а наяву...

Потом, помню, ко мне как-то вошел папа в ту же комнату и за что-то меня наказывал плеткой. Стегая меня, он спрашивал: «Будешь ты это делать?», а я не понимала, за что меня стегают, и при каждом вопросе отвечала: «Буду!» и старалась повторять изо всех сил: «Буду! Буду! Буду!..» И вдруг у отца выпала плеть из руки на пол, и он вышел из комнаты, а я все повторяла: «Буду, буду, буду...» до усталости.

Зима... Кругом снег. Я снова наказана. За что? Не знаю. Зимой в форточку уходить было невозможно, но я знаю, что я наказана. Меня заперли на ключ в гостиной. На мне, кроме ночной сорочки, ничего не надето, я босиком.

Уходя, «тетечка» сказала, что мне кушать не дадут, а если мне захочется, то на тарелке лежат куски черного хлеба, а если я захочу пить, то в кувшине вода. Мне сразу сделалось очень холодно, я скоро нашла диванные подушки, зарылась в них и заснула.

Проснувшись, я ощутила голод и увидела на столе черный хлеб. Я с удовольствием поела, запивая водой. Опять я была одна, но в новой обстановке. Пол, покрытый мягким ковром, приятен был для моих босых ног. Я начала ходить по ковру и осматривать предметы, находящиеся вокруг меня. Окна, густо прикрытые зелеными крупными цветами, меня привлекли, и тотчас, отодвинув листву и занавеси, я забралась на окно.

Из окон я впервые увидела возниц, везущих сани, запряженные небольшими лошадками. Был первопуток зимы. С восхищением заметила я сереньких маленьких птичек, подбиравших на дороге зерна – это были воробьи. Воробьи были моим вторым увлечением. Я видела, что они поднимают крылышки и летают... И я, увидев на себе широкую ночную сорочку, спустилась с окна и, махая рукавами, начала подражать им, прыгая по ковру... Результатом явилась моя новая летняя вылазка в форточку на крышу, когда, подняв широкий подол одежды, я вообразила, что это крылья, и преспокойно полетела на кусты сирени. Я испытала неприятное ощущение, запуталась в ветках... От страха, что меня опять накажут, я долго сидела в кустах и не отзывалась на зовы и крики. На этот раз меня не наказывали, а замазывали царапины и прикладывали мазь... Папа не приходил, тетечка рассказывала женщинам, которых я видела у себя в комнате в первый раз, что в форточку я не прыгала, не вылезала; а я была в большой обиде разочарования: воробьи могли летать, а я позорно упала!

Однажды тетечка отпустила меня в жаркую пору гулять в сад. За садом оказался пустырь с репейником и песочными ямами. На пустыре возилась детвора. Увидев меня, дети подошли ко мне и стали спрашивать меня, кто я такая и отку-

1 «Тетечка» -- это Ксения Федоровна Чекан, жена В.Г. Чекана. Виктория была внебрачной дочерью Владимира Георгиевича; позднее он ее удочерил.

да. Я показывала на дом, сказала, что меня зовут Витей. Дети предложили мне лечь в яму, полную песку, стали смеяться. Я легла на песок в яму, а ребята прыгали и сыпали на меня песок. Чем бы это кончилось, неизвестно, если бы не пришел на пустырь сторож. Он разогнал детей, вытащил меня из ямы и доставил тетечке... Меня больше не пускали в сад, и я снова сидела запертая на ключ и начала играть с игрушками, отдавая им свои просыпающиеся чувства.

Но вот для меня произошло большое событие. Тетечка пришла ко мне и сказала, что приехал, после долгого отсутствия, мой папа и устроит большой праздник для детей и меня. Но какой праздник, это должно быть в секрете.

На улице трещал мороз. В день праздника тетечка принесла мне платье, которое очень мне понравилось. Беленькое, теплое, с тоненькими голубыми полосками. Никогда я не радовалась так, как в день открытия секрета, и наконец, когда за окнами моей детской комнаты выла вьюга, вошла тетечка и торжественно повела меня в гостиную, в ту самую гостиную, где я ела черный хлеб с водой. Чудо! Стояла елка! Огромная, до потолка, в огнях и игрушках, в фонариках, хлопушках, огоньках. Люстры освещали детей и взрослых так ярко, что невозможно было разглядеть каждого в отдельности. Да невозможно было глаз оторвать от великолепной елки, и игрушек, и пряников, и конфет, и орехов.

Когда наверху зажглась звезда, ко мне подошел папа, взял мою ручку, поцеловал и сказал: «Поздравляю тебя, Виктория, с днем рождения!».

Мне очень нравился папа и имя, которым он меня назвал. Заиграла музыка, и дети, и взрослые закружились... Когда огни на елке затушили, меня увели спать. Но уснуть я не смогла, в комнате было темно. За окном выл ветер и доносил чьи-то голоса из-за пустыря: «Караул! Грабят!» — Мне было страшно. Стих ветер. Начало светать... перед моими глазами огоньками снова заблестала красавица елка...

Утром, после праздника, я рассматривала подарки, среди которых красовалась коробка с кубиками. Кубики можно было складывать, можно строить башенки, а главное, кубики таили в себе сказку об Иване-царевиче и прекрасной Елене, которую будет рассказывать мне моя бабушка, мама моего папы. На Новый год приехала бабушка из Молдавии, и мы с ней по кубикам начали разбирать сказку. Бабушка знала только молдавский и польский языки.

Я и бабушка вечерами сидели за столом в столовой, рядом с моей детской, и учились читать по-русски; бабушка скорее меня успела, а я плелась за ней — мне так казалось, но сказку мы с

ней к лету складывали замечательно. К молдавскому и польскому у бабушки прибавился и русский язык.

Однажды к нам на складывание сказки пришел папа, погладил меня по голове, бабушке поцеловал руку, как мне «на елке», и сказал нам всего лишь одно слово: «Умницы».

Бабушка скоро уехала, она не выдержала холода. Прощаясь, она признала Ксению-тетечку как очень хорошую хозяйку, которая умеет ставить дом. Ксения одарила бабушку подарками, но бабушка больше к нам никогда не приезжала.

Бабушкин муж, молдаванин, умер рано, на руках у нее осталось пять человек детей: папа, Владимир, первенец, Виктор, Михаил, Ваня и дочь Анастасия. Сама бабушка была круглой сиротой, ее вырастили польские униаты.

Умная, строгая, требовательная, она сумела при помощи русской культуры и личной одаренности повести детей по пути образования, воспитать в них волевое начало к учебе и труду.

У бабушки на каком-то этапе жизни воспитывалось много внуков. Бабушка жила в основном у Виктора, а у него было тринадцать человек детей; многих унесли войны.

У Михаила было четверо, у отца — я и приемный сын Миша; у Вани не было детей, а у Анастасии — единственная дочь Валентина.

Уезжая, бабушка засветилась каким-то светом, который раньше я не замечала на ее лице. Она погладила меня по плечу, поцеловала голову и сказала:

-- У тебя, Витика, достаточно много двоюродных сестриц и братьев, когда-нибудь приедешь к нам в Молдавию...

И величественно пошла к выходу. Я бросилась к окну, увидела, как папа подал ей руку, посадил в пролетку, взял из рук кучера вожжи — пролетка была без сидения для кучера, и папа с бабушкой уехали вдвоем. Вороной конь унес бабушку надолго от нас. Я поспешила уйти в детскую, где в окружении кукол и игрушек сказочные кубики лежали в беспорядке. Я начала их складывать и сложила: перед глазами на картинке были ясно видны Иван-царевич и Елена Прекрасная.

Последним сильным впечатлением, связанным с домом Рейнфельда, у меня была поездка с папой вдвоем на тройке, в упряжке вороного коня, того коня, который увез бабушку Марию Федоровну Чекан в Молдавию.

Помню темный, темный вечер, теплый запах земли, очень яркие звезды на небе, ровный ход вороного коня вдоль мостовой, широкие площадки тротуара и колебание живых огоньков горящего маслянистого вещества. Дома каменные и деревянные тонули в темноте. Папа сказал:

— Произошло очень большое событие. — Какое «событие» -- прошло мимо моего слуха, но ощущение запаха земли, темноты, мерцания звезд и плашек с огоньками... прогулка с папой остались в памяти навсегда.

Дом Рейнфельда, как все его называли, скоро позабылся моей детской памятью, и переезд в «казенный дом» под липками я тоже не помню.

КАЗЕННЫЙ ДОМ ПОД ЛИПКАМИ

Так стали называть дом, в котором мы жили. Он был расположен на улице «богатеев» -- напротив миллионщиков Рязановых¹. Их белокаменные дома за каменными заборами были для прохожих загадочно закрыты, и лишь иногда запахивались ворота, и в колясках, запряженных лихими конями, выезжал кто-либо из хозяев, но не полагалось в то время следить за соседями, и детей вели по этому правилу.

Казенный дом тоже был белокаменный. Фасад дома в два этажа с чугунным резным балконом скрывался за стволами деревьев, верхушки же могучих лип поднимались выше крыши. Вход в дом помещался во дворе дома, конюшни начинались у входа, ворота так же, как у Рязановых, наглухо закрывались. Двор окружен был высокими кирпичными стенами, из двора вела дорожка к речке, закрытая небольшим хвойным леском.

Внутреннее расположение дома оказалось иным, нежели в доме Рейнфельда. В нижнем этаже находилась кухня, помещение для прислуги, даже род домашней бани и две детские комнаты с окнами, выходящими на улицу. Окна были выше среднего роста, т.е. подоконники были такими, что ребенок никак не влезет на них для обозрения уличной жизни. Во второй этаж вела лестница из служебного этажа прямо в столовую с дверью налево в спальню, а направо в гостиную, почти точь-в-точь такую же, как в доме Рейнфельда.

Детство продолжалось в детских комнатах, но я живу уже не одна, ко мне была «приставлена» «бонна», очень для меня необыкновенная женщина -- горбунья Аврора Ивановна Блесси, она меня учила немецкому языку. Первая комната была предназначена для занятий и для еды.

1 «Миллионщикам» Рязановым в Екатеринбурге 1880–1890 гг. принадлежало несколько домов-усадеб, в т.ч. и на ул. Златоустовской (ныне Р. Люксембург). «Казенным домом под липками» мемуаристка, видимо, называет дом на ул. Златоустовской, 64, принадлежащий в ту пору уральскому горному ведомству (или ведомству казенных заводов). Здесь проживали чиновники горного правления.

Еду нам приносили прямо из кухни утром, днем и вечером. Вторая комната была больше, в два окна, в ней, кроме кроватей, находился большой шкаф, пара стульев. Когда я ложилась спать, на стене над моей кроватью я видела изображение Христа, окруженного его страданиями, вплоть до распятия и воскресения.

Во мне просыпалось чувство жалости, но объяснений у Авроры Ивановны я не спрашивала: я поняла, что она может учить только немецкому языку. Лицо у Авроры Ивановны как будто отражало миловидность: черты тонкие и маленький нос, серо-голубые глазки, розовые щеки, и вообще она в моем воображении была мало реальным существом. Я считала, что она пришла из книжки сказок... Я ее даже боялась. Она даже в комнате навесила розги из прутьев. Мне это не нравилось, и она, как и тетечка, симпатии не вызывала. Она в мои отроческие годы играла странную роль.

Впервые в «казенном Боме» я начала тосковать. Аврора Ивановна привела свою внучку Соню, очень хорошенькую девочку, но это не помогло. Я опять начала тосковать и особенно после того, как она за что-то пожаловалась на меня и меня наказали розгами и поставили в угол на горошины. Было очень больно.

Книжки с картинками не утешали, и я решила, что, может быть, и есть добрые люди, но они не со мной.

Папа не заходил: он, говорили, был все время в разъездах.

Но в нашем доме появилось новое прекрасное животное с густым лаем, большое, с палевой шерстью, пушистым хвостом, с мягкими ушами и доброй-предоброй мордой -- сенбернар по кличке Демон. Нам с Авророй Ивановной разрешили прогулки к речке, но только лишь с Демоном.

В одну из прогулок со мной случилась оказия. На речке стоял плот для стирки белья, пора была летняя. Я вбежала на плот, увидела свое лицо в воде, крикнула:

— Аврора Ивановна, там девочка...

И... бултыхнулась в реку, и начала пускать пузыри, но Демон бросился за мной и выбросил меня на берег. Аврора Ивановна охала, кричала, а мы с Демоном прыгали мокрые, я очень смеялась, а он со мной прыгал, и мне казалось, что ему тоже смешно и весело.

По одной из весен густой лесок стали расчищать. Тетечка вдоль стены развела кусты ягод, а в лесок пришли люди на работу. Меня потряс вид людей, закованных в кандалы. Цепи на руках и на ногах. Мы шли с Авророй Ивановной и Демоном к той же речке, они смотрели нам вслед... глазами, как у Христа в терновом венке. Мне захотелось плакать, и я побежала домой. За мной

Демон. Аврора Ивановна подумала, что я испугалась, и утешала, говоря:

— Это непослушные люди, а непослушных наказывают.

О существовании бога и о том, что есть Христос, со мной никто не говорил. Но мне было очень жаль каторжан в цепях, Христа в терновом венке и самое себя.

Тетечку я видела редко. Только тогда, когда Аврора жаловалась на меня, за что я просто невзлюбила ее.

Я скучала, но зимой как-то меня нарядили в синее платье и сказали, чтобы я держала себя хорошей девочкой: у папы будет в гостях его лучший друг князь Гагарин. И вдруг Аврора Ивановна поведала мне тайну князя, принимая меня за взрослую.

Князь, по словам Авроры Ивановны, был сослан в Екатеринбург. Его сослала его бабушка графиня Фермор-Стенбок за то, что одна полковница родила от него двух детей, мальчика и девочку, а полковник, ее муж, не дает развода. «Одним словом, вроде твоего папы...» В это время вошла тетечка, взяла меня за ручку и повела по лестнице во второй этаж в столовую.

Когда я вошла, папа и князь встали и поочередно меня поздравляли и усаживали за стол, и угощали сладостями.

Князь был очень красив в военной одежде, приятным голосом разговаривал с тетечкой, но я поняла только одно, что имеется что-то секретное по отношению ко мне. Тетечка сказала, обращаясь к князю:

-- Напрасно графиня Стенбок так сурово обращается с вами, ведь дети не виноваты. Наконец вопрос Виктории закончен, надо и вам, князь, детей усыновить.

Я как будто поняла что-то, но не до конца. Оказывается, в этот день я была узаконена дочерью Владимира Георгиевича Чекана.

Князь начал уходить и грустно посмотрел на меня. Мне его было жаль, ведь я знала уже, что у него есть мальчик и девочка, но Стенбок не позволяет сделать того, что сделал папа.

Жизнь тетечки и папы проходила наверху. К папе приезжали мужчины, князь... Разговаривали о каком-то земстве, о Кыштымских заводах, и часто беседы заканчивались утром. Но после одного очень бурного съезда произошло то, что вновь повернуло жизнь папы и, конечно, нашу.

Рано утром прискакал вестовой и сообщил, что князь Гагарин застрелился. Тетечка одела траур. Папа был очень расстроен. Дом под липками вскоре был покинут. Я как-то стихла, Аврора и Демон меня повсюду сопровождали.

ГОЛУБЕВА Надежда Владимировна (урожд. Бегичева; 1853 — ок.1940), писательница; авт. воспоминаний .

Жена сенатора В.Я.Голубева. Была знакома с А.П.Чеховым и И.И.Левитаном. Благодаря знакомству с Голубевой и ее мужем, Чехов пересылал книги ссылкой на Сахалин. Авт. кн. "Лиза", расск. (СПб..1894), "Рассказы" (СПб.,1898) -- Н.Бегичева ; "Путевые письма от Одессы до Иерусалима" (СПб.,1898). "Воспоминания об А.П.Чехове: Три встречи с ним в 1887, 1893 и 1899 гг". — "ЛН. 1960. Т.68. С.557-574 .

ИДРДВ. Т.5. Ч.1. № 896; Чехов А.П.Письма. Т.1, 7; РНБ (Бегичева Н.) .

ГОЛУБЕВА Ольга Александровна (1868 — 1942), авт. воспоминаний.

Род. в Моршанске Тамбовской губ. Воспитывалась в Москве, в Усачевско-Чернавском училище. В Москве окончила драматич. курсы по классу А.П.Ленского. Актриса. Жена московского адвоката Мандельштама. Играла в провинции, в московском театре Корша, в СПб. театре Комиссаржевской, в Одессе. "Мой первый сезон в провинции: Казань-Саратов; Ярославль. Из воспоминаний". — В кн. "Русский провинциальный театр". Л.-М., 1937. С.91-122. Написала воспоминания об актерах М.В.Дальском. (В кн. "На провинциальной сцене". Л.-М., 1937. С.135-139.), А.П.Ленском (в кн. Ленский А.П. Статьи; Письма; Записки. М.-Л., 1935. С.522-526), режиссере К.А.Марджановиче (в кн. "На провинциальной сцене". С.119-134).

ГОЛУБЕВА Ольга Федоровна.

(См. Феррари Е.К.).

ГОЛУБОВА

Авт. «Заметки женщины» (на ст. К.Чибисова в «Одеском вестнике» 1859. № 79) \ \ Одесский вестник. 1859. № 85.

Слов. рус. писательниц.

ГОЛУБОВА А.Е. (Аполлинария Евграфовна; ? — 1900)

Сотр. "Петерб. Листка" (1864, № 140) — Ляля .

Масанов; Венгеров. Источ.

ГОЛУБОВА Маремьяна Романовна (1893 — 1959), сказительница .

Род. в дер. Голубково Нижнепечерского р-на Архангельской губ. Хранительница традиц. фольклора. От нее записано свыше 400 песен, много причетов, пословиц, загадок. Слагательница сказов и плачей. На события Отеч. войны отозвалась произв.: "Проклятие Гитлеру", "Пусть падут слова материнские", "Отдал жизнь свою не жалеючи" и др. Совм. с писателем и фольклористом Н.П.Леонтьевым написала кн. "Два века в полвека" (1946), "Оленьи края"(1947), "Мать-Печора" (повести, 1950), ром. "Маришка" (опубл. 1960) . КЛЭ; Розанов.

ГОЛУБОВА

Сотр. "Одесск. Вестн." (1859) .

Венгеров. Источ.

ГОЛУБОВСКАЯ Н .

"Географ. данные в Русской Правде". Оттиск из сб. "Minerva". Киев, 1913.

Продолжение в следующем номере

Топазы

*Топаз—минерал, чем-то подкупающий нас в своей изумительной работе. В недрах Земли природа следует Законам геометрии.
Энцелий (Современник И. Кеплпра)*

Природа Урала нас не обделила – она оказалась очень щедрой к человеку. По изобилию минеральных богатств Урал превосходит все остальные регионы России.

Первые достоверные сведения о находке самоцветов на Урале относятся к XVII веку.

В 1668 году «Близ Мурзинской слободы отыскал цветное камень в горах: хрустали белые, фатисы вишневые (аметисты), юги зеленые (бериллы) и тумиасы желтые (из челобитной Дмитрия Тумашева в Сибирский приказ, 1668 г.).

Очень медленно рос интерес к камню на Руси. Поэтому удивлялись некогда окрестные соседи наши: у них нет никаких минералов, кроме железа весьма мягкого, хотя я сомневаюсь, чтобы в столь большой стране не имелось других ископаемых, но у них никого, кто бы в них разбирался».

«Исчезло же нареkanie от просвещения Петрова: отвержены внутренности гор сильною и трудолюбивою его рукою». (Ломоносов. Слово похвальное Петру Великому, 1775 г.)

В связи с развитием горно-рудной промышленности происходило и накопление геолого-минералогических знаний. На Урале открывались новые месторождения и новые минералы. Россия стала узнавать себя. Уже в эпоху Петра I в России прекратилось увлечение самоцветами Востока.

«Из камней прозрачных, - общал В. И. Татищев в 1732 г., - в Сибири находят тумпас, хрусталь разной величины и цветом, из твердых цветных камней в Сибирской и Оренбургской губерниях находят агат, яшму, сердолик, мрамор, кремний и тому подобные, которые при полировке весьма чи-

стой и светлой глянec дают и могут в разные работы и с немалою пользою употребляемы быть».

Но прекраснее выразила это чувство Екатерина Великая:

«Нет страны, для которой природа была столь щедрa, как для этой Сибири.

Она походит на страну баснословную; отсюда русская поговорка: Сибирь - золотое дно.

Горы хрусталя, яшмовые скалы, пригорки разноцветных мраморов, вперемешку с грядami золота, серебра, меди и железа, вот в этой стране произведения природы, которая кажется вам оцепенелою».

Название «тумпас», или «тунпас», - это местные уральские или старорусские названия моргона, или черного кварца. Впервые термин «топаз» в его истинном смысле использован Бозцием де Тоодтом в 1633 г. Точное значение слова

Владимир Авдонин – старший научный сотрудник Уральского геологического музея, кандидат геолого-минералогических наук.

«топаз» неизвестно. Добавим еще: в прошлом, когда о свойствах минерала знали немного, все прозрачные желтые камни называли топазами. 1772 г. считается датой открытия топаза на Урале, в этот год его нашли у деревни Мурзинка, а в 1738 г. – у деревни Алабашки и в Корниловом логу. Но широко стал известен этот минерал только после открытия в конце XVIII столетия казаком Прутовым бесцветных и слегка голубоватых кристаллов топаза «Гордость южного Урала» - в Ильменских горах. Где «...в прежние времена добывались редкие кристаллы, совершенно прозрачные, бесцветные или иссиня-белого цвета, и такой величины, что иногда весили 6–7 фунтов... бывали и такие кристаллы, которые при необыкновенной величине заключали и высокое достоинство» (Г.Е. Щуровский – проф. московского университета середины XVIII века). Проф. Д. Соколов (1832 г.) в своей минералогии упоминает о некоторых замечательных кристаллах топаза. Один из них хранится в музее корпуса горных инженеров; он весит 74,5 золотника и куплен за 3 000 рублей (по тем временам – колоссальная цена). Другой принадлежит оберберггаунтману Герману; весит 7 фунтов.

В 1875 г. были открыты копи Мокруши с топазами. Затем топазы добывались помимо копей Мокруши в коях Шайтанки, Липовки, Большой и Малой Тяжеловесницы и др. Все эти месторождения находятся в пределах Мурзинско-Адуйской самоцветной полосы, которая имеет протяженность 170 км и ширину 20 км. Добываемые здесь топазы были окрашены преимущественно в нежно-голубой цвет, часто бесцветные, реже винно-желтые или желтые. Масса их достигала 45 кг. Что касается Урала, то можно сказать, что топаз – главное достоинство Мокруши. А.Е. Ферсман про очень известное горщика А.К. Южакова вспоми-

нал: «Но больше всего любил он Мокрушу—это замечательнейшее место на всем свете, где в болотном лесу, полузалитых водой ямах добывались нежно-голубые топазы, горные морионы и винно-желтые бериллы. Еще В.М. Севергин (1799

Н.И. Кокшаров

г.) на исходе XVIII столетия отмечал: «Сибирский тяжеловесный камень (уральские горщики тяжеловесом называли топаз). Кристаллы сего камня редко находятся отдельно, а обыкновенно в соединении с аквамаринами и горными хрустальями, с коими составляют особую топазовую матку».

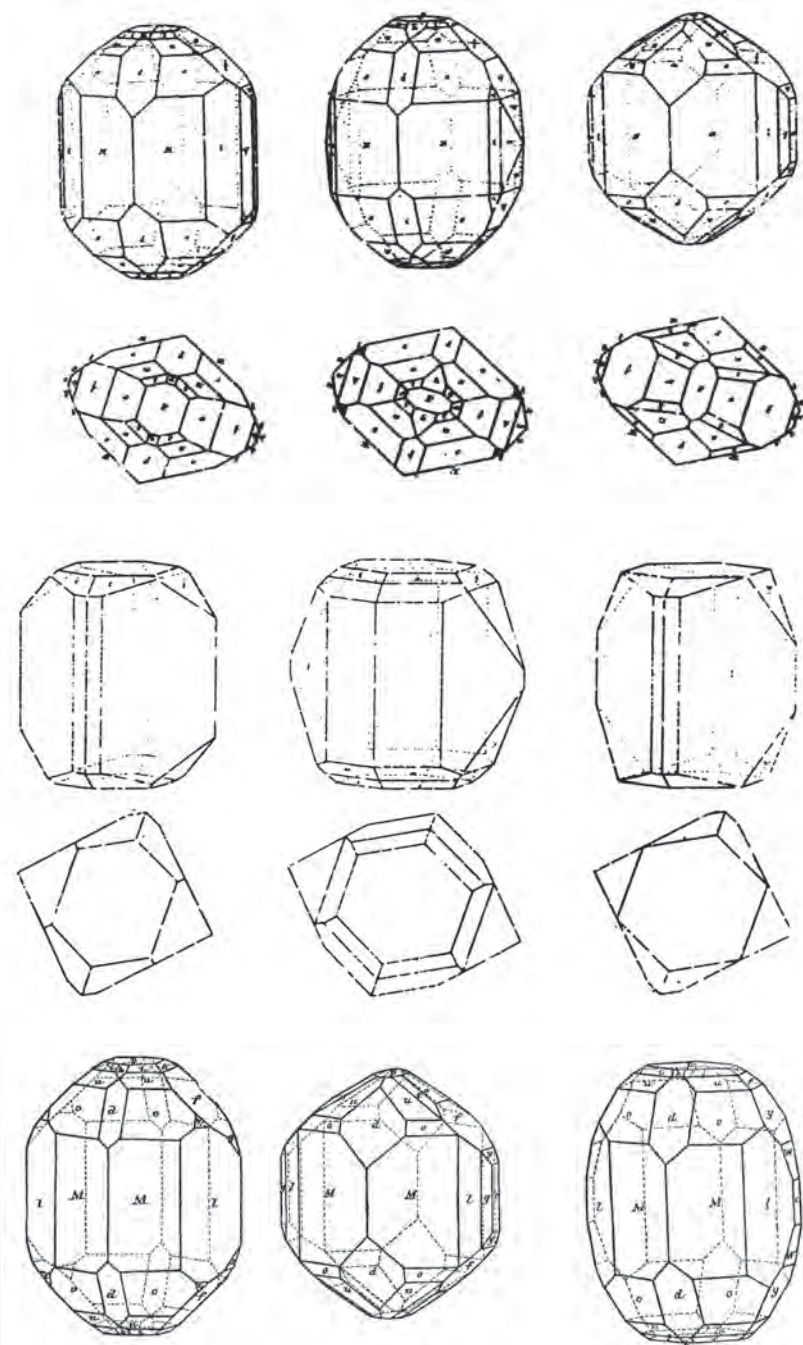
Пора пришла выслушать проф. ДИ. Соколова (1832 г.) – знаменитого минеролога, одного из учредителей Санкт-Петербургского Императорского минералогического общества, автора двухтомного уникального даже в наше время «Руководства к минералогии». «... в сочиненной мною минералогии заключались сколь возможные

полные и верные сведения о русских месторождениях минералов. В частности о топазе: «Кристаллам сего минерала свойственна великая сложность в образовании... как драгоценный камень вмещает в себе наипрозрачнейшие отличия породы... Топаз из числа драгоценных камней принадлежит к вторклассным – самую высокую цену имеют топазы красные, темно-синие и померанцевые... Белые, синие и зеленые топазы не приобрели всеобщего уважения. Что можно сказать... на камни бывает мода... но драгоценны все камни, просто не всем это заметно», - заметил Морис Метерлинк – бельгийский драматург, автор «Синей птицы». Или «Мир можно представить разными способами, в драгоценном камне он заключен в нем самом».

Топаз имеет неоспоримое право на внимание всех любителей не только драгоценных камней, но и прекрасно образованных кристаллов.

«Русские топазы по своей величине, совершенству кристаллизации и прозрачности суть самые красивейшие из всех ныне известных». Так в 1884 г. писал академик Н.И. Кокшаров (1818–1892) – горный инженер, выдающийся минеролог, основоположник русской минералогической кристаллографии, горный генерал-отец русской минералогии, имя его оставляет за собой след, освящающий Россию и Европу. Он оставил нам непревзойденных по точному измерению Уральских топазов.

Спустя несколько десятилетий более эмоционально это выразил певец уральского камня А.Е. Ферсман (1921 г.). «Россия поистине может гордиться своими топазами, которые по красоте тона, чистоте воды и величине кристаллов занимают исключительное место среди топазов всего света». Любители камня, коллекционеры минерала, да и собственно минерологические специалисты, как правило, имели и ныне имеют дело с кристаллами то-

паза. Они давно обратили на себя внимание исследователей. Указания на них мы находим и в произведениях древних авторов. В историю отечественной минералогии, как один из выдающихся исследователей уральских минералов, вошел Н.И. Кокшаров.

Кристаллы - изумительные творения природы—всегда привлекали внимание людей своим внешним видом. Правильные многогранники с плоскими гранями и прямыми ребрами. Их «...внешность может служить для распознавания или, во всяком случае, играть в распознавание немалую роль. И в этом

смысле положение может быть распространено на все предметы природы, в том числе и на безжизненные, но однородные предметы или вещества, которые также имеют свой костюм в виде кристаллов. Творческое начало самой природы, это настоящее торжество самой природы. В кристаллах мы наблюдаем настоящее царство природы. Кристаллы блещут симметрично. (Е.С. Федоров)

Если бы высший вид кристалла зависел только от природы вещества, то все кристаллы одного и того же вещества по форме не различались бы между собою, но на

их облик влияет и влияла среда и условия, при которых они росли. Но в любом кристалле всегда имеются несколько граней, которые неуклонно сопровождают друг-друга – эти несколько граней составляют то, что мы называем просто формой.

Н.И. Кокшаров – первым в России приступил к точным кристаллографическим наблюдениям и измерениям кристаллов. Неумолимо в течение долгих лет он возвращался вновь и вновь к изучению топаза – своего наиболее любимого минерала.

В месторождениях Урала и России ему удалось выделить следующие морфологические типы:

1. Топаз ильменский – бочонкообразный с равномерно развитыми гранями.

2. Топаз мурзинский – изометрический облик с плоской вершиной.

3. Топаз шерлогорский – столбчатые кристаллы с заостренной вершиной.

Природа не обидела этот подкупающий нас своими прекрасными ювелирными достоинствами минерал, он твердый – уступает рубину, сапфиру, алмазу ... сильный блеск... его кристаллы нередко попадают в категорию гигантов минерального царства. Следующие примеры могут подтвердить это.

В музее земледования московского университета представлен хорошо образованный индивид, светло-голубой, полупрозрачный, с размерами 39x20x36 см, масса 67,2 кг. Это самый знаменитый минерал из волынских пегматитов (Украина) и, вероятно, самый большой из сохранившихся. По данным Ю.Г. Сорокина (1967), самый крупный, но не сохранившийся кристалл-гигант топаза из пегматитов Волыни имел массу 117 кг. Он был обнаружен в 1965 г. при разработке одной из пегматитовых жил, в которой общий вес добытых кристаллов составил более 500 кг. Всего было найдено около 100 кристаллов, из которых два весили более чем на 100 кг каждый.

На Урале уникальной находкой были кристаллы массой 46,3 кг, на

званные «Победа» в честь 40-летия победы Советского Союза над Германией. Найдены были в 1945 г. на месторождении Мокруша.

Рекордсмен в мире кристаллов топаза, как сообщает нам в своей книге «Цветные камни», имел массу 5 кг, но особых подробностей об этом гиганте он не приводит.

«Но как это случается нередко: природа снова и снова оказывается гораздо богаче наших представлений о ней, а бесчисленные «сюрпризы» делают ее изучение

захватывающе интересным». (В.А. Амбарцумян)

В 1779 г. на южном Урале в Мисасской даче было найдено первое коренное золото, но размах работы приобрели только-только после открытия золотоносных россыпей. С этого момента на приисках стали находить галечки различно окрашенных минералов. Особенно привлекли внимание красноватые и розовые – необычной окраски небольшие кристаллы топаза. Здесь же Н.И. Кокшаровым открыт впервые в России великолепный и

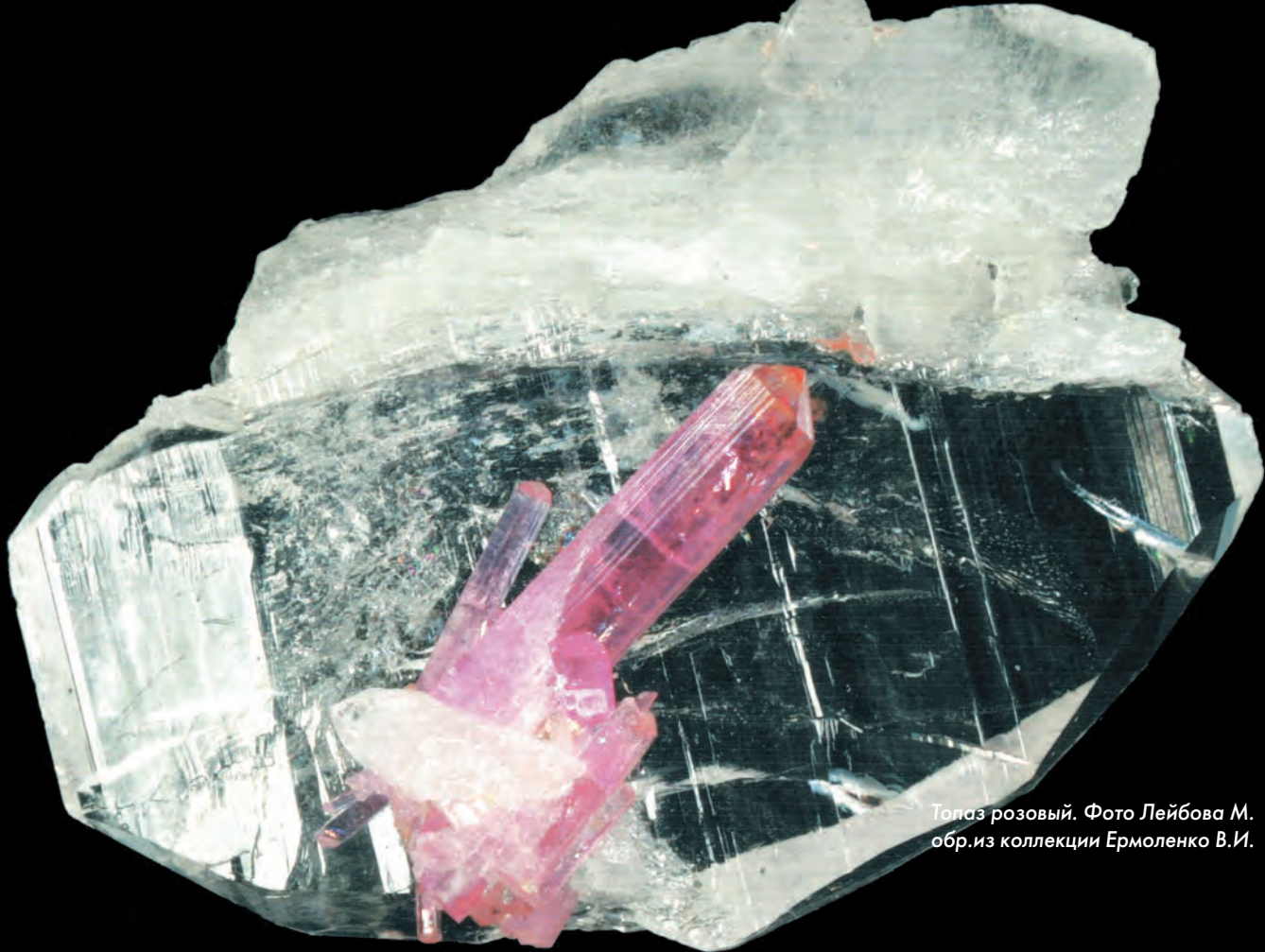
исключительно редкий минерал-эвклаз. До этой находки он был известен только в Бразилии.

Розовые топазы стали на Урале известны с тех пор, как горный инженер полковник П.Е. Ахматов в 1853 году передал Н.И. Кокшарову два маленьких кристалла, известных ныне как розовые топазы с реки Санарки.

Ныне помимо Южного Урала розовые топазы известны только в Бразилии и Пакистане.

Итак, местность, приуроченная к долинам небольших речек Санарки

Топаз розовый. Фото Лейбова М.
обр. из коллекции Ермоленко В.И.

и Каменки (Оренбургская область), в золотоносных песках которых были найдены драгоценные камни, с легкой руки академика Н.И. Кокшарова стала именоваться «Русская Бразилия». Честь описания розовых топазов Урала принадлежит Н.И. Кокшарову, дадим ему слово:

«В 1853 г. горный инженер полковник П.Е. Ахматов прислал мне два маленьких кристалла топаза при следующих строках: «На оренбургских золотых промыслах, на приисках купца Бакакина, прошлого лета попались при промывке песков обломки и кристаллики розового цвета, который назван здесь розовым тяжеловесом. Два таковых кристаллика, из коих один с заостренными, при сем к вам препровождаю.»

Этими словами начинается статья Н.И. Кокшарова, читаная в

Императорской Академии наук 7 декабря 1855 г. «Оба упомянутых кристалла топаза по своему цвету, блеску, степени прозрачности и характеру кристаллизации так походят на бразильские топазы, что нет никакой возможности от-

нисколько от них не отличающихся, кажется не подлежит более сомнению».

Много поэтических произведений посвящено цветным и особенно драгоценным камням, но о камнях, особенно в наше время, говорят много совершенно невероятного, чего не следует принимать во внимание.

Но закончим наше краткое знакомство с топазом на мажорной ноте:

«Человек по натуре своей художник, - писал М. Горький, - он

всюду, так или иначе стремится вносить в свою жизнь красоту».

Рассматривая многочисленные чертежи кристаллов топаза мы убедились в справедливости этих слов, приведенных в эпиграфе

Уникальные находки

В штате Минас-Жерайс (Бразилия, 1987 г.) нашли гигантский кристалл топаза размером 2х1,5 м, оцененный в 3 млн. долларов, а через 5 месяцев был обнаружен еще больший – массой свыше 5 кг, размером 2х1,8 м, оцененный в 15–20 млн долларов. (В. Буканов, 2001)

личить от этой последних. Мне должно сознаться,—продолжал Н. Кокшаров,—что в то время кристаллы я принял за настоящие бразильские топазы, что они как-нибудь случайно попали в одну из Уральских коллекций. Однако же нахождение на Урале топазов, сходных с бразильскими, или вернее сказать,

Михаил ФОНОТОВ,
фото Владимира САДЫРИНА

Дни и ночи смолевки

У смолевки чашечка, напоминающая ягоду крыжовника, вздутая, пузырчатая, поначалу почти пустая, потом заполняется разросшимся плодом. Над горловиной чашечки белеет веер венчика, из которого торчат длинные, крючком, тычинки. Может показаться, что венчик, днем сомкнутый, мятый, «зжмуренный», какой-то увядший, страдает от обилия солнечного света. К вечеру и впрямь лепестки раскрываются, откуда ни возьмись, набирают свежесть и чистую белизну. Принято считать, что смолевка «живет» ночью, а день ей в обузу.

Это, конечно, не так. Более того, смолевка и не зацветет, если нарушить прибывающий дневной ход весны и лета. Точнее, она зацветет, но мужские цветки погибнут, а женские, наоборот, нальются жизненной силой и набьют разбухший плод однополыми семенами.

Смолевка дает ученым повод поразмышлять о мужском и женском началах в растительном царстве.

В животном мире (и в мире людей) после слияния мужской и женской клеток (в зиготе) вопрос о поле уже не подлежит обсуждению — он решен раз и навсегда. Среди растений такая категоричность не принята: мужской цветок может превратиться в женский, и наоборот. Известно, что в давние уже времена крестьяне больше ценили «мужскую» коноплю — посконь, дававшую раннее, тонкое и мягкое волокно. А матерка, женские экземпляры, в этом качестве проигрывали поскони. Позже оказалось, что девочку-коноплю можно превратить в коноплю-мальчика. С помощью этилена. Мало этилена — много мужских растений. А количество этилена, между прочим, зависит от длины дня.

УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ПРАВА

Государственная Лицензия № 000122 от 10 июля 2008 года
Свидетельство о государственной аккредитации № 001557 от 22 июля 2008 года

*Готовим
профессионалов!*

СПЕЦИАЛЬНОСТИ И СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ПОДГОТОВКИ:

- Прикладная информатика (в экономике): информационные системы в бухгалтерском учете и аудите; компьютерная безопасность в экономических информационных системах;
- Мировая экономика: международная инвестиционная деятельность;
- Экономика и управление на предприятии (торговли и общественного питания): правовое регулирование хозяйственной деятельности; управление персоналом; управление маркетинговой деятельностью на предприятии; организация гостиничного хозяйства, торговли и питания;
- Финансы и кредит: финансовый менеджмент;
- Юриспруденция: гражданско-правовая; финансово-правовая.

АСПИРАНТУРА ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

- 08.00.01 Экономическая теория;
- 12.00.14 Административное право; финансовое право; информационное право.

УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ УПРАВЛЕНИЯ И ПРАВА

Адрес приемной комиссии:

620026, г. Екатеринбург, ул. Луначарского, д. 194, к. 325

Телефон приемной комиссии: (343) 261-59-58, 261-57-92

Internet: www.urep.ru

Дорогие выпускники школ, вузов, студенты и родители!

Для вас программа «Доступное образование в Европе» Обучение в вузах Чехии

Гостеприимная Европа ждёт Вас!

Мы предлагаем:

ВУЗЫ ЧЕХИИ

- Высшая Школа Предпринимательства г. Острава
- Институт Государственной аккредитации и международных отношений г. Прага
- Банковский Институт г. Прага
- Отельный институт г. Прага
- Торговый институт г. Прага
- Институт Финансов и Управления г. Прага

GeKs Company s.r.o.

тел.: (+420) 774-603-571

(+420) 775-397 400

e-mail: geksgeks@seznam.cz

В продаже словари (русско-чешский, чешско-русский), учебные пособия + аудиокурс для обучения чешскому языку

Наши специалисты предоставят Вам полную информацию, помогут подобрать вуз,

выучить чешский язык и оформить документы

Сергей НОВОПАШИН,
фото: Матвей Кальдилов,
Владимир Кутафин (газета «Северный Луч»),
Сергей Новопашин

Хрупкая вечность

Как и вчера, утро – провозвестник наступающего полярного дня, обрушилось внезапно, похоронив надежду на скорое возвращение домой. Четыре утра. Март. ЯНАО, город Тарко-Сале. Священное место народа ненэй ненэча, «настоящих людей».

Сергей Александрович НОВОПАШИН— специалист по брэндингу территорий, г. Екатеринбург. Соавтор и автор нескольких книг, среди которых: «ООПТ Свердловской области как объекты экологического туризма», «Карафутто. Альбом неизвестной семьи из Оодомари», «Таборы. Очерки Притавдинья», «Священное пространство Урала», «Уральский миф. Создание мифологем как фактор успешного брэндинга» и др.

Лиственница

Заповедные земли

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

г. Тарко-Сале. Св.-Никольский храм

